This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

Pamiati Dmitriia Ivanovicha Mendeliéva 1615/e

ПАМЯТИ ДМИТРІЯ ИВАНОВИЧА МЕНДЕЛѢЕВА

Семейная хроника

ВЪ ПИСЬМАХЪ

МАТЕРИ, ОТЦА, БРАТА, СЕСТЕРЪ, ДЯДИ

Д. И. МЕНДЕЛѢЕВА

Инв. 3439

Воспоминанія

о

Д. И. МЕНДЕЛѢЕВѢ

его племянницы,

Н. Я. ГУБКИНОЙ (урожд. Капустиной)

Съ восемью портретами и пятью рисунками

ИЗДАНІЕ РАСПОРЯДИТЕЛЬНАГО КОМИТЕТА ПЕРВАГО МЕНДЕЛѢЕВСКАГО СЪѢЗДА
ПРИ РУССКОМЪ ФИЗИКО-ХИМИЧЕСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. Фроловой, Галерная, 6
1908

Инв. 3439.
БИБЛІОТЕКА
Народнаго Университета
№ по инвентарю 8374

Краткій очеркъ жизни родителей Д. И. Менделѣева.

Дмитрій Ивановичъ былъ четырнадцатымъ ребенкомъ въ семьѣ Менделѣевыхъ.

Отецъ Дмитрія Ивановича Иванъ Павловичъ Менделѣевъ былъ изъ духовнаго званія, почти единственнаго культурнаго слоя нашей старой Россіи, кромѣ дворянскаго, да и дворяне того времени учились мало и неусидчиво „чему нибудь и какъ нибудь“.

Отецъ Ив. Пав. Менделѣева былъ священникъ Тверской губ. изъ велико-русскаго рода, въ которомъ сыновья преемственно учились, чтобы дѣлаться священниками. Но жребій Ивана Павловича былъ счастливѣе. Ему удалось поступить въ С.-Петербургскій Главный Педагогическій Институтъ казённокоштнымъ студентомъ, и кончивъ курсъ онъ поѣхалъ учителемъ въ Тобольскъ, гдѣ встрѣтилъ Марью Дмитріевну Корнильеву, влюбился въ нее и женился.

Марья Дмитріевна была изъ стариннаго русскаго рода фабрикантовъ Корнильевыхъ, поселившихся въ Сибири въ Тобольскѣ. Они первые начали устраивать въ Сибири фабрики: бумажную и хрустальную и сохранили ихъ въ своемъ родѣ впродолженіе цѣлаго столѣтія. Въ 1787 г. одинъ изъ дѣдовъ Дмитрія Ивановича открылъ въ Тобольскѣ первую типографію, одновременно съ Франкли-

номъ въ Америкѣ *, а съ 1789-го года онъ началъ издавать первую въ Сибири газету „*Иртышъ*“, печатались и другія книги. Стеклянный заводъ находился за нѣсколько верстъ отъ Тобольска въ селѣ Аремзянскомъ.

Слѣдовательно и по матери культурность и предпріимчивость изъ поколѣнія въ поколѣніе переходили въ ихъ родѣ.

По семейнымъ преданіямъ одинъ изъ прадѣдовъ Дмитрія Ивановича былъ женатъ по страстной любви на красавицѣ киргизкѣ или татаркѣ; онъ такъ любилъ ее, что когда она умерла, то и онъ умеръ съ горя. Такъ что въ чисто велико-русскую кровь Корнильевыхъ вошла струя крови монгольскаго племени, и нѣкоторые потомки ихъ имѣютъ даже что-то восточное въ типѣ, хотя у Дмитрія Ивановича этого не было, развѣ немного высокія скулы и разрѣзъ глазъ.

У отца Марьи Дмитріевны Корнильевой Дмитрія Васильевича было трое дѣтей: два сына и дочь, но одинъ изъ сыновей утонулъ юношей на охотѣ.

Дмитрій-же Васильевичъ, отецъ ихъ, послѣ смерти своей молодой жены былъ боленъ воспаленіемъ мозга, потерялъ память, не могъ уже вести дѣлъ фабрикъ, состояніе ихъ пошатнулось и они обѣднѣли. Воспитывала дѣтей и заботилась о нихъ ихъ няня изъ крѣпостныхъ крестьянъ, приписанныхъ къ фабрикамъ, Парасковья Ферафонтовна. Когда Марья Дмитріевна вышла замужъ, она взяла няню къ себѣ и, хотя дала ей вольную, но няня до самой смерти своей жила у нихъ и воспитывала старшихъ дочерей Марьи Дмитріевны.

Марья Дмитріевна съ самаго дѣтства отличалась даровитостью и стремленіемъ къ знанію. Когда братъ ея Василій Дмитріевичъ поступилъ въ гимназію въ Тобольскѣ, то Марья Дмитріевна учила дома всѣ уроки, которые ему

* Взято изъ письма Василія Дмитріевича Корнильева, брата Марьи Дмитріевны.

задавали, и сама себя образовала, и по тому времени была женщина развитая и начитанная. *„Книги—лучшіе друзья моей жизни“*, говоритъ она въ одномъ письмѣ.

По портретамъ она была очень недурна собой въ молодости, въ особенности красивы живые глаза. По письмамъ ея и разсказамъ видно, что Марья Дмитріевна была натура горячая, страстная въ привязанностяхъ и энергичная въ дѣлѣ. Къ сожалѣнію, судьба ея была несчастливая и доля ея не отвѣчала ея глубокому уму, дарованіямъ и характеру.

Послѣ свадьбы молодые Менделѣевы только нѣсколько лѣтъ прожили въ Тобольскѣ. Иванъ Павловичъ выдѣлился изъ среды учителей своими познаніями, умомъ и образованіемъ и былъ переведенъ директоромъ гимназіи въ Россію, сначала въ Тамбовъ, потомъ въ Саратовъ. Они поѣхали туда большой семьей: съ маленькими своими дѣтьми, отцемъ Марьи Дмитріевны, который жилъ у нихъ до смерти, и няней Парасковьей Ферафонтовной. Въ обоихъ городахъ оба Менделѣевы съумѣли пріобрѣсти общую любовь мѣстныхъ жителей и помѣщиковъ.

Какъ просвѣщенный человѣкъ, Иванъ Павловичъ, завѣдуя казеннымъ пансіономъ для живущихъ при гимназіи мальчиковъ, не очень придерживался постовъ, чтобы лучше кормить дѣтей. Кто-то донесъ объ этой вольности всесильному тогда Магницкому и Ивана Павловича назначили перевести въ наказаніе въ Пензу; но тутъ ему посчастливилось перемѣниться, по большому желанію Марьи Дмитріевны, съ Тобольскимъ директоромъ гимназіи, который хотѣлъ ѣхать въ Россію, и Менделѣевы со всей семьей вернулись на родину Марьи Дмитріевны.

Это было въ концѣ 20-хъ годовъ. У нихъ было въ это время уже много дѣтей: старшая дочь Ольга, родилась въ 1814 г.; Екатерина, родилась въ 1816 г.; Аполлинарія, родилась въ 1821 году; Елизавета, родилась въ

1823 г.; сынъ Иванъ, родился въ 1824 году и младшая дочь Марія, родилась въ 1827 году. Сыновья Павелъ и Дмитрій родились уже въ Сибири.

Пятеро дѣтей у нихъ умерло въ младенчествѣ и только самая старшая дочь Марія умерла въ Саратовѣ уже 14 лѣтъ отъ скоротечной чахотки. Это было первое тяжелое горе Марьи Дмитріевны.

Въ 1834 году 27 января родился въ Тобольскѣ послѣдній сынъ Марьи Дмитріевны Дмитрій. Вскорѣ послѣ рожденія его Иванъ Павловичъ сталъ слѣпнуть, вслѣдствіе катаракты на обоихъ глазахъ, ему пришлось выйти въ отставку, и большая семья съ 8 человѣками дѣтей осталась жить на маленькую пенсію въ 1.000 рублей въ годъ. Иванъ Павловичъ былъ слѣпой почти три года.

Братъ Марьи Дмитріевны Василій Дмитріевичъ Корнильевъ успѣлъ разбогатѣть. Онъ остался жить въ Москвѣ, гдѣ учился въ Университетѣ. Сначала сдѣлался онъ главнымъ управляющимъ дѣлъ и имѣній друзей своихъ князей Трубецкихъ, а потомъ повелъ и свое дѣло чуть-ли не по откупамъ. Но любовь къ Сибири, своей родинѣ и вѣковой своей фабрикѣ у него осталась. Онъ сталъ просить сестру свою Марью Дмитріевну взять на себя веденіе дѣлъ по управленію стекляннымъ заводомъ въ Аремзянкѣ съ тѣмъ, что она можетъ пользоваться доходами съ него и жить на заводѣ, а старшаго ея сына Ивана 11 лѣтъ, которому надо было учиться, онъ бралъ воспитывать къ себѣ въ Москву. Положеніе Марьи Дмитріевны было тяжелое; она согласилась и получила отъ брата полную довѣренность на управленіе его дѣлами. И вотъ она съ своей большой семьей, кромѣ Ольги Ивановны, которая вышла замужъ за Ялуторовскаго фабриканта Медвѣдева, и со слѣпымъ мужемъ переѣхала на стеклянный заводъ, на фабрику, какъ они называли, въ село Аремзянское за нѣсколько верстъ отъ Тобольска.

Марья Дмитріевна повела дѣло безъ кредита, безъ капитала на свою отвѣтственность, и впродолженіе 5 лѣтъ, живя на фабрикѣ, и потомъ 15 лѣтъ управляя ею изъ Тобольска, удачно повела дѣло и могла кормить семью и воспитывать дѣтей. Ея хватало на все, но вести дѣло безъ капитала и безъ связей было очень трудно и она билась какъ рыба объ ледъ. При этомъ Марья Дмитріевна по своему желанію платила за работу приписаннымъ къ заводу крѣпостнымъ крестьянамъ. *„Они у меня избалованы свободой“*, писала она въ письмахъ. *„Но за то дѣтки мои фабричные оказали мнѣ такую привязанность, коей я не ожидала отъ нихъ“*. Они часто въ кредитъ работали для нея, ожидая иногда уплаты мѣсяцами.

Въ 1837 году Ивану Павловичу докторъ Броссе сдѣлалъ въ Москвѣ, куда онъ ѣздилъ съ дочерью Екатериной Ивановной, очень удачную операцію катаракты и съ тѣхъ поръ Иванъ Павловичъ хорошо видѣлъ до самой смерти своей, но найти новаго мѣста онъ уже не могъ, получилъ только небольшія занятія по корректурѣ въ типографіи. Кромѣ того онъ помогалъ Марьѣ Дмитріевнѣ по закупкѣ матеріаловъ для завода и продажѣ посуды.

Иванъ Павловичъ, по разсказамъ и письмамъ, былъ необыкновенно добрый, деликатный и мягкій человѣкъ и былъ всегда горячо любимъ своими дѣтьми и всѣми знавшими его.

Старшій сынъ Марьи Дмитріевны Иванъ, которому было тогда 15 лѣтъ, сталъ дурно вести себя въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ въ Москвѣ и его исключили изъ заведенія. Марья Дмитріевна, боясь не столько за его матеріальную судьбу, сколько за нравственную порчу, выписала его къ себѣ, и подъ ея руководствомъ онъ благополучно кончилъ курсъ въ гимназіи въ Тобольскѣ и поступилъ потомъ на службу. Но Марья Дмит-

ріевна, боясь за младшихъ сыновей своихъ, чтобы и они не испортились безъ ея постояннаго надзора, рѣшила посвятить себя ихъ воспитанію; для этого переѣхала въ Тобольскъ, и хотя продолжала управлять фабрикой, но сама слѣдила за мальчиками Пашей и Митей: учила съ ними уроки, читала съ ними, каталась.

Но такъ какъ управлять изъ Тобольска заводомъ было труднѣе, дѣло шло за глазами и кромѣ того явилась конкуренція, то доходы уменьшились, средствъ стало меньше и Марьѣ Дмитріевнѣ пришлось заниматься еще домашнимъ хозяйствомъ, отпустить повара и самой присматривать за стряпухой.

„*Утѣшаюсь тѣмъ*, пишетъ Марья Дмитріевна, *что привыкнувъ къ чернымъ кухоннымъ работамъ, когда надо будетъ везти отсюда въ Университетъ Пашу и Митю, я не заставлю на старости лѣтъ мужа моего нанимать для себя прислуги, а сварю ему щи и кашу и испеку хлѣбъ*“.

Семья Менделѣевыхъ постепенно уменьшалась. Въ 1839 году дочь ихъ Екатерина Ивановна 22 лѣтъ вышла замужъ за Капустина. Младшая дочь Марья Ивановна 18 лѣтъ въ 1845 году вышла замужъ за Попова, сынъ Иванъ кончилъ курсъ въ гимназіи и поступилъ на службу въ Омскъ.

Семья уменьшилась, а горя прибавилось. Средняя дочь Менделѣевыхъ Аполлинарія была натура тоже вѣроятно даровитая и выдающаяся, но въ тѣ далекія времена женщинъ еще мало учили, она искала исхода, предалась религіи и сдѣлалась фанатичной энтузіасткой въ вѣрѣ. Она, какъ разсказывали, вступила въ члены какого-то тайнаго религіознаго общества, дѣлала много добра бѣднымъ на заработанныя ею шитьемъ деньги, и даже обѣдъ свой не съѣдала сама, а уносила бѣднымъ. Когда она умерла, церковь полна была бѣднымъ людомъ, провожавшимъ ее.

Она нарочно умерщвляла свою плоть, ходила пѣшкомъ ночью во всякую погоду къ заутрени, даже больная, по ночамъ читала установленныя по уставу священныя книги, а днемъ работала и ходила непремѣнно пѣшкомъ опять въ церковь и къ бѣднымъ. На глазахъ матери она неудержимо шла къ гибели: болѣзни и смерти.

Съ половины 40-хъ годовъ Иванъ Павловичъ также началъ хворать и въ декабрѣ 1847 года скончался отъ старческой чахотки. Аполлинарія Ивановна черезъ три мѣсяца послѣдовала за нимъ, она умерла тоже отъ чахотки легкихъ 26 лѣтъ.

Марья Дмитріевна осталась съ болѣзненною дочерью Лизанькою и двумя мальчиками гимназистами. Ей и дѣтямъ дали небольшую пенсію, но она не оставляла управленія фабрикою до 1849 г., до отъѣзда въ Петербургъ, куда повезла учиться 15-ти лѣтняго младшаго сына своего Дмитрія, котораго она любила *„паче всѣхъ“*.

Въ Петербургѣ Марья Дмитріевна помѣстила сына въ Главный Педагогическій Институтъ казеннокоштнымъ студентомъ, а сама жила до своей кончины съ Лизанькой.

Павелъ Ивановичъ средній сынъ Менделѣевыхъ послѣ окончанія гимназіи поступилъ на службу въ Омскъ и впослѣдствіи, переѣхавъ въ Россію, дослужился до управляющаго контрольной палатой. — Старшая дочь Ольга Ивановна вторымъ бракомъ была замужемъ за декабристомъ Басаргинымъ.

Въ краткихъ словахъ я разсказала жизнь родителей Дмитрія Ивановича и судьбу его братьевъ и сестеръ.

Марья Дмитріевна горячо любила всѣхъ своихъ дѣтей, но больше всѣхъ своего младшаго сына Дмитрія Ивановича, можетъ быть она чувствовала, что способности и даровитость ея всецѣло перешли къ нему. Въ послѣднихъ словахъ къ нему она пишетъ: *„На тебѣ основаны были надежды старости моей“*. Но ей такъ и не привелось

видѣть хотя бы первыхъ успѣховъ въ области науки ея любимца.

Еще въ 30-хъ годахъ Марья Дмитріевна начала хворать по временамъ отеками и кровохарканіемъ, вѣроятно у нея была болѣзнь сердца, умерла она отъ такъ называемой водянки.

Письма Марьи Дмитріевны это—живая хроника семьи ея и ясно рисуютъ ея величавый образъ женщины-матери, преданной семьѣ и дѣтямъ. Душевная жизнь ея была богата: и въ старости боится она опуститься духовно. Она говоритъ въ письмѣ: *„Тяжко было-бы мнѣ существовать для однѣхъ заботъ о чревѣ, и не имѣть свободной минуты для души, ума и сердца“.*

Марья Дмитріевна до конца оставалась вѣрующей христіанкой, молитва облегчала ея горести, но фанатизмъ ея дочери Аполлинаріи казался ей излишнимъ и ненужнымъ, и она страдала за нее.

Въ общемъ можно сказать, что судьба Марьи Дмитріевны была глубоко трагична. Все въ жизни ея выходило наперекоръ ея желаніямъ.

Она страстно любила и старательно воспитывала свою первую дочь,—та умираетъ 14 лѣтъ отъ скоротечной чахотки.

Она надѣялась, что старшій сынъ ея получитъ прекрасное образованіе въ Москвѣ,—тотъ такъ повелъ себя, что пришлось его взять домой.

Она любила фабрику, природу, жизнь въ деревнѣ, свое дѣло, но для воспитанія мальчиковъ надо было все оставить и уѣхать въ городъ.

Она любила и цѣнила вторую дочь свою *„благоразумную Катиньку“*, какъ она ее называетъ, и радовалась ея семейному счастью, но ея трудовыя обязанности не позволяли ей ѣздить повидать любимую дочь, добраго зятя и внуковъ. Она цѣлыхъ четыре года не могла собраться къ нимъ.

Марія Дмитріевна Менделѣева, урожденная Корнильева,
мать Дмитрія Ивановича.

Съ рисунка, исполненнаго А. И. Менделѣевой.

Старшая незамужняя дочь ея, горячо любимая, даровитая Полинька, — фанатично отдается религіи, отшатывается отъ матери и гибнетъ.

Наконецъ Веніамина своего, своего Митиньку, везетъ она на послѣднія деньги въ Петербургъ и устраиваетъ учиться,—и то неумолимая смерть не даетъ ей хотя взглянуть и порадоваться на плоды трудовъ своихъ по воспитанію сына.

Вѣроятно многіе съ интересомъ прочтутъ письма Марьи Дмитріевны, публикуемыя впервые, и найдутъ не мало интереснаго въ жизни этой цѣльной, богато-одаренной натуры, давшей Россіи геніальнаго ученаго.

Миръ ея праху и вѣчная ей память!

Н. Капустина-Губкина.

ПИСЬМА МАРІИ ДМИТРІЕВНЫ МЕНДЕЛѢЕВОЙ,

МАТЕРИ ДМИТРІЯ ИВАНОВИЧА МЕНДЕЛѢЕВА,

КЪ ЕЯ ДОЧЕРИ ЕКАТЕРИНѢ ИВАНОВНѢ И ЗЯТЮ ЯКОВУ СЕМЕНОВИЧУ КАПУСТИНЫМЪ

съ 1837—1850 г.

---

1 *.

Село Аремзянское. 10 Генваря 1837 г. **

Катинька! Я распечатала письмо къ тебѣ, чтобы удобнѣе вложить въ кувертъ. Хотѣла писать тебѣ, но проплакала все время. Пиши къ намъ и напиши въ Томскъ къ Аннѣ Семеновнѣ Кукурановой, сего требуетъ вѣжливость съ твоей стороны. Ты была здѣсь счастливою вниманіемъ и любовію къ тебѣ всѣхъ твоихъ знакомыхъ.— Поклонись отъ меня папенькѣ. Прощай, моя милая дочь. Опиши мнѣ свиданіе твое съ Ванечкой, его ростъ, поступки, обращеніе.

Ахъ, онъ всегда мнѣ представляется младшимъ Товитомъ. Дай Богъ, чтобы ваши молитвы о папенькѣ были

---

* Я сохраняю орѳографію подлинниковъ. Изъ писемъ беру отрывки характеризующіе семью и бытъ Менделѣевыхъ.

** Это первое письмо написано къ Екатеринѣ Ивановнѣ, въ Москву, куда на операцію Екатерина Ивановна дѣвушкой 20 л. повезла своего слѣпого отца Ивана Павловича Менделѣева. Въ это время тамъ у брата Маріи Дмитріевны Вас. Дмитріевича Корнильева воспитывался ея старшій сынъ Иванъ, тогда 13 лѣтъ. Онъ учился въ Университ. благородномъ пансіонѣ.

услышаны. Утѣшайте его, мои милыя дѣти, и пишите ко мнѣ. М. М. *

2.

26 ч. Майя 1839. Тобольскъ. **

Я до сего времени въ состояніи безчувственности, но стараюсь заглушить вопль души. Мнѣ суждено пить изъ чаши горести во всю жизнь мою, и потому я уже сроднилась давно съ ударами судьбы. Съ послѣднимъ прощальнымъ поцѣлуемъ, когда тарантасъ вашъ потерялся изъ виду, я облегчила грудь свою горячими слезами и молитвою предъ иконою Владычицы.

Почтеннѣйшій и добрѣйшій Яковъ Семеновичъ! Милая дочь! Я не буду теперь говорить вамъ о чувствахъ сердца, о моей любви ко всѣмъ, о разлукѣ съ вами. Душевная буря свирѣпствуетъ и убійственная горесть Ивана Павловича терзаетъ сердце. Вчера я старалась цѣлый день утомить себя трудами, устраивая наше помѣщеніе въ вашемъ домѣ. Думала, что крѣпкій сонъ подкрѣпитъ меня — напрасно. Я встала съ постели. Часы показывали, что полночь уже прошла, я сѣла писать къ братцу *** и на свободѣ изливала на бумагу чувства души. Въ 4 часа проснулся Иванъ Павловичъ, новые слезы, новое сѣтованіе. Онъ до сего времени не читалъ и не хочетъ читать ни

---

* Марія Дмитріевна почти всѣ письма подписывала только начальными буквами имени и фамиліи. Ея крупный и прямой почеркъ очень напоминаетъ въ общемъ почеркъ Дмитрія Ивановича, только разборчивѣе. Бумага писемъ старинная, толстая, желтоватая и жесткая.

** Въ Апрѣлѣ 1839 г. Екатерина Ивановна вышла замужъ за совѣтника Главнаго Управленія Як. Сем. Капустина и переѣхала съ нимъ и его двумя дѣтьми отъ перваго брака въ Омскъ.

*** Дмитрій Васильевичъ Корнильевъ, единственный братъ ея, жившій въ Москвѣ, стекляннымъ заводомъ котораго она управляла много лѣтъ и на доходы съ котораго содержала свою семью.

братциныхъ, ни Ванечкиныхъ писемъ. Я убѣдила его, чтобъ выслушалъ хотя бы мой отвѣтъ, въ которомъ умоляю братца, чтобы онъ прислалъ къ намъ Ванечку * для поступленія на казенный счетъ въ здѣшнюю гимназію, и чтобы онъ прислалъ свидѣтельство, ему выданное къ губернатору при бумагѣ, что по убѣдительной просьбѣ родителей онъ взялъ племянника своего изъ Института, а по просьбѣ родителей желаетъ, чтобы племянникъ его для окончанія курса наукъ гимназическихъ принятъ былъ въ Тобольскую гимназію воспитанникомъ на казенный счетъ. Я давно, давно уже твердила моему благодѣтелю братцу, что платить тысячу рублей за нашего сына изъ любви къ намъ нѣтъ нужды, потому что его легко было и прежде помѣстить на казенное содержаніе. Теперь всѣмъ буду разсказывать, что умоляю братца и сестрицу, чтобы они отпустили Ванечку, который, вступая въ лѣта пылкихъ страстей, будетъ подъ бдительнымъ надзоромъ и, избавивши братца отъ расходовъ за его образованіе, доставитъ тѣмъ пособіе родителямъ, сестрамъ и братьямъ. Я знаю добродѣтельнаго моего брата, знаю его любовь ко мнѣ, и, изливши на бумагу всѣ горестныя чувства души моей, въ 6 часовъ утра окончила письмо мое на трехъ большихъ почтовыхъ листахъ. Выпила чашку чаю и, бросившись въ постелю, заснула самымъ крѣпкимъ сномъ. Проснувшись въ 11 часовъ, прочитала письмо мое Полѣ и Лизѣ **, поплакали вмѣстѣ, и запечатавъ оное, съ вашею шляпою одновременно, Иванъ Павловичъ повезъ его на почту, а я сѣла написать къ вамъ нѣсколько строкъ. Вы, милые моему сердцу, теперь уже далеко отъ насъ. Каково-то вы ѣдете? Каковы-то глаза Катеньки дочери? Каково-то здоровье Катеньки внучки? Здоровы-ли Яковъ Семеновичъ и

---

* Его просили взять за дурныя шалости изъ Благороднаго пансіона.

** Аполлинарія Ивановна тогда была 18 лѣтъ и Елизавета Ивановна 16 лѣтъ, двѣ незамужнія сестры Дмитрія Ивановича.

Тобольскъ, видъ съ площади на гору,
гдѣ присутственныя мѣста, соборъ и проч.

Сенечка *? Здоровы-ли ваши спутники?—Господь да благословитъ вашъ путь, да наградитъ и ущедритъ добродѣтельнаго, Богомъ даннаго мнѣ сына, да продлитъ во всю жизнь вашу ту взаимную любовь и горячность вашу другъ къ другу, которые ручаются мнѣ за счастье моей Катеньки **!—Прощайте! Горячій заочный поцѣлуй мой посылаю въ сихъ строкахъ. Ѳедоръ Минеевичъ *** вчера у насъ обѣдалъ, но ужинать не пришелъ, хотя я и просила его быть въ домѣ нашемъ по прежнему, какъ и у васъ.

Писать больше негдѣ и не знаю, примутъ-ли на почту письмо. Еще разъ цѣлую и остаюсь любящая васъ мать М. М.

Отъ Катечки и Сенечки буду ожидать описанія Омска и путешествія.

3.

2 ч. Іюня 1839. Тобольскъ.

Прошла недѣля и болѣзнь души не уменьшается! Куда бы я ни шла, что бы я ни дѣлала, мой сынъ передъ глазами и правосудіе небесное твердитъ душѣ моей: несчастная мать, почто ты бросила дитя свое и удалила отъ себя, не возрастивъ въ душѣ его сѣмена добродѣтели и страха Божія! Почто мечтала, на что утѣшалась тѣмъ, что онъ, обезпеченный отъ нуждъ физическихъ, и нравственно не впадетъ въ сѣти порочныхъ страстей! Плачь, молись и спасай сына своего, несчастная мать! Спасай его, онъ еще 15 лѣтъ и можетъ загладить проступки, въ которые увлекла его страсть къ пороку. Спасай и помни долгъ природы и обязанности твои въ отношеніи младшихъ сыновей твоихъ****. Перестань гоняться за честолюбивыми мечтами орудовать

* Катенька и Сенечка дѣти Я. С. Капустина отъ перваго брака.

** Точку и — часто любилъ употреблять и Дмитрій Ивановичъ.

*** Родственникъ С. Я. Капустина.

**** Павла и Дмитрія.

чуждымъ имѣніемъ для поддержанія физическаго существованія семьи твоей. Сноси нужду, сноси всѣ недостатки и пекись о нравственномъ существованіи дѣтей твоихъ. Ты проливаешь слезы о разлукѣ съ добрыми твоими дѣтьми, но молись и пекись о тѣхъ, кои требуютъ твоихъ попеченій, и Господь умилосердится надъ тобою, тронется стономъ души твоей, если ты съ покорностію будешь исполнять святую Его волю и безъ ропота нести крестъ сокрушенія. Вотъ мысли, наполняющія мою душу, съ той минуты, какъ я простилась съ вами, добрѣйшій и почтеннѣйшій Яковъ Семеновичъ и милая любезная сердцу Катенька! Гдѣ вы, что дѣлаете, какъ кончили вашъ войяжъ, здоровы ли вы? Здоровы ли ваши Катенька и Сенечка? Вотъ вопросы, на которые письма ваши будутъ служить намъ отвѣтомъ. Доброта души почтеннаго сына, Богомъ мнѣ даннаго, ручается мнѣ за счастье моей дочери, а ваша взаимная другъ къ другу любовь есть залогъ супружескаго счастія! Вы всюду найдете радости жизни, всюду благословеніе Божіе будетъ надъ вами, и потому въ разлукѣ съ вами, я плачу и сѣтую только о себѣ и буду плакать неутѣшно, есть-ли вы забудете мать свою! Злополучныя обязанности по управленію имѣніемъ моихъ благодѣтелей до сего времени лишали меня средствъ наслаждаться вполнѣ радостями счастливой матери моего семейства, но до дня разлуки съ вами я не краснѣла за дѣтей моихъ, я почитала себя бѣдною, но счастливою матерью, я надѣялась, что нравственное воспитаніе Ванечки будетъ утѣшеніемъ моимъ на старость, не ожидая отъ него быстрыхъ успѣховъ въ наукахъ, я мечтала, что онъ сохранитъ доброту души и сердца и возрастетъ среди благонравія, и вдругъ мечта сія разрушилась вихремъ страстей и пороковъ. Нравственная болѣзнь моего сына терзаетъ мою душу и я не могу спѣшить къ нему на помощь! Не могу уврачевать болѣзни души его моими слезами, моими

совѣтами, моимъ примѣромъ! Тяжко, тяжко сердцу моему, милые, добрые мои дѣти! Но при всѣхъ ударахъ судьбы я уже привыкла быть тверже камня. Есть Богъ на небеси, я могу молиться и отчаяніе не убьетъ меня! Я дѣйствую и съ покорностію слѣдую за обстоятельствами моей жизни. Я облегчила грудь мою, изливъ въ письмахъ къ братцу и Ванечкѣ задушающіе меня вопли души о тяжкомъ нравственномъ страданіи юноши, которому я дала бытіе, котораго младенчество лелеяла на материнской груди моей, и для котораго переносила здѣсь всѣ тяжкіе труды и заботы, мысля, что устройствомъ имѣнія моего благодѣтеля я какъ бы плачу дань благодарности за попеченія о сынѣ, но какъ пожаръ и наводненіе разрушили на фабрикѣ * пятилѣтніе труды мои, такъ пороки и страсти злополучнаго сына разрушили всѣ попеченія его благодѣтелей. На возобновленіе разрушеній имѣнья нужны только деньги, а чтобы вырвать съ корнемъ изъ сердца и души порочныя страсти и возродить погибающаго, надобно имѣть къ порочному всѣ чувства родительскихъ заботъ и попеченій, все безпристрастіе и всю ту материнскую любовь, которою наполнена душа моя къ дѣтямъ. Я нѣжно люблю всѣхъ дѣтей моихъ, но строгая къ правиламъ чести и добродѣтели, я всегда требовала и буду требовать отъ нихъ безусловной покорности обстоятельствамъ и безусловнаго повиновенія законамъ чести и добродѣтели. Бѣдность никогда не унижала и не унизитъ меня, но краснѣть за дѣтей моихъ есть такое несчастіе, которое можетъ убить меня и преждевременно приблизить къ дверямъ гроба! Вся тридцатилѣтняя замужняя жизнь моя была посвящена тѣмъ несчастнымъ существамъ, которыхъ рожденіе и младенчество отняло у меня здоровье, лишало меня всѣхъ радостей жизни, но до сего времени не отнимало надежды

---

* Стеклянный заводъ Менделѣевы всегда называли фабрикой.

радоваться ими на старости дней моихъ! Ванечка какъ старшій сынъ былъ опорою надеждъ моихъ! А теперь? О! долго, долго я не въ состояніи буду писать къ вамъ о чемъ либо кромѣ моего горя! Остается еще одна странка, а я ничего еще не сказала вамъ о своемъ бытѣ. Добрѣйшій, почтеннѣйшій Яковъ Семеновичъ! Вы такъ недавно сдѣлались членомъ нашего семейства, но ваша доброта, ваши правила столь крѣпкимъ узломъ привязали къ вамъ чувства материнской любви, что разлука съ вами для меня не менѣе тягостна разлуки съ Катенькой! Я люблю, люблю васъ какъ добраго почтеннаго моего сына и уважаю за то, что вы умѣете читать въ душѣ моей и принимаете живое участіе въ моихъ горестяхъ! Я не забуду во всю жизнь мою, съ какимъ участіемъ приняли вы извѣстіе о моемъ сынѣ. Послѣдній разговоръ въ мезонинѣ и слезы, которые заставило васъ пролить участіе къ судьбѣ родныхъ вашей Катеньки, эти слезы ручаются мнѣ за то, что Создатель не оставитъ меня безъ утѣшенія. Оплакивая погибель одного изъ дѣтей моихъ, въ то же время я молюсь о счастіи всѣхъ милыхъ моему сердцу и Господь благословитъ васъ! Заочно васъ, мою Катеньку, и вашу Катеньку и Сенечку цѣлую, цѣлую стократъ. Добрый Ѳедоръ Минеевичъ бываетъ у насъ каждый день и просилъ меня передать вамъ его поклонъ. Прощайте! Не забывайте насъ и описывайте подробнѣе о вашемъ житьѣ-бытьѣ. Остаюсь съ любовію къ вамъ мать ваша М. Менделѣева.

4.

10 ч. Іюня 1839 года. Тобольскъ.

Проведя два дня на фабрикѣ, я возвратилась вчера во второмъ часу по полуночи и вслѣдъ за мною въ семь часовъ утра пришелъ обозъ мой съ курами, гусями, утками, индѣйками и ихъ племенемъ, и нянюшкою, и

дойныя четыре коровушки съ Гаркушею и его женою. Я, не выспавшись хорошо, прохлопотала цѣлое утро по хозяйству моему, а потому сегодня и писать къ вамъ, мой любезнѣйшій, буду безъ толку. Уже двѣнадцатый часъ и почта въ Москву будетъ пропущена.—Благодарю Господа Бога моего, что путь вашъ конченъ благополучно. Благодарю добрѣйшаго и почтеннаго Якова Семеновича за немногія, но отъ души и добраго сердца проистекающія строки письма съ почтою, которыя до глубины души трогаютъ меня и вливаютъ цѣлебный бальзамъ въ растерзанное горестію сердце злополучной матери, оплакивающей участь 15-ти лѣтняго своего сына! — Отрадно сердцу видѣть и слышать, что вы счастливы, вы веселы, здоровы и покойны и ваши радости всегда будутъ моимъ утѣшеніемъ. Благодарю любезную дочь мою за утѣшительныя письма съ казакомъ и почтою. Полученныя послѣ отъѣзда вашего изъ Тобольска ваши письма были первымъ радостнымъ чувствомъ послѣ тѣхъ страданій, которыя причиняетъ мнѣ извѣстіе о Ванюшѣ. Я обрадовалась казаку * какъ родному, мнѣ близкому и совершенно успокоилась на вашъ счетъ. Слава Богу болѣзнь глазъ Катеньки миновалась, и Катенька - внучка при слабомъ ея здоровьѣ большой перемѣны отъ пути не чувствуетъ. Слава Богу, вы здоровы и веселы, но если вы меня обманываете, чтобы радовать только письмами, то въ послѣдствіи для меня въ тысячу кратъ будетъ больнѣе услышать противное тому, что вы пишете и потому и умоляю васъ, дѣти мои, не скрывать отъ меня ничего до васъ касающагося на счетъ здоровья вашего. — Меня не сразила-бы вѣсть о Ванечкѣ, есть-ли-бы я имѣла хотя слабое понятіе о его безнравственности. И Катенька и Иванъ Павловичъ знали о семъ, и таили отъ меня, таили для

* Провожатый отъ казны по Сибирскимъ дорогамъ.

того, чтобы губить Ваню. О! есть-ли-бы я знала за два года о его поступкахъ, то, для спасенія его отъ безславія, я тогда-же бы приняла свои мѣры и свойственную мнѣ рѣшимость. Поведеніе его было-бы исправлено строгостію власти родительской, строгостію матери, поставляющей благородство чувствъ выше всѣхъ сокровищъ и почестей свѣта! Я поспѣшила-бы спасти моего сына, прежде нежели его поступки сдѣлались всѣмъ извѣстными. Благодаря скромности А. В. Виноградскаго, не сказавшаго намъ о Ванюшѣ ни слова, здѣсь всѣ его знакомые знаютъ исторію о сынѣ Менделѣева. Антоновы, Романовы, фонъ-Визины *, какъ мнѣ сказывала Мар. Ал. Жилина, всѣ знаютъ. Виноградскій разсказывалъ всѣмъ, что теперь его братъ будетъ благодѣтелемъ нашего сына, потому что принимаетъ его подъ свое покровительство! И погибель нашего сына будетъ довершена, есть-ли братецъ не возвратитъ его къ намъ. Пусть здѣсь останется нашъ сынъ простымъ писаремъ въ какомъ либо судѣ, есть-ли онъ не будетъ учиться, чтобъ кончить гимназическій курсъ преподаванія наукъ; пусть раздѣляетъ съ нами всю горесть нашего положенія, но я какъ мать обращу все мое вниманіе на его нравственность, какъ мать исторгну изъ сердца его съ корнемъ порочныя склонности, и, посѣявъ, возрощу сѣмена добродѣтели и чести. Въ 15 лѣтъ онъ не можетъ еще заглушить въ душѣ своей чувство укоризны совѣсти, есть-ли и впалъ въ пороки; но слезы матери и горесть отца будутъ слѣдовать за всѣми его поступками. До сего времени я почитала богатство и почести случайнымъ достоинствомъ человѣка, и вполнѣ уважала только качества добродѣтельной души, способности ума образованнаго. Истинное достоинство человѣка—честь, добродѣтель, любовь къ ближнему. Вѣра и страхъ Божій лучшіе путеводители въ жизни.

---

* Декабристъ.

Благодарю, отъ всей души благодарю милую мою Катеньку - внучку за ея письмецо, и прошу и ожидаю вашего дневнаго журнала обо всемъ до васъ касающемся. Вы симъ будете утѣшать меня въ разлукѣ. — Благодарю и милаго Сенечку за письмецо къ Пашѣ и Митѣ. Они не успѣли приготовить отвѣтовъ *, потому что я ихъ брала съ собою въ Аремзянку, гдѣ я совершенно не имѣла времени заниматься ими, и они только слѣдовали за мною всюду, а у меня было тамъ столько предметовъ для обзора и распоряженій, что есть-ли бы я осталась тамъ долѣе, то занемогла-бы, но я вооружилась терпѣніемъ и спокойствіемъ и свой пятилѣтній пріютъ обратила теперь уже въ квартиру для пріѣзда. Внизу будетъ жить Маршановъ **, во флигелѣ Евдок. Шишовъ, въ казармѣ Сергѣй Шишовъ, въ кухнѣ Ларіонъ съ Прасковьей, въ горницахъ тетушка Анна Степановна и Петръ Григорьевичъ ***, а всѣ прочіе распущены.

Какъ досадно, что не дали кончить письма, пріѣхали гости, и я должна проститься съ вами. Благословляю милую мою Катиньку дочь. Молю Бога, да благословитъ добрѣйшаго и любезнаго сына моего Якова Семеновича и милыхъ его сердцу. Желаю всѣмъ вамъ всего лучшаго. Хотѣла писать и спрашивать Катиньку, была-ли она у княгини ****, и совѣтовать, чтобы старалась заслужить вниманіе сей дамы, которую я уважаю не по сану, но по рѣдкимъ ея душевнымъ качествамъ и высокому образованію.—Ивана Павловича нѣтъ дома. Онъ вамъ кланяется.

---

* Слѣдов. Дмитрій Ивановичъ умѣлъ уже писать $5^1/_2$ лѣтъ.

** Служащіе на заводѣ.

*** Старый слуга Менделѣевыхъ, ѣздившій съ Иваномъ Павловичемъ въ Москву.

**** Княгиня Горчакова, жена кн. Горчакова, генералъ-губернатора Западной Сибири, тоже переѣхавшихъ въ Омскъ, куда было переведено Главное Управленіе изъ Тобольска.

Посылаю письма брата и Ванюши, отвѣчайте ему о томъ, о чемъ проситъ, а я въ моей горести отказалась искать золото, въ мои лѣта и съ моимъ семействомъ глупо-бы было войти въ сію операцію. Я уже умерла для дѣятельности и буду жить для младшихъ дѣтей, пока я имъ нужна. Цѣлую васъ всѣхъ и остаюсь любящая васъ мать М. М.

5.

16-е Іюня 1839 г. Тобольскъ.

Во вторникъ, когда я писала къ братцу, принесливаши письма, любезнѣйшія моему сердцу дѣти!—Почтеннѣйшій добрѣйшій Яковъ Семеновичъ! Благодарю, благодарю васъ отъ души за приписку. Ваши слова, ваши мысли, участіе, принимаемое въ моемъ горѣ, и заочная жалость и любовь къ заблудшему юношѣ тронули меня до глубины сердца. Вы утѣшаете меня, и счастіе моей дочери есть награда по правосудію Божію за добродѣтель, а бѣдствіе Ванюши—отеческое Его наказаніе за пороки. Молю Бога дать мнѣ средства и силы спасти его и вести по пути добродѣтели. Бѣдность моя и семьи моей никогда не унижала меня и не унизитъ. Честь и добродѣтель есть сокровища, которыми я до сего времени гордилась и которыми старалась и стараюсь надѣлить дѣтей моихъ вмѣсто богатства! — Добрая дочь, любезная Катинька, твой отчетливый журналъ утѣшилъ, развеселилъ меня. Мнѣ очень пріятно, что время ваше въ Омскѣ вы проводите весело! Счастіе съ нами всюду, гдѣ-бы мы ни были. Семейное благо выше всѣхъ радостей. Но и въ отношеніи общественной жизни пріятно слышать, что вы начали ваши знакомства и милая Катинька вступила въ тотъ кругъ общества, который по званію Якова Семеновича доставляетъ ей случай оправдать мнѣніе княгини, что нравственное воспитаніе, при вступленіи въ свѣтъ, поведетъ насъ къ счастію и ра-

достямъ семейной жизни. Отъ всей души радуюсь, что княгиня и въ Омскѣ столь же внимательна къ вамъ и еще не забыла меня. Признаюсь, я не могла безъ слезъ читать о томъ, что княгиня распрашивала и обо мнѣ. Ахъ! мнѣ не нажить уже здѣсь ни отъ кого такого вниманія къ себѣ, какимъ я пользовалась отъ нея. Никто не пойметъ чувствъ души моей, и пока я буду жить, всегда буду признательна къ ней. Старайся, милая моя Катинька, пользоваться тѣмъ временемъ, пока княгиня въ Омскѣ и заслужить ея расположеніе, потому что сіе знакомство полезно для тебя, а для Катиньки внучки — быть въ кругу княженъ и ихъ умныхъ гувернантокъ. Я переношусь мысленно къ вамъ въ Омскъ и пріятно воображаю объ удовольствіи вашемъ быть въ кругу семейства княгини, безъ этикета. — Мы ведемъ жизнь совершенно уединенную и я никуда еще не могу выѣзжать, не могу принудить себя быть покойною и хотя время и ослабляетъ чувство горести, но пока участь Ванечки не будетъ устроена, до того времени спокойствіе ко мнѣ не возвратится. Братецъ мой утѣшаетъ насъ тѣмъ, что Ванечка, поступивъ въ Межевой институтъ, чрезъ три года сдѣлается офицеромъ и получитъ мѣсто съ хорошимъ жалованьемъ, но я рѣшительно какъ мать не могу на сіе согласиться. Есть-ли-бы въ теченіе четырехъ лѣтъ не было опущено его нравственное воспитаніе, есть-ли-бы я не была уже жестоко поражена пороками 15 лѣтняго моего сына, есть-ли-бы поведеніе его не было пятномъ для насъ, и только слабые успѣхи въ наукахъ отдаляли его отъ учебнаго заведенія, то лѣность и неспособность его я приписала-бы природному недостатку ума, и тогда порадовалась-бы поступленію его въ Межевой институтъ, его офицерству въ 18 лѣтъ, но теперь глаза мои открыты, его порочныя склонности и укоренятся въ семъ Институтѣ, и сынъ мой, въ 18 лѣтъ, сдѣлавшись свободнымъ, снова предастся тѣмъ порокамъ,

которые не будутъ исторгнуты испытаніями. Пусть онъ пробудетъ еще три года въ гимназіи и четыре въ университетѣ, ему будетъ 23 года и страсти будутъ подавлены, или онъ погибнетъ, не вступая въ свѣтъ. Жестока нравственная болѣзнь и врачеваніе должно быть продолжительно! — Я уже обманывалась четыре года мечтами о счастіи моего сына, завѣса спала съ глазъ злополучной матери, и я ничего такъ не желаю, какъ того, чтобъ сынъ мой возвратился къ намъ. Счастлива буду, есть-ли возрожденіе его загладитъ прошедшее, счастлива буду, есть-ли сынъ мой честную бѣдность предпочтетъ порочной жизни. Счастлива буду, есть-ли онъ раскаяніемъ загладитъ прошедшее! Я не буду плакать о бѣдности дѣтей моихъ, но должна отдалить его отъ порока и заставить идти по пути чести, или видѣть какъ мать его будетъ страдать и кончитъ свою жизнь, убитая его поступками. Я умоляю и съ сею почтою братца возвратить намъ погибающаго сына, котораго офицерство безъ нравственности лишь только увеличитъ позоръ нашъ. Есть-ли его раскаяніе истинно, то и успѣхи его въ наукѣ пойдутъ иначе. Пусть онъ потеряетъ лѣта по службѣ, но за то пріобрѣтетъ спокойствіе совѣсти. Съ подлою душею чиновникъ для меня презрительнѣе честнаго и добраго разночинца. И возрожденіе Вани должно быть примѣромъ для младшихъ его братьевъ. — Сейчасъ Поля и Иванъ Павловичъ поѣхали на ярмарку, куда я не могу собраться. Вчера мы были у Скерлетовыхъ на нѣсколько минутъ и прокатились. Писала-бы болѣе, но еще не начинала письма моего въ Москву. — Пишите къ намъ обо всемъ съ подробностію. Ваши письма — мое утѣшеніе. Заочно всѣхъ васъ цѣлую и остаюсь любящая васъ мать М. М. — Маша *, Паша и Митя вамъ кланяются. Я зани-

* Марья Ивановна, младшая дочь, тогда 12 лѣтъ.

маюсь разсчетами съ фабричными и къ горести моей почти и здѣсь не имѣю времени воспитывать моихъ дѣтей. О, фабрика! сколько пожертвованій принесла я, управляя ею.

6.

23 ч. Іюня 1839 года. Тобольскъ.

Благодарю васъ, любезнѣйшіе мои, за письма, благодарю почтеннѣйшаго и любезнаго Якова Семеновича, что не скрываетъ отъ меня и состоянія здоровья Катеньки, она вѣрно не написала-бы о семъ. Надѣюсь, однакоже, что болѣзненный припадокъ ея кончился, но прошу васъ о семъ совѣтоваться съ медиками, это слѣдствіе простуды въ то время, когда должно беречь себя. Милая моя Катенька! теперь ты уже болѣе должна дорожить своимъ здоровьемъ. Не отвергай совѣтовъ и впредь охраняй себя отъ простуды ногъ. Вѣрю и радуюсь, что вы въ семейномъ вашемъ кругу безмятежно счастливы, и вѣрю и утѣшаюсь мыслію, что опытность, благоразуміе и доброта души и сердца Якова Семеновича осчастливливаютъ все его окружающее. Мало жили мы вмѣстѣ, и жили въ хаосѣ суеты и хлопотъ, но я поняла, я узнала и чувства, и сердце любезнаго Богомъ даннаго мнѣ сына, а потому въ разлукѣ съ вами грущу только о томъ, что не могу радоваться, на васъ глядя. Мы здоровы, первыя чувства горести о Ванюшѣ прошли, я укрѣпилась вѣрою и покоряюсь обстоятельствамъ, а потому и стараюсь дорожить спокойствіемъ въ кругу семьи моей. Мы ведемъ въ городѣ совершенно единообразную и уединенную жизнь. Возвращаясь къ священнѣйшимъ обязанностямъ матери младшихъ дѣтей моихъ, я имъ посвящаю всѣ свободные часы дня, и потому время быстро мчится для меня и въ грусти. Мнѣ надо-бы было выѣзжать и быть у многихъ, но въ простой день я уже рѣшилась не оставлять сыновей од-

нихъ, чтобы были исправны въ урокахъ, и только въ 7 часовъ вечера мы выѣзжаемъ прокатываться. Чтобъ развить способности Паши и Мити, я должна, я обязана пожертвовать всѣмъ и насадить въ сердцахъ ихъ сѣмена страха Божія и чувства чести, добра и благородства. Оплакивая смерть старшей моей дочери *, и бѣдствія семейной жизни, я сдѣлалась виновною матерью, а увлеченная желаніемъ поддерживать честолюбивые виды своего званія и вступивши въ бѣдственное для семейнаго моего блага управленіе имѣніемъ, я забывала, что окружена дѣтьми, которыхъ будущность будетъ наградою попеченій родителей. Забыла, что я мать семейства и горечь настоящаго черезъ десять лѣтъ сняла повязку съ глазъ моихъ. Фабрика меня не обезпечила отъ нуждъ, я и дѣти мои все остаются безъ пристанища, безъ пріюта, и я потеряла съ симъ управленіемъ утѣшеніе и опору моей старости. Я потеряла благо, которымъ гордилась до сего времени, я продала нравственность старшаго моего сына за временное лучшее существованіе своей семьи. Я потеряла здоровье, спокойствіе и въ награду за труды мои, въ награду за спасеніе фабрики оплакиваю погибель сына. Благодарю Творца, что можетъ быть еще не поздно спала съ глазъ моихъ повязка суетнаго тщеславія. Я мужественно готовлюсь къ перенесенію бѣдности, къ переворотамъ, которые должны будемъ испытать, и каждую почту, т. е. два раза въ недѣлю пишу къ брату одно и то-же, чтобы возвратилъ намъ бѣднаго нашего сына, и передалъ фабрику въ управленіе стороннихъ. Каждую почту получаю теперь письма и отъ братца и отъ Ванюши. Послѣднее ихъ письмо отъ 7 ч. Іюня отвѣтъ на письмо мое отъ 23 ч. Майя, писанное наканунѣ вашего отъѣзда. Слѣдственно съ будущею почтою должна полу-

---

* Умерла 14 лѣтъ отъ скоротечной чахотки.

чить отвѣтъ на письма мои отъ 27 и 30 ч. Майя, гдѣ, пораженная внезапно неожиданною погибелію сына, я предавалась всѣмъ чувствамъ безутѣшной горести. Благодѣтель и братъ мой, привыкши думать, что фабрика доставляетъ мнѣ блаженство, и считая, что легко найти и здѣсь управителя, который-бы могъ извлекать доходы, подобно мнѣ, пишетъ только о томъ, чтобы я нашла управителя и утѣшаетъ меня возрожденіемъ погибшаго. Между тѣмъ дѣла фабрики теперь требуютъ рѣшительныхъ мѣръ, убытки за убытками слѣдуютъ теперь. Я уже не возвращусь туда и не брошу болѣе младшихъ моихъ дѣтей, и хотя стараюсь поддерживать самостоятельность фабрики, но есть-ли братецъ самъ не пріѣдетъ сюда, то съ горестью должна буду формально отказаться отъ довѣренности мнѣ данной. Вообразите, что въ послѣдніе два дѣйствія у меня изъ Гончарной уничтожили 50 стекловарныхъ горшковъ и теперь Иванъ Павловичъ самъ ѣдетъ въ Коктюль и Екатеринбургъ, чтобъ достать хорошей глины и положить конецъ плутовству Зарембы. Всѣ вольные мастера хотѣли уѣхать на другія фабрики, но я ихъ остановила до Сентября и каждому изъ нихъ положила сверхъ заработной платы по 15 руб. въ мѣсяцъ на содержаніе. Мнѣ жаль, жаль трудовъ моихъ по фабрикѣ, и я люблю ее, но вижу, что, работая день и ночь для блага оной, я промѣняла за славу фабрики славу и доброе имя дѣтей, и что бы съ ними ни случилось, рѣшительно откажусь отъ оной. Можетъ быть мы должны будемъ уѣхать изъ Тобольска, есть-ли Ивану Павловичу не дадутъ здѣсь никакого мѣста. Съ тысячью рублями пенсіи намъ существовать нельзя, и я забочусь теперь о томъ, чтобъ уничтожить хозяйство и отказать рабочимъ, для сего нанимаемымъ. Коровы, лошади, овцы, свиньи, козы, гуси, утки, индѣйки, куры, которыхъ завела, живши въ деревнѣ, теперь мнѣ въ тягость, и къ осени должна рас-

продать все, есть-ли братецъ не пріѣдетъ самъ. А теперь только увѣдомленія: пропала свинья, издохла нетель и тому подобное. Свой глазъ алмазъ во всякомъ дѣлѣ, и я, живучи на фабрикѣ, съ утра до вечера посвящала мое время фабрикѣ и заведеніямъ, и оттого дѣти мои были сиротами безъ матери.—Завѣса спала съ глазъ. Я проснулась для того, чтобъ бодрствовать надъ охраненіемъ ума и сердца дѣтей моихъ. Есть-ли братецъ оставитъ меня, есть-ли онъ благодѣтельствовалъ мнѣ только для фабрики, то я слишкомъ буду злополучна, но вѣрую, что есть Богъ на небеси и утѣшаюсь надеждой, что братъ войдетъ въ мое положеніе и страданія матери будутъ доступны его сердцу. Прилагаю послѣднее письмо братца, изъ коего вы увидите, что братецъ предупреждаетъ меня въ томъ, что я могу только надѣяться на доходы фабрики, а я въ послѣднее пятилѣтіе, поренося всѣ огорченія изъ за фабрики, только силою моего характера могла стоять выше обстоятельствъ. Силы мои истощились, я начала проситься въ отставку съ начала прошлаго года и на всѣ письма, на всѣ жалобы получала въ отвѣтъ, чтобъ только трудилась въ потѣ лица. Цѣлый годъ я боролась съ моими обстоятельствами, участь Катеньки сдѣлала сильный переворотъ въ образѣ жизни моей. Безъ нея я уже не могла-бы найти прежняго счастія въ моемъ уединеніи. Она заступала мѣсто матери при сестрахъ и братьяхъ. Ея благоразуміе, ея опытность, ея образованіе путеводили сестеръ, которыя еще не знаютъ свѣта, не знаютъ людей. Ея не стало въ семьѣ нашей и я рѣшилась въ душѣ моей со дня ея помолвки разстаться съ Аремзянкою и посвятить себя дѣтямъ, не страшась ужасовъ бѣдности. Благодаря Бога, я не имѣю и не сдѣлала долговъ со времени отставки Ивана Павловича, и могу во всемъ себя ограничить. Есть-ли Иванъ Павловичъ получилъ-бы какую либо должность, хотя съ тысячью еще

рублями жалованья, то мы бы стали жить съ помощью пенсіи въ тихомъ уединеніи, безмятежно. И потому рѣшаюсь даже оставить Тобольскъ, есть-ли будетъ нужно и ѣхать за Уралъ, гдѣ для сыновей будемъ имѣть средства къ образованію. Дождавшись отвѣта братца о судьбѣ Ванюши, мой Иванъ Павловичъ посылаетъ просьбу къ министру, а я буду писать ко всѣмъ и всюду, гдѣ только могу надѣяться, что чувства матери, заботящейся о дѣтяхъ, будутъ понятны. Ахъ! Душа моя слишкомъ полна! Можетъ быть вы иначе меня поймете, любезнѣйшіе мои! Но я вамъ передаю въ безпорядкѣ свои мысли. Знаю, что добрѣйшій сынъ мой и заочно пожалѣетъ меня, и заочно будетъ увѣренъ, что я могу стоять выше судьбы и въ самыхъ горькихъ обстоятельствахъ, но никогда не измѣню моихъ правилъ. Полно о семъ. Скажу вамъ, что добрый Ѳед. Минеевичъ по обыкновенію какъ родной и другъ нашего дома бываетъ у насъ каждый день, а Алекс. Ивановичъ, имѣя большее знакомство, болѣе развлеченъ и мы его уже два дня не видали. Увѣдомляйте меня обо всемъ ради Бога подробнѣе, только пиши, моя милая Катенька, разборчивѣе. Полагаю, что Поля и Лиза описываютъ, кто у насъ былъ, и гдѣ мы, а есть-ли сего не дѣлаютъ, то прошу тебя, Катинька, требовать отъ нихъ, чтобы обо всемъ тебѣ писали. Прощайте, мои любезнѣйшіе! Остаюсь вамъ преданная всею душею и любящая васъ мать М. М. Посылаю Исторію Кайданова, и прошу, есть-ли что нужно, писать ко мнѣ. Я помню, что остаюсь должной доброму Якову Семеновичу и за муку, и за овесъ, а вы тамъ всѣ эти вещи покупаете. Пиши, моя милая! Пишите и любезная Катинька-внучка, пиши и милый Сенечка. Я не буду отвѣчать вамъ особо, но буду радоваться вашимъ письмамъ.

7.

30 ч. Іюня 1839 г. Тобольскъ.

Любезнѣйшіе, милые сердцу моему друзья! Я все еще страдаю о Ванюшѣ. Братецъ, какъ видно изъ послѣдняго письма его, огорченъ тѣмъ, что я беру его въ домъ родительскій. Исчисляя снова всѣ его пороки, онъ обвиняетъ меня за безнравственность одиннадцатилѣтняго мальчика, котораго я отлучила отъ себя, надѣясь, что нравственность его сохранится. Описываетъ, что по секретному изслѣдованію директора открыто, что надзиратель вовлекалъ въ сіе, и, чтобъ сохранить репутацію заведенія, положено предать все забвенію, т. е. такъ понимаю я, чтобы не обличить надзирателя, котораго воспитанники подкупали подарками, и рѣшено назвать развратнымъ сына бѣдняка. Отецъ его далеко не имѣетъ голоса и погибель одного не замѣтна во множествѣ. — Жертва принесена, должно покоряться судьбѣ и благодарить ее за все, и даже за погибель сына, брошеннаго нами въ 11 лѣтъ его возраста. Пусть примѣръ нашъ будетъ урокомъ для другихъ отцовъ и матерей, кои не пекутся о нравственномъ воспитаніи дѣтей своихъ. Я наказана и благодарю за сіе Бога. Братецъ пишетъ, что въ августѣ отправитъ къ намъ сына. Сегодня я благодарю его за всѣ попеченія о спасеніи злополучнаго Вани и прошу рѣшить будущую судьбу моего семейства. Онъ какъ видно очень не доволенъ, что я оставляю фабрику, и полагаетъ, что я ищу въ городѣ праздности и разсѣянія. Пишетъ, что человѣкъ сотворенъ для труда и что онъ самъ въ потѣ лица снискиваетъ хлѣбъ свой. Однимъ словомъ я виновна въ томъ, что хотя и люблю фабрику, но маленькихъ дѣтей моихъ и ихъ будущее люблю болѣе. Тяжко мнѣ было читать послѣднее письмо, но привыкнувъ къ перенесенію бѣдствій, я сегодня въ письмѣ

моемъ старалась только доказать моему братцу, что навсегда останусь ему благодарна. И невольно въ письмѣ моемъ разсуждала, неужели дочери мои, вышедшія замужъ *, проводятъ жизнь бездѣйственную, управляя домомъ и семействомъ, неужели всѣ жены, которыхъ мужья обезпечиваютъ въ содержаніи, и которыя занимаются воспитаніемъ дѣтей и управленіемъ дома, проводятъ жизнь въ праздности и неисполненіи обязанностей своихъ? — Невольно представила себѣ, что я, покоряясь моимъ обстоятельствамъ мужественно и твердо, втеченіе послѣднихъ пяти лѣтъ владѣла перомъ моимъ и доставала имъ насущный хлѣбъ для семьи моей, но желая теперь оставить фабрику, не осталась и не останусь праздною, пока дышу. День мой и теперь проходитъ въ трудахъ, мнѣ некогда выѣзжать въ гости, некогда просиживать за картами, некогда заниматься нарядами, но я проснулась отъ усыпленія и любовь къ сыновьямъ младенцамъ дѣлаетъ меня ихъ наставницею, ихъ надзирательницею, и я возвратилась къ обязанностямъ матери семейства, которыми пренебрегала, гоняясь за устройствомъ имѣнія, покойна теперь въ совѣсти моей, и умру спокойно, есть-ли исполню въ отношеніи Паши и Мити долгъ и обязанность матери. Слѣпая любовь моего Ивана Павловича къ Ванѣ и неопытность Катиньки скрыли отъ меня гнусность его пороковъ, но любовь моя ко всѣмъ дѣтямъ основана на строгихъ правилахъ чести и добродѣтели, и я давно уже бросила-бы фабрику и поспѣшила спасти моего сына, есть-ли-бы отъ меня не скрывали его поступковъ. Прошедшаго не возвратишь, будущее зависитъ отъ моей рѣшимости, а я рѣшилась уже твердо быть матерью сыновей моихъ и для нихъ посвятить остатокъ дней моихъ. Съ возвращеніемъ Ивана Павловича изъ Екатеринбурга

* Ольга Ивановна, старшая и Екатерина Ивановна, вторая дочь.

мы будемъ посылать просьбу къ министру и просить дать мѣсто въ какой-бы то ни было гимназіи и поѣдемъ, куда угодно будетъ Богу. Вотъ планъ нашъ, а потому добрѣйшаго и почтеннѣйшаго Якова Семеновича прошу остановиться совершеніемъ купчей на домъ. — Есть-ли намъ должно будетъ ѣхать, домъ купятъ за ту сумму, за которую и я купила, а потому я и не почитаю на себѣ сего долгу. Есть-ли мы останемся здѣсь, есть-ли Ивану Павловичу дадутъ какую либо должность по гражданской службѣ, которая-бы могла обезпечить наше существованіе, я еще вступлю въ званіе воспитательницы и буду просить губернатора объ устройствѣ заведенія для воспитанія дѣвицъ и въ ономъ найду для себя должность и насущный хлѣбъ. Все это рѣшится къ Сентябрю и до того времени пусть домъ остается вашимъ.—Прошу также добрѣйшаго Якова Семеновича узнать отъ управляющаго сборами въ Омскѣ, какое количество посуды* нужно будетъ отправить по первому зимнему пути въ Омскъ, Семипалатинскъ, Усть-Каменогорскъ и Тюкалинскъ? У меня теперь болѣе десяти тысячъ $^1/_{10}$ части ведра, штофовъ и полуштофовъ. Нельзя-ли будетъ нынѣ-же запродать оные и прислать реестръ о заготовленіи осмиричной мѣры. Есть-ли-бы я получила реестръ на три или четыре тысячи, то поспѣшила-бы заготовить всю поставку, предоставивъ вамъ полученіе денегъ. Я не оставляю фабрики и братецъ проситъ найти прикащика, который-бы былъ подъ моимъ распоряженіемъ. Вижу, что онъ и жалѣетъ меня, и дорожитъ своею фабрикою, вижу, что онъ любитъ меня и требуетъ въ то же время отъ меня дѣятельности мущины, знавши, что меня достанетъ обнять всѣ предметы, и я съ любовію пишу къ моему брату, и прошу

---

* Стеклянная посуда заготовлялась на заводѣ, управляемомъ Марьей Дмитріевной.

мою милую благоразумную Катиньку писать къ дядинькѣ и тетинькѣ о томъ только, чтобы они вошли въ положеніе матери, страдающей о судьбѣ дѣтей. Будьте покойны, добрые милые друзья мои, на счетъ мой. Мы счастливы въ семейной жизни. Довольны своимъ уединеніемъ, и дни наши въ благословенномъ домѣ вашемъ текутъ мирно. Маша, Паша, Митя учатся. Я покойна и не тужу о томъ, что должна отказывать себѣ въ удовольствіяхъ жизни. Дай Богъ только, чтобы пріѣхалъ Ванюша.—Письмо мое къ вамъ пустое и уже давно первый часъ; боюсь опоздать на почту. Заочно благословляю добрую, милую дочь мою, съ любовію цѣлую почтеннѣйшаго Якова Семеновича и милыхъ Катиньку и Сенечку, съ любовію цѣлую и мою Катиньку. Пишите къ намъ ради Бога, а отъ меня не требуйте журналовъ. Это дѣло начальника моего Штаба — Лизаньки. Взыскивайте съ нея, есть-ли подробно не увѣдомляетъ васъ о нашемъ времяпровожденіи. Прощайте. Желаю вамъ всѣхъ благъ и благословляю. М. М.—Прочтите въ Литературномъ прибавленіи № 22 „*О невѣстѣ*“ и увѣдомите меня о сей статьѣ.

8.

28 ч. Іюля 1839 г. Тобольскъ.

Сейчасъ окончила письмо къ братцу, описавъ ему, какъ утѣшена я была вчера посѣщеніемъ достопочтеннѣйшаго нашего губернатора Ивана Дмитріевича. Онъ просидѣлъ у насъ часа полтора и былъ добръ и внимателенъ. Я показывала ему послѣднія письма моего братца, говоря со всею свойственною мнѣ откровенностію. Просила его увѣрить братца, что не могу уже орудовать его дѣлами. — Иванъ Дмитріевичъ разсказывалъ мнѣ, что у васъ въ Омскѣ провелъ три дня, видѣлся съ Яковомъ Семеновичемъ, но не успѣлъ быть у васъ. Говорилъ о

многомъ со свойственной ему твердостію, и я съ обычною мнѣ непринужденностію говорила, что за его мартрутомъ здѣсь слѣдили, и мы слышали, какъ онъ въ Тюмени садилъ чиновника на гауптвахту, съ какимъ страхомъ ожидали его въ Тарѣ и проч.—Онъ поручилъ мнѣ написать къ вамъ его поклонъ. Когда я благодарила его за посѣщеніе, онъ сказалъ: — Присылайте за мной, когда только вамъ нужно, и я буду у васъ.—Вы—губернаторъ, Иванъ Дмитріевичъ, и я не смѣю сего сдѣлать. Но я фанатикъ, есть-ли мнѣ будетъ горе и нужда въ васъ, можетъ быть вы случайно сами вспомните обо мнѣ и навѣстите меня. — Теперь я живу настоящимъ днемъ, не зная, что будетъ завтра и жду приговора своей участи, которая тѣсно соединена съ существованіемъ моей семьи.— Благодарю васъ, добрѣйшій, любезный Яковъ Семеновичъ, за приписку вашу въ письмѣ Катиньки, вижу, что въ день почты у всѣхъ васъ были хлопоты при разборѣ привезенныхъ на судахъ вещей, и увидѣвши, что вы пишете о разломанномъ футлярѣ отъ часовъ, посмѣялась. Здѣсь еще во дворѣ, изъ окошка я видѣла, какъ извощикъ, увязывая возъ, изломалъ футляръ, но просила Катиньку-внучку вамъ не говорить о семъ. Вы хлопотали, и огорчились бы сею неосторожностію, а не помогли-бы тому, что уже испорчено. Слава Богу, что всѣ другія вещи дошли въ цѣлости. — Благодарю и милую мою Катиньку за утѣшительныя для меня ея письма. Счастливая семейная жизнь—лучшее благо на землѣ. Грустно слышать о припадкахъ Катиньки, но я увѣрена, что она сноситъ оные безъ огорченій и старается избѣгать всего, что можетъ вредить ея положенію. Благоразумная осторожность и терпѣніе награждены будутъ радостію, которой цѣны она еще не знаетъ. — Благодарю и отъ себя милую Катиньку-внучку за письмо ея къ Полѣ и Лизѣ, я съ удовольствіемъ читала ея описаніе, и прошу ее не лѣниться

разсказывать намъ обо всемъ, что на душѣ. Разсказъ на бумагѣ и пріятенъ, и полезенъ. Легко привыкнуть управлять перомъ, такъ какъ и языкомъ своимъ. Говорить и писать свободно зависитъ отъ упражненія, а въ лѣта Катиньки надо пользоваться случаемъ и не боятѣся нимало критики, особливо писавши къ роднымъ. Письма услаждаютъ грусть разлуки и никакое опасеніе не должно вкрадываться въ свободу говорить заочно съ родными о томъ, что хотимъ передать имъ. Пятница и вторникъ теперь тягостны для глазъ моихъ; но я, поговоря съ милыми сердцу, дѣлаюсь веселѣе, какъ будто была у нихъ и повидалась съ ними. — Отъ Сенечки я еще не ожидаю свободы мыслить, его лѣта и способности только что начинаютъ пускать отпрыски для цвѣту, а способности милой Катиньки уже развиваются, и мнѣ радостно мыслить, что образованіе ума и сердца принесутъ прекрасные плоды природныхъ способностей. Читайте болѣе и даръ слова на бумагѣ доставитъ вамъ впослѣдствіи пріятность говорить заочно со всею свободою и непринужденностью. — На дняхъ былъ у меня Арсеній Алексѣевичъ и назначилъ, что отправлять въ Омскъ для Конторы. Мнѣ хочется въ исходѣ Августа отправить возовъ пять посуды и кой-какія ваши вещи, и Костѣ сдать посуду съ тѣмъ, чтобы обратно получить изъ Омска огурцовъ и арбузовъ, а посему и прошу васъ, мои любезнѣйшіе, сдѣлать одолженіе заготовить для меня рублей на 10 огурцовъ, есть-ли сотня не дороже 80 коп., у насъ здѣсь по 5 руб. сотня, и мы ни одного не посолимъ. Есть-ли вамъ нужны наливки, то пишите о семъ. Медоваго варенья будемъ готовить. Писала бы болѣе, но говорятъ уже первый часъ, а мнѣ еще надо написать въ Тару. Прощайте. Заочно васъ всѣхъ, мои любезнѣйшіе, цѣлую. Господь съ вами. Прощайте. Ваша М. М.

9.

4 ч. Августа. 1839 года. Тобольскъ.

Передъ глазами и въ душѣ ваши письма, мои любезнѣйшіе! Я цѣловала заочно добрѣйшаго Якова Семеновича и со слезами на глазахъ благодарила Бога за судьбу моей Катиньки. При мысли о васъ я счастлива, я заочно переношусь къ вамъ и любуюсь вашими радостями. Послѣднее письмо любезнаго Якова Семеновича радостно прослезило меня, и я вспомнила минуты разлуки нашей, и разговоръ на мезонинѣ, но все пройдетъ, хотя теперь раны мои слишкомъ глубоки, удары слишкомъ сильны!—Я уже не то, чѣмъ была и не могу быть болѣе полезною моему семейству тою дѣятельностію, которая доставляла ему всѣ способы физическаго существованія: зрѣніе и память измѣнили мнѣ. Съ лучшими друзьями жизни моей—книгами,—разсталась кажется навсегда. Перомъ владѣю еще, но владѣю для того только, чтобы передавать милымъ сердцу чувства души. Не думайте однако же, чтобы я предавалась горести въ настоящемъ моемъ положеніи. Напротивъ, съ твердою вѣрою я спокойно несу крестъ мой, умоляя Бога, чтобы показалъ мнѣ путь, по коему должна идти.—Окруженная моими дѣтьми, я посвящаю имъ остатокъ жизни моей, вѣдь мнѣ уже 50 лѣтъ, и считаю себя счастливою, что въ настоящемъ положеніи могу исполнять мои обязанности въ отношеніи нравственнаго образованія младшихъ сыновей моихъ, Паши и Мити. Мой день проходитъ пріятно, въ тишинѣ, при ученіи сыновей. Утро до прихода учителя начинается повтореніемъ заданнаго, въ 11-мъ часу приходитъ Стахій Степановичъ *, въ первомъ оканчивается классъ. Послѣ обѣда я сама занимаюсь съ ними до 5 часовъ. Напившись чаю, всегда почти вечеромъ, есть-ли у

* Учитель.

насъ никого нѣтъ, всѣ мы ѣдемъ въ коляскѣ прокатиться, и проведя такимъ образомъ день, я довольна, не желая и не заботясь о визитныхъ знакомствахъ. Теперь я у всѣхъ должна быть, чтобы поддерживать тѣ знакомства, которыя имѣю, но признаюсь, что для меня тягостно нынѣ выѣзжать въ гости. Какое то предчувствіе говоритъ мнѣ, что я должна приготовить себя къ перенесенію переворота въ жизни. Есть-ли Ивану Павловичу откажутъ на просьбу его вступить въ службу, мы должны остаться только съ тысячью рублями вѣрнаго дохода, слѣдственно не имѣть ни лошадей, ни прислуги, чтобы существовать съ нашей семьей, а въ такомъ положеніи уже неумѣстны визитныя знакомства, и потому-то я, со дня переѣзда моего въ городъ, уединеніе и домашній покой избрала моимъ образомъ жизни. До сего времени держу еще при домѣ лишнихъ служащихъ потому, что у насъ семь лошадей, семь коровъ и вся птица въ домѣ. На фабрикѣ безъ меня пало 7 нашихъ рабочихъ лошадей, и оставшихся я взяла въ городъ, чтобы не замучили. Братецъ предполагаетъ кажется, что нужда и бѣдность заставятъ меня снова уѣхать на фабрику, онъ не вѣритъ, что я не вернусь туда. Я отвѣчаю ему рѣшительно, что я должна думать и объ обязанностяхъ моихъ въ отношеніи сыновей, которыхъ далъ мнѣ Богъ. Я въ теченіи десяти лѣтъ приносила фабрикѣ въ жертву мое спокойствіе, мое здоровье, мои материнскія радости, и питаюсь теперь горькими плодами суетнаго тщеславія. Я мать, и бѣдность не страшна для меня, есть-ли только могу, перенося оную, насадить въ сердце сыновей моихъ семена добродѣтели и страха Божія. Мнѣ жаль Поли и Лизы, раздѣляющихъ теперь со мною жребій мой, но я радуюсь, что и онѣ не страшаться будущности нашей, и мы живемъ въ тишинѣ и уединеніи, съ покорностію ожидая, что будетъ съ нами въ будущности. Двѣ почты я уже не получаю писемъ отъ братца

и судьба Ванюши тяготитъ меня. Есть-ли братецъ забудетъ сестру свою, оставившую управленіе его имѣніемъ, то есть Богъ на небеси, и Онъ не оставитъ меня. Безпріютною вступила я на трудную обязанность управительницы, безпріютною и оставлю фабрику со всѣми ея выгодами и прелестями мечтательности. Благодарю только Создателя, давшаго мнѣ силы возстановить и утвердить за братцемъ моимъ его имѣніе и съ честію окончить мое управленіе. Теперь же я могу еще быть полезною моимъ дѣтямъ и имъ посвящаю остатокъ дней моихъ. Вѣра укрѣпляетъ меня, молитва оживляетъ въ часы унынія, и я съ вами въ мечтахъ моего воображенія.—Я буду у васъ зимою и надѣюсь, что буду утѣшена радостію носить на рукахъ своихъ дитя дѣтей, милыхъ моему сердцу.—Береги себя, милая моя Катинька. Молитва и вѣра спасаютъ насъ во всѣхъ обстоятельствахъ жизни. Я родила 14 человѣкъ, и сколько бывало случаевъ въ моей жизни умереть отъ беременности, но я молилась, хранила себя, и Богъ помогалъ мнѣ, награждая меня дѣтьми. Да наградитъ и васъ Господь радостію, которой моя Катинька еще не испытала.—Неизвѣстность о судьбѣ своей не позволяетъ мнѣ ничего предполагать. Есть-ли братецъ забудетъ меня, тогда буду располагать, что мнѣ дѣлать, а теперь мы живемъ покойно, въ тишинѣ. Прощайте, мои добрые, мои милые дѣти! Цѣлую васъ и остаюсь васъ любящая мать М. М.

10.

11 ч. Августа 1839. Тобольскъ.

Письма ваши, любезнѣйшіе мои дѣти, утѣшаютъ меня и крѣпятъ мое дыханіе. Добрѣйшій Яковъ Семеновичъ посланъ небомъ для счастія дней моей Катиньки. Благодарю Бога, что судьба ея устроена, и дочь моя награждена Создателемъ за ту рѣшимость вести слѣпого отца

своего въ Москву, которая доставила ей счастіе утѣшить все семейство радостію неизъяснимою.—Не знаю, къ чему ведетъ меня судьба, но да будетъ во всемъ воля Божія!— Рѣшено, что мой братъ отказывается помогать мнѣ, потому что я уже не могу работать на фабрикѣ. Работая день и ночь, я могла кормить мое семейство, могла таить въ душѣ моей горькую мысль о томъ, что жертвую фабрикѣ воспитаніемъ дочерей моихъ. Поля, Лиза, Маша были брошены мною безъ воспитанія, Ваню удалила отъ себя на погибель, и теперь, когда силы, здоровье и зрѣніе мнѣ измѣнили, когда я уже не могу проводить въ гутѣ и гончарной ночей безъ сна, когда уже не могу писать и толковать съ фабричными по цѣлымъ днямъ, когда сиротѣвшіе сыновья мои требуютъ, чтобъ я не оставляла ихъ младенчества на произволъ чуждыхъ попеченій — теперь я оставлена моимъ братомъ, моимъ благодѣтелемъ. Теперь мнѣ нужна вся сила души моей, чтобъ покориться судьбѣ и заняться воспитаніемъ сыновей моихъ. Молю Бога, чтобъ скорѣе возвратился къ намъ блудный сынъ нашъ, убившій четыре года жизни своей безвозвратно. Одна я виновна въ его погибели тѣмъ, что не имѣла твердости со слѣпымъ мужемъ остаться въ городѣ и сносить наши недостатки. Прошедшаго не возвратишь. Жалѣя юность моихъ дочерей, чтобъ оградить ихъ отъ нуждъ и горестей, которыя ожидали ихъ въ городѣ при отставкѣ Ивана Павловича, я рѣшилась пожертвовать собою, и пріютъ Аремзянскій доставилъ мужу и дочерямъ моимъ спокойное убѣжище и независимость. Одна я несла мой крестъ съ терпѣніемъ и въ молчаніи. Богъ щедро награждалъ труды мои для блага семейства, и я радовалась устройству фабрики, боролась съ обстоятельствами, стремилась достичь до исполненія желаній моего братца, устранила всѣ препятствія, чтобъ получить свидѣтельство, упрочившее ему имѣніе и достигла моей цѣли съ потерею здоровья. Но

когда возрастъ сыновей пробудилъ въ душѣ моей чувство материнскихъ обязанностей моихъ, когда въ 1838 году я твердо рѣшилась оставить фабрику и начала писать о семъ, я не думала, чтобъ мнѣ готовился ударъ отъ старшаго, брошеннаго мною сына, напротивъ, я была увѣрена, что братецъ, будучи самъ отцемъ, пойметъ мои чувства и, возвративъ мнѣ Ваню, обратитъ въ помощь дѣтей моихъ расходы на него употребляемые безъ всякой нужды. Я не воображала, чтобъ онъ любилъ фабрику болѣе чѣмъ сестру и полагала, что онъ пришлетъ на фабрику своего управляющаго и продолжитъ мнѣ свои благодѣянія. Со дня рокового извѣстія о Ванюшѣ до сего времени, изъ переписки нашей вижу, что одна только фабрика занимаетъ братца, и онъ пріѣдетъ, пріѣдетъ на родину свою въ то время, когда узнаетъ, что сестра его, на старости лѣтъ своихъ должна будетъ искать средствъ для воспитанія сыновей, и можетъ быть на произволъ судьбы пустится въ путь далекій отъ родного пепелища.—Милые, добрые мои дѣти! Почтеннѣйшій, любезнѣйшій, Богомъ данный сынъ мой! Я чувствую, что васъ огорчаетъ письмо мое, но будьте покойны. Я не упадаю духомъ моимъ, не плачу, не грущу, и крѣпко уповаю, что все устроится ко благу дѣтей моихъ, которымъ посвящена вся жизнь моя. Есть-ли Ивану Павловичу министръ откажетъ въ его просьбѣ и онъ лишится надежды еще служить по учебной части, мы рѣшились зимою ѣхать въ Петербургъ, что бы съ нами не случилось тамъ. Въ такомъ случаѣ я увѣрена, что вы возьмете мою Аполинарію, а Оленька возьметъ Лизу. Ихъ возрастъ, ихъ положеніе будетъ связывать меня, но съ мальчиками и съ Машею я могу все вынести, а безпорочная служба бѣднаго моего мужа, надежды, которыя онъ имѣетъ на покровительство многихъ, дадутъ мнѣ въ старости силы и твердость устроить судьбу сыновей моихъ.—Можетъ быть сего и не случится, но я готовлю уже старшихъ дочерей

моихъ къ тому, что мы должны будемъ разстаться, что онѣ должны приготовлять себя къ тому, чтобы найти пріютъ себѣ въ дни бѣдствія ихъ родителей.—Мы не грустимъ, не жалуемся на судьбу и проводимъ время наше въ мирной тишинѣ.—Я не оставляю фабрики, но тамъ все уже не то, тамъ нѣтъ распорядителя, нѣтъ неусыпнаго смотрѣнія, и доходы такъ невѣрны, что мнѣ жаль десятилѣтнихъ трудовъ моихъ. За то мои Паша и Митя утѣшаютъ меня своими успѣхами, и есть-ли бы мы остались здѣсь, есть-ли бы Ивану Павловичу дали какое либо мѣсто, приносящее хотя еще тысячи полторы жалованья, то мы бы, не трогаясь съ мѣста, стали жить, сообразно съ своими доходами, но остаться съ одною тысячью пенсіи невозможно при нашемъ семействѣ. Сентябрь я проживу еще такъ, какъ живемъ теперь, а тамъ распущу всѣхъ служащихъ мнѣ, и останусь съ парою лошадей, коровою, однимъ кучеромъ и кухаркою. Есть-ли Поля уѣдетъ къ вамъ, а Лиза къ Оленькѣ, то мы можемъ на зиму перейти въ Сарайныя *, а въ большой домъ пустимъ постояльцевъ, и наши расходы уменьшатся, и я всю себя посвящу образованію младшихъ дѣтей, имѣя для сего отъ Бога данную мнѣ способность.—Милая моя Катинька! я увѣрена, что ты, зная мой характеръ, не будешь думать, что я уже несчастлива. Нѣтъ, другъ мой, пока я не лишена любви дѣтей моихъ, пока имѣю силы пещись о ихъ благополучіи, я не могу называть себя несчастною и умѣю довольствоваться малымъ. Будь покойна и храни себя въ твоемъ положеніи. Поля, Лиза покойно и радостно раздѣляютъ труды мои и теперь утѣшаютъ меня. Теперь я счастливѣе, чѣмъ была на фабрикѣ. Я въ кругу моего семейства, я мать дѣтей моихъ, а не работница. Я исполняю мои священнѣйшія обязанности и жалѣю, что не имѣла твердости

---

* Такъ назывался флигель во дворѣ.

ранѣе оставить фабрику. Есть-ли бы я сама повезла въ Москву слѣпого моего мужа, то мой сынъ не погибъ бы, я тогда же взяла бы его обратно, узнавши о его поведеніи, но — прошедшаго уже не возвратишь.

Есть-ли Ванечкѣ суждено погибнуть и сдѣлаться дурнымъ человѣкомъ, я приму это за правосудное наказаніе Божіе родителей, не пекущихся о воспитаніи дѣтей своихъ, и онъ будетъ примѣромъ для другихъ, не заботящихся о нравственности дѣтей своихъ.—Есть-ли бы не младшіе сыновья мои, Паша и Митя, то, право, я-бы и не подумала жить въ городѣ, но что-бы съ нами ни случилось, мы должны пещись о ихъ воспитаніи. Вѣра щитъ мой противу бѣдствій. Заочно всѣхъ васъ, мои любезнѣйшіе цѣлую. Нынѣ мнѣ очень тяжело писать, всегда окончивши письма, я почти уже ничего не вижу: дѣлаются въ глазахъ красные круги въ воздухѣ, и рѣшительно читать книгъ уже не могу какъ прежде, а при ученіи дѣтей и находясь съ ними, теперь раздергиваю холстъ и начну вязать чулки, вотъ мое занятіе. Одинъ только братецъ сему не вѣритъ. Богъ съ нимъ! Прощайте, не забывайте меня, друзья мои. Сегодня рожденье Маши и у нея Сонечка Скерлетова *. Мнѣ пріятно было увидѣть твою гитару, милая Катинька! Благословляю тебя и добрѣйшаго Якова Семеновича и цѣлую какъ сына мнѣ. М. М.

11.

17 ч. Августа 1839 года. Тобольскъ.

Любезнѣйшіе мои дѣти! Письма ваши и письма моей Олиньки теперь одно мое утѣшеніе, и я глаза свои берегу только для почтовыхъ дней, чтобъ поговорить съ вами заочно. Въ самомъ дѣлѣ зрѣніе мое день ото дня

---

* Близкіе друзья Менделѣевыхъ.

притупляется, и по временамъ, то дѣлается въ глазахъ колотье, то представляются красные круги, то глаза опухнутъ, и хотя я нынѣ уже сдѣлалась ко всему этому равнодушною, но признаюсь, что ослѣпнуть не хотѣлось-бы. Вчера былъ у насъ достопочтеннѣйшій Иванъ Дмитріевичъ * и посидѣлъ часа полтора. Дома оставалась я одна съ младшими. Иванъ Павловичъ былъ на сѣнокосѣ за рѣкой, а Поля и Лиза у Скерлетовыхъ. Со всею откровенностью представила я ему мое положеніе, получивъ отказъ братца. Чтобъ найти хорошаго управителя, надо обезпечить его большимъ жалованьемъ, надо, чтобъ онъ имѣлъ и свѣдѣнія въ дѣлѣ нашей фабрикаціи, однимъ словомъ надо, чтобы братецъ самъ устроилъ будущность своего имѣнія. Пока семейныя мои обстоятельства позволяли мнѣ поддерживать имѣніе, я все отъ меня зависящее дѣлала, чтобы получить свидѣтельство на имѣніе, котораго ожидалъ отъ меня братецъ въ теченіи десяти лѣтъ. Я пожертвовала фабрикѣ всѣми собственными выгодами, употребляя на устройство и производство оной все мое попеченіе, и преодолѣвъ всѣ препятствія, устранивъ всѣ недоброжелательства, достигла моей цѣли. Мнѣ нельзя было отказать въ законномъ требованіи. Никому извѣстно не было, что остановка въ сбытѣ посуды заставила меня сдѣлать около пяти тысячъ долгу. Я пользовалась кредитомъ, занимала деньги на слово, и обо всемъ писала къ братцу. Онъ утѣшалъ одною будущностію и заключеніемъ контрактовъ съ новыми откупщиками. Увидѣвши бездну, надъ которою я стою, сжавъ сердце, скрывъ отъ всѣхъ мое положеніе, я взялась за поставку посуды къ откупщикамъ по цѣнамъ совершенно невыгоднымъ собственно для меня, но видѣла, что выручу капиталъ и сброшу съ себя долгъ. Декабрь прошлаго года былъ для

---

* Губернаторъ Тобольска.

меня мѣсяцемъ тяжкихъ испытаній и въ то же время я рѣшительно стала писать къ братцу объ отставкѣ своей. Молчаніе было отвѣтомъ на мою просьбу. Я страдала въ душѣ, но я дѣйствовала и Богъ помогъ мнѣ выручить капиталъ и заплатить долги фабрики. Пожаръ церкви на фабрикѣ былъ несчастіемъ для меня, а погибель Ванюши пробудила во мнѣ всѣ чувства материнскихъ обязанностей и я съ твердостію рѣшилась остатокъ дней моихъ посвятить моимъ дѣтямъ, младшимъ сыновьямъ моимъ. — Иванъ Дмитріевичъ вамъ кланяется, добрѣйшій Яковъ Семеновичъ. Я писать болѣе не могу, пріѣхала къ намъ Фонъ-Визина и вамъ кланяется. Пишу при ней въ гостиной. Прощайте. Мое благословеніе надъ вами, цѣлую всѣхъ. Ваша М. М.

12.

25 ч. Августа 1839 года. Тобольскъ.

Любезнѣйшіе, добрые мои дѣти! Благодарю Васъ за письма. Благодарю почтеннѣйшаго Якова Семеновича за утѣшенія и совѣты быть твердою, и скажу Вамъ, что вы худо меня знаете, есть-ли полагаете, что вѣра въ Провидѣніе меня уже оставила и я предаюсь излишней горести. Будьте покойны на счетъ мой и вѣрьте тому, что я буду умѣть жить независимо и съ тысячью рублей пенсіи моего мужа. Собственно для своего существованія мнѣ не нужна уже въ старости моей помощь брата моего. Лучшіе годы жизни моей были посвящены его дѣламъ. Я жила не для себя на свѣтѣ, и есть-ли умѣла и могла въ молодости моей отказываться отъ свѣта и общества, то безразсудно-бы было теперь въ мои лѣта грустить о томъ, что не могу болѣе поддерживать извѣстности своей въ сферѣ Тобольскаго тона, и должна буду идти пѣшкомъ, вмѣсто того, чтобъ выѣзжать въ экипажѣ съ визитными билетцами. Съ начала 1838 года, рѣшившись

твердо оставить фабрику, я стремилась только къ исполненію воли братца моего, чтобы доставить ему свидѣтельство на имѣніе, и не переставала писать къ нему, что обязанности матери заставляютъ меня заняться образованіемъ и нравственностію сыновей, при мнѣ находящихся. Я чувствовала и предвидѣла, что Паша и Митя, при моихъ занятіяхъ на фабрикѣ, могли погибнуть нравственно, и укоризна совѣсти преслѣдовала-бы меня въ дни безпріютной старости. Тогда я еще не знала о судьбѣ Ванюши, но теперь, когда вижу уже погибель одного, я-бы недостойна была имени матери, есть-ли бы рѣшилась пожертвовать фабрикѣ и младшими моими сыновьями. Пусть судитъ меня свѣтъ по отголоскамъ мнѣнія обо мнѣ людей, не знающихъ, какъ сильно поражена душа моя погибелью бѣднаго Ванюши, я остаюсь при той рѣшимости, съ которою занимаюсь теперь воспитаніемъ младшихъ сыновей моихъ. Глупость, которую я сдѣлала, купивши домъ на имя братца, произошла отъ обманчивой увѣренности моей на его помощь. Я полагала, что онъ любитъ меня безъ всякихъ отношеній, время открыло мнѣ, что я нужна была для его фабрики, которая давно уже не принадлежала-бы ему, есть-ли бы я умерла въ Саратовѣ, или не согласилась убѣдить мужа моего для дѣтей нашихъ ѣхать въ Сибирь, а не въ Пензу. Слѣдуя за моими обстоятельствами, я спокойно смотрю на прошедшее и радуюсь, что я могла сіи послѣднія 11 лѣтъ посвятить моему семейству и благосостоянію фабрики. Въ настоящемъ же моемъ положеніи молю Бога, чтобы Онъ помогъ мнѣ устроить дѣла мои такъ, чтобы старость свою обезпечить радостными чувствами жить и утѣшаться счастіемъ дѣтей моихъ, а потому и прошу васъ на время вызвать къ себѣ Полиньку, а Олиньку буду просить увезти къ себѣ Лизаньку. Онѣ не могутъ постигнуть всей любви моей къ нимъ, не могутъ понять, что ихъ спокойствіе, ихъ

радости, ихъ счастіе, котораго не могу доставить имъ, терзаютъ мою душу, и переворотъ обстоятельствъ, который неминуемо долженъ произойти съ нами, — я твердо и легко перенесу, когда онѣ будутъ находиться подъ покровительствомъ близкихъ моему сердцу родныхъ. Оставшись съ Машей, Пашей, Митей, я могу совершенно отказаться отъ выѣздовъ и исполнить мои предположенія относительно дома. Въ теченіи трехъ или четырехъ мѣсяцевъ я увѣрена, что судьба и бытъ нашъ устроятся, и тогда Поля и Лиза возвратятся къ намъ дѣлить скромный удѣлъ семьи своей, тогда мы начнемъ новую жизнь. Какія мои предположенія и что я буду дѣлать, теперь не могу вамъ сказать, добрые мои родные, но только увѣряю васъ, что я имѣю твердость духа и унываю только о томъ, что зрѣніе мое слабѣетъ. Впрочемъ мы ведемъ въ кругу семьи своей тихую и мирную жизнь. Поля и Лиза хозяйничаютъ, хлопочутъ съ запасами, которые мною еще приготовляются, а когда должно будетъ установить и разсчитать хозяйство свое изъ одной пенсіи Ивана Павловича, то право имъ нечѣмъ будетъ заниматься, и мы начнемъ тогда новую жизнь. Между тѣмъ, какъ я увѣрена, братецъ долженъ пріѣхать для фабрики своей. Онъ пишетъ объ этомъ къ Ивану Дмитріевичу, и я получила письмецо его. Горько плакала я надъ письмомъ Ванюши, и бросивъ все, поспѣшила-бы къ нему, есть-ли бы имѣла возможность. Мнѣ нужна теперь вся сила моего характера и вся твердость души, а потому горесть глубоко скрыта подъ наружною оболочкою спокойствія. Слабость здоровья и круженіе головы при опухоли въ глазахъ заставили меня нѣсколько дней просидѣть дома. Причину моей болѣзни я передала Юлію Ивановичу *, но не ли-

---

* Ю. И. Штубендорфъ, докторъ и другъ семьи Менделѣевыхъ и Капустиныхъ.

шила дѣтей удовольствія видѣть открытіе памятника *. Княгиня Горчакова съ Фонъ-Визиной пріѣхала также къ памятнику, и увидѣвъ меня въ коляскѣ со всѣми дѣтьми моими, съ обычною ей привѣтливостію спросила, получила-ли я письмо ваше, посланное вами черезъ нее, и разсказала мнѣ о васъ, милыя мои обѣ Катиньки. Вечеромъ я была у нея во время экзамена въ гимназіи и нашла ее столько-же расположенною ко мнѣ, какъ и прежде. Пріятно и утѣшительно мнѣ было слышать ея отзывы о моей дочери и похвалы Катинькѣ-внучкѣ. Могу-ли я называть себя несчастливою, имѣя утѣшеніе слышать, что замужнія мои дочери пользуются въ свѣтѣ тою репутаціею, которая дѣлаетъ честь ихъ нравственнымъ достоинствамъ и есть ихъ собственность, а не дары слѣпой фортуны. Княгиня съ чувствомъ слушала, что я какъ мать посвящаю себя отнынѣ воспитанію младшихъ сыновей моихъ, и готова остаться при бѣдной пенсіи моего мужа, для исполненія долга матери. Я провела у нея около часа, разставшись съ нею съ тѣми же чувствами глубокаго моего къ ней уваженія.—Желала бы еще много, много говорить съ вами, мои добрые дѣти! но глазамъ моимъ очень ужъ тяжело. Я только и берегу ихъ для почтовыхъ дней. — Прошу васъ писать почаще къ братцу. На послѣднія письма братца я уже не отвѣчаю. Тяжко мнѣ разстаться съ мыслію, что братъ мой не хочетъ входить въ мое положеніе. Надежда умерла для меня, но любовь къ брату останется до гроба. Заочно цѣлую добрѣйшаго Якова Семеновича, милыхъ Катиньку дочь и Катиньку внучку и Сенечку. Скажите, ради Бога, неужели Сенечка не поступитъ въ учебное заведеніе?—Прощайте. Остаюсь васъ любящая мать М. М.

---

* Ермаку.

13.

26 ч. Генваря 1840 г. въ 2 часа по полудни.

Не знаю, примутъ-ли письмо на почту, но не могу не поздравить со днемъ Ангела почтеннѣйшаго и любезнѣйшаго Якова Семеновича. Я и такъ ропщу на всѣхъ меня окружающихъ, что они не поздравили во время, а тѣмъ болѣе, что Иванъ Павловичъ ничего вамъ не писалъ. Знаю, что вы, милые мои, увѣрены въ любви къ вамъ матери и въ томъ, что дни сіи по событіямъ прошлаго года * и безъ сегоднешнихъ имянинъ моихъ и вашихъ навсегда останутся памятны. Поздравляю и привѣтствую васъ съ наступающимъ днемъ Ангела и желаю всѣхъ благъ отъ Бога. Мысленно переношусь къ вамъ, и есть-ли все будетъ хорошо къ 10 числу быть можетъ и увидимся, хочу взять съ собою Митю. Прошу только не хлопотать и не думать о тѣснотѣ комнатъ, иначе мнѣ будетъ казаться, что мой пріѣздъ стѣснитъ и васъ. Заочно васъ цѣлую и остаюсь ваша М. Менделѣева.

14.

14 ч. Іюля 1840 г. Тобольскъ.

Любезнѣйшіе мои! Въ полной мѣрѣ раздѣляю съ вами горесть о разлукѣ съ Ангеломъ Машечкой **. Благодарю добраго почтеннаго Якова Семеновича за увѣренность въ моей твердости, благодарю и почтеннаго Карла Казиміровича *** за то, что онъ на первый вопросъ мой объ Иванѣ Павловичѣ безъ всякихъ приготовленій сказалъ, что онъ еще въ Омскѣ, потому что малютки Машечки уже

---

* Я. С. Капустинъ сдѣлалъ предложеніе Екатеринѣ Ивановнѣ.

** Первая дочь Екатерины Ивановны умерла малюткой.

*** Будущій мужъ Катиньки-внучки, пріѣзжавшій въ Тобольскъ, К. К. Гутковскій.

нѣтъ. Электрическій ударъ коснулся души моей, но первымъ вопросомъ послѣ сего было: Какова Катинька?—Потомъ нѣсколько минутъ я не могла говорить; но душа моя воспрянула, я вышла изъ гостиной, помолилась передъ Святой иконой объ упокоеніи души младенца и о Катинькѣ. Потомъ я возвратилась въ гостиную и по возможности старалась спокойно продолжать мой разговоръ съ добрымъ Карломъ Казиміровичемъ, который прибылъ у меня около двухъ часовъ. Ванечка * приготовилъ въ гостиной чай и напоилъ насъ, и я, прочитавши ваши письма и увидѣвши приписку милой моей Катиньки, желала только одного, чтобы Иванъ Павловичъ, дождавшись письма моего, оставилъ у васъ Полю, а обратно привезъ съ собою опять Машу и Сенечку **. Въ дни радости я знала, что разлука съ Полей не столь бы была чувствительна и благоразуміе Катиньки умѣло бы побѣдить грусть о томъ, что мы не можемъ жить вмѣстѣ и согласилась бы съ тѣмъ, что чего нельзя перемѣнить, тому должно повиноваться. Но теперь въ дни горестной и невозвратной разлуки съ малюткой Машечкой, теперь, когда разстройство душевнаго покоя, разстройство нервъ еще такъ сильно, и разлука съ отъѣзжающими для тебя будетъ горестнѣе. Теперь Поля дѣлила-бы съ тобою грусть и утѣшала и развлекала бы тебя въ отсутствіи Якова Семеновича, а Маша помогала бы мнѣ въ хозяйствѣ, и Лиза, возвратясь отъ Олиньки, заступила бы мѣсто старшей сестры. Вотъ чего желаетъ душа моя.— Но изъ писемъ вашихъ видно, что Иванъ Павловичъ предполагаетъ выѣхать въ субботу и теперь долженъ быть уже въ дорогѣ.

---

* Старшій сынъ, вернулся домой и учился въ гимназіи.

** Сенечка былъ отданъ въ Тобольскую гимназію и жилъ у Менделѣевыхъ.

15 ч. утро.

Вчера пріѣздъ доброй Фонъ-Визиной отвлекъ меня отъ письма и въ теченіе дня я уже не могла взять пера. Черныя мысли наполняли мою душу, но я старалась ни о чемъ не думать и заставила Ванечку читать книгу *Фра-Дьяволо*, *Зотова*. Во весь день мы были одни. Въ 5 часовъ поѣхали въ соборъ къ вечернѣ. Милая дочь моя! Отри твои слезы и не прогнѣвляй Бога продолжительною горестію о томъ, что уже невозвратимо. Помни, что ты имѣешь добрѣйшаго мужа, помни, что онъ не менѣе тебя чувствуетъ потерю свою. Каково ему будетъ, есть-ли, при одномъ воспоминаніи о Машинькѣ, ты безпрестанно будешь обливаться слезами? — Не въ правѣ-ли онъ будетъ думать, что ты любила Машу свою болѣе, нежели мужа? Надѣюсь и совершенно увѣрена, что отвѣтомъ на сіе письмо я получу утѣшительное для себя извѣстіе о спокойствіи моей доброй Катиньки. Прошу не ее, но добраго моего Якова Семеновича не обманывать меня на счетъ здоровья и спокойствія Катиньки.—Знаю изъ опытовъ жизни, что нѣтъ горести, которую время не изцѣлило-бы; но, какъ мать, какъ другъ, требую отъ дочери моей, чтобъ она и въ душѣ своей не затаивала грусти своей. Ахъ, эта скрытая, безмолвная тоска души, какъ червь подтачиваетъ физическое наше здоровье; мать ваша служитъ сему убійственнымъ примѣромъ. Въ лучшіе лѣта жизни своей я не умѣла управлять моею чувствительностію и не думала, чтобы слезы, мною проливаемыя, могли имѣть столь горькое вліяніе на мое здоровье. Я безутѣшно оплакивала первыя мои потери, но нынѣ, хотя и поздно,— не сѣтую, не плачу, не ропщу, а желаю только, что-бы вы успокоились. Съ вашими радостями неразлучно и мое утѣшеніе, я живу счастіемъ дѣтей моихъ, въ нихъ полагаю мои радости, мои удовольствія. Они замѣняютъ

Прямской взвозъ въ Тобольскѣ.

мнѣ собою богатство, почести, славу. — Молитва въ церкви меня оживила и мы — т. е. я, Ваня, Паша и Митя изъ собора проѣхали на кладбище. Тамъ поклонилась я праху моихъ родителей, сестеръ, братьевъ, дѣтей. Когда мы возвращались, Ванечка показалъ мнѣ памятникъ надъ могилой матери Петра Павловича Ершова *, много мною уважаемаго человѣка. Я подошла и прочитала эпитафію и велѣла списать. Она кратка, но въ ней видны чувства христіанина. Вотъ она:

„Пускай для глазъ мрачна земли утроба,
Но ты ее темницей не зови:
Она свѣтла для вѣры и любви. —
Благоговѣй предъ тайной гроба
И сѣнь могилъ благослови!..“

Вѣрно и вы сдѣлаете памятникъ надъ прахомъ незабвенной Машиньки, и мнѣ-бы хотѣлось, чтобы Петръ Павловичъ написалъ эпитафію. — Мысль, парящая въ небесахъ, свѣтлость могилъ для вѣры и любви, и воздухъ, коимъ я дышала, освѣжилъ мою голову, я покойнѣе, веселѣе возвратилась домой. — Я совершенно увѣрена, что Господь утѣшитъ меня еще именемъ бабушки, и я снова пріѣду къ вамъ въ Омскъ и порадуюсь на васъ. — Не скрываю однако-же, что мнѣ грустно, очень грустно и я ничего не могу еще дѣлать, ни о чемъ не могу еще думать, потому что меня безпокоитъ мысль о здоровьи Катиньки, а когда вы будете спокойны, и я успокоюсь. Ты должна вѣрить, что многіе подобно тебѣ теряли дѣтей, и любили ихъ не менѣе тебя, но любовь къ тѣмъ, кто насъ окружаетъ, побѣждала грусть о томъ, что уже невозвратимо. — Ивану Павловичу ничего не пишу, полагая, что онъ выѣхалъ. Прощайте. Цѣлую всѣхъ. Господь надъ

* Поэтъ, авторъ „Конька-Горбунка“.

вами. М. М. Продолженіе письма пришлю. Карлъ Казиміровичъ сейчасъ заѣхалъ проститься.

15.

16 ч. Іюля 1840. Тобольскъ.

Вы уже получили неоконченное письмо мое съ добрымъ Карломъ Казиміровичемъ, которому я много, много благодарна, что при всѣхъ своихъ занятіяхъ по службѣ, и, имѣя множество здѣсь знакомыхъ, онъ удѣлялъ время, чтобы быть у меня каждый день.—Онъ сказалъ уже вамъ и вы можете быть увѣрены, что я тверда какъ камень и только грущу о томъ, какова моя Катинька. Пятнадцать лѣтъ уже привыкла я сильное горе встрѣчать безъ слезъ. Счастлива буду, есть-ли онѣ потекутъ при утѣшительномъ чувствѣ, что Катинька моя снова покойна и счастлива. Знаю и увѣрена, что любовь къ тебѣ Якова Семеновича и время осушатъ твои слезы, милая моя Катинька; но боюсь безмолвной тоски и грусти, а потому и прошу добраго моего Якова Семеновича требовать отъ Катиньки, именемъ любви ея ко всѣмъ намъ, какъ можно развлекать себя и удалять мысль о разлукѣ съ Машей. Пусть она выѣзжаетъ чаще къ друзьямъ своимъ и старается разсѣять печаль о потерѣ, уже невозвратной, привязанностію къ тѣмъ, кого любитъ.—Вчера получила я письма отъ Олиньки и братца. Олиньку съ мужемъ и Лизой буду ожидать въ Пятницу, потому что они намѣреваются выѣхать въ Четвертокъ утромъ, или въ Среду вечеромъ *. Есть-ли бы вы жили ближе, есть-ли бы Яковъ Семеновичъ могъ оставить на 29 дней свою службу, то я-бы стала звать васъ въ Тобольскъ, но сего сдѣлать невоз-

* Ольга Ивановна первымъ бракомъ была замужемъ за фабрикантомъ Медвѣдевымъ и жила съ нимъ въ Ялуторовскѣ.

можно. Мнѣ также теперь нельзя и думать о свиданіи съ вами въ Омскѣ, а потому и должна покориться обстоятельствамъ. — Полагаю, что и вы получили письмо отъ братца. Онъ пишетъ дружески и о многомъ спрашиваетъ меня. Напримѣръ: Выѣхалъ-ли Иванъ Дмитріевичъ? * Скоро-ли пріѣдутъ въ Москву Скерлетовы? За что у нихъ ссора? —и проч. и проч. Но мой отвѣтъ и сегодня ему тотъ-же, что горькіе опыты жизни научили меня не вмѣшиваться въ чужія дѣла, что приватная жизнь Ивана Дмитріевича мнѣ всегда не нравилась, что я люблю Скерлетовыхъ и не могу оправдать поступковъ Ивана Дмитріевича съ добрымъ, простымъ и довѣрчивымъ Скерлетовымъ, который безпорочно прослужилъ уже 47 лѣтъ и не ожидалъ подъ старость встрѣтить столько непріятностей. — Не знаю, какъ-то принялъ его князь ** и чѣмъ кончился смотръ. Сегодня, кончивши почту, поѣду къ доброй Александрѣ Петровнѣ ***, она и вчера ожидала меня, но собственное горе приковало меня къ дому, и мнѣ веселѣе быть съ одними дѣтьми, чѣмъ въ чужомъ домѣ, я не могу еще говорить о постороннихъ вещахъ. Катинька, одна Катинька въ умѣ моемъ. О! Чувства матери теперь уже ей извѣстны и она можетъ судить, что всѣ блага жизни моей въ счастьи дѣтей. — Ивана Павловича я не жду еще и утѣшаюсь тѣмъ, что онъ согласится со мною и лучше оставитъ у васъ Полю.— Какъ ни желала-бы я видѣть ее, но мнѣ пріятнѣе будетъ получать отъ нея вѣрное увѣдомленіе о Катинькѣ. Увѣрена, что она не дастъ ей плакать даже и украдкою.—Прощайте, мои добрые, милые, мои дѣти! Господь да утѣшитъ васъ.— Я не пишу ни къ Полинькѣ, ни къ Ивану Павловичу, а ожидаю почты и вашихъ писемъ.

---

* Губернаторъ.

** Генералъ-губернаторъ Горчаковъ.

*** Скерлетовой.

Прощайте еще, цѣлую васъ и остаюсь васъ любящая М. Менделѣева.

16.

31 ч. Октября 1841 г. Тобольскъ.

Любезнѣйшіе мои Яковъ Семеновичъ, Катинька съ Олей *, Лизанька и Катинька Яковлевна! Простите, что писать не успѣла. Сейчасъ кончила письмо мое къ братцу о церкви ** и о дѣлахъ ***. Да, поздравьте насъ съ утвержденіемъ на право построенія церкви. Вчера Иванъ Павловичъ былъ у Преосвященнаго и онъ сказалъ, что пріѣдетъ къ намъ въ домъ посидѣть. Указа еще не получили, но всѣми уже подписано утвержденіе, и я, получивъ указъ, поѣду сама благодарить Владыку. Теперь у меня столько въ головѣ, что и начинать не буду говорить о томъ, что думаю.—Почты еще нѣтъ и скучно, что объ васъ ничего не знаемъ. Рыбу и намъ прислалъ братъ Плеханова, и къ вамъ отослана, такъ солона, что ѣсть нельзя. Сегодня былъ у меня Плехановъ и говоритъ, что у него приготовлена для васъ малосолая, но судно за 10 верстъ не дошло, и какъ привезутъ сюда, такъ закупоритъ и доставитъ. Прощайте, всѣхъ васъ заочно цѣлую и милую внучку прошу поцѣловать и остаюсь васъ любящая мать М. М.

17.

2 ч. Генваря 1842 г. Тобольскъ.

Любезнѣйшіе мои Яковъ Семеновичъ, Катинька съ Олей и Катинька Як. съ Новымъ Годомъ и дорогимъ вчерашнимъ имянинникомъ братцемъ васъ поздравляю. Да со-

---

* Новорожденная дочь Капустиныхъ.

** Марья Дмитріевна собирала пожертвованія и на нихъ въ Аремзянкѣ выстроила новую церковь, которая стоитъ и нынѣ.

*** Марья Дмитріевна не бросила дѣлъ фабрики и управляла ею изъ Тобольска.

Церковь села Аремзянскаго.

хранитъ васъ Богъ въ тишинѣ, мирѣ и благоденствіи.—Вы опора моей старости, утѣшеніе дней моихъ, а доброта Богомъ даннаго мнѣ сына, его любовь, его попеченіе о спокойствіи нашемъ, кажется съ самаго дня помолвки сроднили меня съ мыслію, что Богъ наградилъ мою Катиньку за любовь къ отцу и странствованіе со слѣпцомъ.—Сострадая какъ мать о моей Олинькѣ * въ поѣздкѣ Ивана Павловича къ вамъ за Лизанькой, я видѣла для себя возможность по возвращеніи Лизы самой поѣхать въ Ялуторовскъ и утѣшить бѣдную Олиньку своимъ пріѣздомъ. Злополучная дочь моя окружена теперь тяжкими испытаніями, при коихъ какъ мать должна я дѣйствовать для ея спасенія.—Долгъ мой состоитъ теперь по фабрикѣ изъ 4.000 рублей, но въ 1843 году, или еще въ октябрѣ сего года съ новыми откупами, какъ смѣю надѣяться, обороты мои по фабрикѣ позволятъ мнѣ сбросить съ себя сіе иго. Приходъ занятыхъ мною денегъ записанъ въ книгахъ фабричныхъ. Документы, у кого заняла и кому должна, найдутъ, есть-ли бы я и умерла, въ бюро моемъ. И въ обезпеченіе на будущее время я упрошу моихъ благодѣтелей взять обязательство. Съ помощію же новаго кредита, я расплатилась съ Алекс. Петр. Скерлетовой и сбросила съ себя еще тягостнѣйшій долгъ страдальцу нашему Ивану Петровичу **. Я думаю, ты не забыла того, моя милая Катинька, что при отставкѣ Ивана Павловича, спасая слѣпого моего мужа, я заняла денегъ у Ивана Петровича, узнавши, что мужъ мой далъ обязательство Дранитникову, что могло въ то время совершенно погубить меня по дѣламъ фабрики. Занятыми деньгами выкупила вексель Ивана Павловича, расплатилась за его мелочные долги по суммамъ экономіи казенной, мясникамъ,

---

* У Ольги Ивановны смертельно заболѣлъ мужъ ея.

** Медвѣдеву, мужу Ольги Ивановны.

свѣчникамъ и тому подобное и къ полоторымъ тысячамъ рублямъ, присовокупивъ къ счетамъ Ивана Павловича долгъ мой за глину и мелочные для насъ покупки въ Ирбити, дала ему въ 1834 году въ 2.000 руб. на себя обязательство. Въ началѣ же 1835 года, получивъ отъ братца денегъ, уплатила 700 р., въ началѣ 1836 г. 300 руб., въ 1838 году 350 руб., и 650 руб. еще оставались за мною. Прося его отмѣчать уплату на обязательствѣ, я страдала въ душѣ моей, не имѣя возможности въ теченіи послѣднихъ лѣтъ уплатить оставшагося долга. Нынѣ внезапный пріѣздъ мой къ нимъ былъ однимъ только стремленіемъ материнскихъ чувствъ отдать послѣдній долгъ сыну и спасти горестную дочь, и мысль о деньгахъ не приходила и въ голову. Сиротство Олиньки, горькая судьба ея, и моя рѣшимость послѣ похоронъ, оставивъ все корыстолюбію наслѣдниковъ, увести съ собою бездѣтную и безпріютную вдову, наполняла мою душу. Но когда я пріѣхала, когда я увидѣла страдальца, обращеннаго душею и сердцемъ къ Богу, когда увидѣла злополучную Олиньку, окруженную всѣми бѣдствіями, сердце мое растерзано было на части, но я не могла облегчить ихъ скорби. Съ фабрикъ, которыя въ дѣйствіи, прикащики требуютъ денегъ и доносятъ, что мастеровые и рабочіе не выходятъ изъ конторъ, а имъ нечего послать. Олинька, бѣдная Олинька принесла къ кровати больного мужа послѣднія, оставшіяся у нея отъ Ишимской ярмарки 300 руб., и въ домѣ остался одинъ цѣлковый. Сердце мое разодралось на части, я присоединила къ симъ деньгамъ мою сотню рублей, лежавшихъ въ моемъ бумажникѣ. Я оставила себѣ только 25 руб. на обратный путь и видѣла слезы моего Ивана Петровича, чувствовала, что обстоятельства убиваютъ его столько-же, какъ и болѣзнь, но онъ молчалъ и не имѣлъ силъ говорить о своемъ положеніи. — Отъ Олиньки узнала я объ извѣстныхъ ей болѣе 20 тысячъ долговъ. Узнала и увидѣла изъ словъ

прикащика, что при дѣйствіи двухъ стекловарныхъ печей вовсе нѣтъ заготовленныхъ пепловъ, и пріѣзжающіе покупатели съ деньгами за покупкою оконнаго стекла уѣзжаютъ отъ нихъ къ Палаумову, потому что у нихъ вовсе нѣтъ въ заготовленіи ни стеколъ, ни фаянсовой посуды, а что выйдетъ изъ калеицъ и горна, то продаютъ тотъже часъ и деньги раздаютъ рабочимъ. — Можете судить о чувствахъ души матери при видѣ ужаснаго переворота въ судьбѣ слишкомъ надѣявшагося на свои силы добраго Ивана Петровича. Какъ умѣла и сколько могла, я старалась утѣшить его надеждами на поправленіе дѣлъ. Предвидя однако-же, что угрожаетъ имъ съ приближеніемъ Рожества Христова, когда всѣ мастеровые потребуютъ денегъ, просила не удерживать меня долѣе въ Ялуторовскѣ, и обѣщала, возвратясь, отправить къ нимъ не медля которую либо изъ старшихъ дочерей. — Не спрашивайте, что думала я о себѣ и объ Иванѣ Павловичѣ, не зная, какъ кончатся собственныя дѣла мои. — Святая вѣра укрѣпляла меня. — Возвращаюсь и вижу непостижимую помощь Божію. Мнѣ удалось занять эти 4.000 рублей и я поспѣшила вернуть остальной долгъ мой 550 руб. Ивану Петровичу. Надежда его на помощь Пиленкова, котораго поручилъ онъ мнѣ просить о присылкѣ ему денегъ при свиданіи моемъ съ нимъ, рушилась —Съ перемѣною обстоятельствъ измѣнилось и участіе. Пиленковъ сказалъ, что Иванъ Петровичъ долженъ ему уже 10 тысячъ и онъ болѣе послать не можетъ. Спрашивалъ меня, говорила-ли я о завѣщаніи, и получилъ отвѣтъ, что я ѣздила навѣстить мою дочь и думала хоронить сына, а до капитала его мнѣ нѣтъ дѣла. Я вижу, что дочь моя съ потерею мужа, осиротѣвъ, должна возвратиться къ родителямъ.—Послѣ сего свиданія я поспѣшила отправить Полиньку, чтобъ она къ Рож. Хр. привезла имъ денегъ и отослала всю сполна уплату по обязательству моему,

поручивъ Полинькѣ при отцѣ ихъ духовномъ расплатиться, и лично отъ Ивана Петровича получить съ надраніемъ обязательство.—Сердце мое страждетъ, смерть Ивана Петровича кажется не замедлитъ пресѣчь нить его жизни, и я возсылаю теплую мольбу къ Богу, да покрѣпитъ Онъ силы бѣдной Олиньки къ перенесенію ея жребія. — Положеніе моихъ дѣлъ по фабрикѣ таково, что я не могу оставить оные, не разстроивъ оборотовъ. Палаумовъ обще съ Бабушкинымъ * дѣйствуютъ сильно не только на разореніе фабрики Ивана Петровича, но и на упадокъ нашей. И сюда присланъ изъ Кургана нарочный къ Бабушкину отъ Палаумова перезывать вольныхъ моихъ мастеровъ Маршанова и Шитова. Третьяго дня узнала я объ этомъ и рѣшила, что, есть-ли они, обольщаемые большею и двойною за все платою, не согласятся оставаться у меня, то должна и я буду обратиться къ губернатору и просить о раскрытіи злостнаго намѣренія скороспѣлки фабриканта, руководимаго Бабушкинымъ, который также какъ ракета прошумѣлъ, взвился на воздухъ и упалъ со своею фабрикою. Корнильевское наслѣдіе основано на камени и предки наши, никому не дѣлая зла, трудились, съ благоразуміемъ распространяя сію промышленность въ Сибири. Столѣтіе существованія нашей фабрики въ одномъ родѣ есть щитъ противу самонадѣянной предпріимчивости, злобнаго подрыва и разстройства въ оборотахъ. Грустно, грустно мнѣ мыслить о разстройствѣ заведеній Ивана Петровича, но я ему почти предсказывала участь его фабрикъ. По письму отца протоіерея онъ завѣщаетъ все Олинькѣ и думаетъ, что она съ помощію прикащиковъ поддержитъ заведенія и оплатитъ его долги. Такъ можетъ думать только умирающій. Здравый-же разсудокъ, опытность и всѣ окружающія его заведенія препятствія, —

---

* Конкуренты по стеклянному производству.

показываютъ, что судьба его фабрики рѣшена. Когда онъ съ 50 тысячами наличнаго своего капитала, при оборотливости ума и опытахъ, не умѣлъ обезпечить своего благосостоянія, то что сдѣлаетъ жена его, безъ денегъ и нужныхъ свѣденій по сей части? — Какъ любящая жена она дорожитъ успѣхами оборотовъ мужа, но какъ можетъ она распорядиться дѣлами, о которыхъ не имѣетъ и понятія? — Ей бѣдняжкѣ натолковали, что послѣ смерти Ивана Петровича всѣ мы переѣдемъ къ ней и будемъ управлять заведеніями. Но когда она услышала, что я, ѣхавши похоронить сына, рѣшилась твердо увезти ее съ собою, она передала мнѣ общее мнѣніе, а можетъ быть и мнѣніе самого Ивана Петровича, но я утвердительно сказала ей, что пока дышу, я не измѣню дѣламъ заведенія братца ни за какія сокровища на свѣтѣ, что мнѣ остается уже немного жить и спокойствіе при скромномъ моемъ удѣлѣ для меня всего дороже. — Что скажутъ, маминька, есть-ли послѣ мужа я уѣду съ вами и брошу все? — Что скажутъ, моя милая, есть-ли ты послѣ мужа въ 27 лѣтъ останешься съ Галактіономъ управлять заведеніями, чтобы уплатить долги мужа?—Голубушка моя видѣла въ матери своей друга неизмѣннаго, и я утѣшалась ея довѣріемъ къ совѣтамъ моимъ. Разставаясь, я благословила дочь мою нести свой крестъ съ утѣшеніемъ, и исполнять съ любовію долгъ и обязанность жены. — Судя по письмамъ, нѣтъ надежды на выздоровленіе, но Богъ творитъ чудеса и есть-ли Иванъ Петровичъ возвратится къ жизни, то можно ручаться, что Олинька будетъ счастлива его любовію. Теперь онъ видитъ, что его родные оставили ихъ, и онъ окруженъ только участіемъ родныхъ жены его.

Время кончить. Скажу о себѣ только, что кромѣ церкви никуда не выѣзжала. Мы всѣ здоровы. Сеничкѣ сошили шинель. Они всѣ были въ церкви и теперь учатся. При-

гласила кончившаго курсъ ученика повторить съ дѣтьми все пройденное. Прошу милую Катиньку не скучать объ Олинькѣ. Посылаю вамъ материнское мое благословеніе и заочно всѣхъ васъ цѣлую. Прощайте. Благодарю за письма. Прощайте. Ваша мать М. М.

18.

13 ч. Генваря. 1842 года. Ялуторовскъ *.

Милые, любезнѣйшіе мои Лизанька, Пашинька, Митинька, Сеничка! Цѣлую, тысячу разъ цѣлую васъ и посылаю мое материнское благословеніе и милость Божію! Господь надъ вами! — Молитесь, молитесь за сестрицу и маминьку и будьте кротки, дружелюбны и примѣрны. Съ нетерпѣніемъ ожидаю послѣ завтра вашихъ писемъ. Еще ни одной строчки изъ Тобольска, и сколько перетерпѣли, сколько вынесли, но душа покойна съ чистой совѣстью. Лизанька! что-то у насъ дѣлается въ домѣ и какъ вы съ папинькой правите дѣлами фабрики, въ его письмѣ о семъ не писала, а ты читай ему вслухъ и о нашихъ дѣлахъ. Пишу обще вамъ. Есть-ли у васъ вышли деньги, то попроси почтеннѣйшую Александру Петровну ** одолжить сколько нужно до моего возвращенія, т. е. двѣсти, или триста рублей. Всѣ деньги со мной и пересылать уже не годится, они вѣрно не откажутъ. Ожидайте меня въ Воскресенье съ Олинькой. Она пріѣдетъ только видѣться съ папинькой, съ тобой, братьями и Н. Ст. Пиленковымъ. Пашинька и Митинька, родные мои! какъ я соскучилась объ васъ. Сеничка, дружочекъ, ты старшій между ними, будьте всѣ трое друзьями и слушайтесь Лизы. Это всего болѣе меня утѣшитъ. Няня, Марья Васильевна и всѣ

---

* Марья Дмитріевна поѣхала въ Ялуторовскъ на похороны зятя Медвѣдева.

** Скерлетову.

домашніе, прошу васъ быть услужливыми. Скажите Костѣ, что я увѣрена въ исправности его счетовъ и дѣятельности. Скажите Сергѣю Ивановичу Шитову и Ф. Я. Маршанову, что я на нихъ полагаюсь и имъ кланяюсь. Попросите отца Константина отслужить на 16 ч. всенощную, канунъ Поклоненія веригамъ Апост. Петра, и помолитесь за маменьку. Казака я хотѣла отправить было, но еще держу. Иванъ Павловичъ, попроси губернатора о семъ, а то и уѣхать будетъ не съ кѣмъ.—Часто думаю объ отъѣздѣ Александры Петровны, неужели мы не увидимся? Поклонитесь имъ и дай прочитать письма, увидятъ, что и думать даже некогда. Что сказать вамъ еще? У насъ въ залѣ читаютъ псалтырь и стоитъ сундукъ, описанный и опечатанный съ шкатулкою и серебромъ Олиньки. Домъ, съ мебелью, зеркалами оцѣнили въ 5.000 р., въ томъ числѣ серебро все. Сундукъ, точно гробница опечатанная и при ней стража, два казака. Но мы покойны и счастливы нашею совѣстію и торжествомъ угнетаемой невиновности. Андреевы просто пріѣхали затѣмъ, чтобы поселиться въ Коптюлѣ * и есть-ли бы Ник. Степ. видѣлъ, что Андреевъ дѣлаетъ его именемъ, то ужаснулся бы. Анна Ѳедоровна и Степанъ Степановичъ ** очень добры, хотя и не помогаютъ ни въ чемъ Олинькѣ. Сегодня при гражданахъ и городничемъ, Андреева, услышавъ письма Николая Степановича и завѣщаніе, обратилась было ко мнѣ со словами: — Вы, Марья Дмитріевна, всему причиною, не показавши намъ завѣщанія. — Но я сказала, что сносить отъ нея не намѣрена. Довольно, что сношу оскорбленія, какія дѣлаютъ моей дочери.—Такъ, подайте просьбу,—сказалъ Андреевъ.—А я сказала моей Машѣ***:—Маша! Дай мнѣ стаканъ воды, возьму въ ротъ

---

* Заводъ и имѣніе покойнаго Медвѣдева.

** Это все родственники покойнаго Медвѣдева.

*** Младшая дочь, взятая ею съ собой.

воды, чтобы молчать. Надо видѣть насъ, чтобы судить, и надо слышать всѣхъ, чтобы повѣрить, что дѣлали Андреевы въ сіи дни.—Молитесь, чтобы Богъ управилъ путь Олиньки, а оставить ее одну на жертву невозможно. Есть-ли въ Воскресенье не будемъ, то пусть папинька проситъ губернатора прислать кого-нибудь защитить несчастную вдову, и пусть говоритъ о семъ Ник. Степановичу *, онъ одинъ можетъ удержать своего родственника. Есть-ли бы были деньги, то я внесла бы, защищая честь покойнаго Ивана Петровича. Но прощайте. Остаюсь любящая васъ мать М. М. Еще цѣлую, цѣлую и цѣлую Митю, Пашу, Сеничку и Лизу. Въ комнатахъ, чтобы было чисто и въ воскресенье настряпано.

19.

31 ч. Декабря 1842. Тобольскъ.

Любезнѣйшіе мои Яковъ Семеновичъ, Катинька съ Олей и Дуней! Поздравляю васъ съ наступающимъ Новымъ годомъ и дорогимъ нашимъ имянинникомъ братцемъ, и желаю встрѣтить и проводить оный и многіе за нимъ въ совершенномъ, благополучіи и спокойствіи. Письма ваши доставили намъ утѣшеніе. Дай Богъ, что-бы вы весело проводили ваше время. — Спутники души моей: Вѣра, Надежда, Любовь, представляя воображенію картины прошедшаго и будущаго, заставляютъ смотрѣть на настоящее съ тѣмъ спокойствіемъ, которое есть плодъ покорности нашей волѣ Божіей. — Такъ я ожидала извѣстія объ Иванѣ Павловичѣ. Признаюсь, что мысли окружали меня черными тучами въ разлукѣ съ нимъ, безмолвная тоска одолѣвала твердость духа, и я чувствовала всю слабость воли своей, тѣсно связанной узами привязанности къ милымъ сердцу существамъ, и только

* Пиленковъ, тоже родственникъ Медвѣдева.

извѣстіе о его возвращеніи, переходъ отъ горя къ радости сдѣлалъ потрясеніе и оживилъ меня. Но съ перваго-же дня Рождества я почувствовала нездоровье и круженіе въ головѣ, и вотъ недѣля прошла и не могу рѣшиться выѣхать. Кашель, насморкъ и дурная мокрота заставили меня употреблять домашнія лечебныя пособія. То есть, я пью къ ночи бузинный цвѣтъ и отпиваюсь водою, не ужинаю и одѣваюсь теплѣе обыкновеннаго. Не знаю, пройдетъ-ли это такъ легко, но полагаю, что лѣкарство мнѣ теперь мало сдѣлаетъ пользы. — Отъѣздъ Олиньки въ Ялуторовскъ и воспоминаніе, что я вынесла прошлаго года съ половины Декабря и почти до Марта, невольно причиняетъ грусть. — Я молчу по обыкновенію, принятому мною за правило, но не могу не грустить, и всю мою радость и утѣшеніе нахожу въ чтеніи. — Тысячу разъ благодарю за очки, вами присланныя; съ ними я какъ-бы ожила для бесѣды съ безмолвными моими друзьями. Чтеніе дѣтей послѣ ужина, хотя и доставляло мнѣ удовольствіе, но я не могла быть имъ довольна, потому что выборъ книгъ должна была сообразовать съ ихъ вкусомъ и понятіями. Теперь я читаю Библейскую исторію и Христіанское чтеніе, поперемѣнно. Первую изъ нихъ читала назадъ тому лѣтъ двадцать въ Тамбовѣ, но теперь, повѣряя и прочитывая всѣ тексты Библіи, я какъ-бы снова нахожу въ семъ неизчерпаемый источникъ радостей и утѣшенія для ума и сердца. Мой день, послѣ обыкновенныхъ занятій моихъ по обязанностямъ семейнымъ и по дѣламъ фабрики, проходитъ безъ скуки. Старость и слабость здоровья, защищая меня отъ притязаній общественныхъ обычаевъ, не стѣсняетъ моей свободы жить, согласно съ цѣлію, для которой мы сотворены. Вавилонское столпотвореніе гордаго ума оставлено неоконченнымъ, потому что мечты воображенія смѣшанныя разошлись въ разныя стороны, а существенное показываетъ путь къ

той истинѣ, отъ коей для собственнаго нашего блага мы не должны удаляться. Время и опытъ давно ознакомили меня съ вѣрою, и укрѣпили твердымъ упованіемъ на Бога, но вѣра и надежда неразлучны съ любовію, а чтобъ научиться любить по христіански, надо научиться терпѣть всѣ оскорбленія, всѣ противности безропотно. Сей-то любви учитъ насъ мать ихъ Святая Премудрость, но мы заглушаемъ голосъ ея шумными голосами нашей гордости, самолюбія и тщеславія. — Я заговорилась, но, друзья мои! надо переиспытать столько, сколько я вынесла опытовъ въ жизни, чтобъ понять, что я чувствую, приближаясь къ концу моего странствованія.—Скажу откровенно, что я готовлюсь встрѣтить новый годъ не съ радостнымъ чувствомъ, но воля Божія да будетъ во всемъ. Быть можетъ бѣдное тѣло мое заплатитъ снова дань тоскѣ душевной, но я надѣюсь на милость Божію и не ропщу.—

Пишите мнѣ болѣе о дѣтяхъ, къ нимъ я часто переношусь мыслію и вижу мою Олю. Рада, что няня знаетъ свое дѣло и любитъ Дуню. Дай Богъ, чтобы онѣ были здоровы и утѣшали васъ. — Прощайте, сегодня я думаю также написать что нибудь Катинькѣ Яков. и Карлу Казим., * и Юлію Ив. несмотря на грусть мою. Мы ожидаемъ священника служить всенощную. Богъ дастъ, помолившись буду веселѣе. Остаюсь васъ любящая мать. М. М.

Новый годъ! Новый годъ! Поздравляю васъ, добрые дѣти мои. Послѣ общихъ привѣтствій въ семьѣ своей, взяла перо, чтобы къ вамъ первымъ написать 1843 годъ. Заочно всѣхъ васъ цѣлую.

---

* Екат. Яков. вышла замужъ за К. К. Гутковскаго.

20.

17 ч. Августа 1844 г. Тобольскъ.

Любезнѣйшіе мои Яковъ Семеновичъ, Катинька съ Олей и Дуней, Ванечка и Сенечка*! Повторяю, что я съ материнскою любовію поѣхала къ вамъ, съ любовію провела у васъ время и съ тою же любовію разсталась съ вами, а потому всѣ подозрѣнія ваши и всѣ предположенія, будто бы я была недовольна вами, несправедливы; и я прошу Катиньку выбросить изъ головы вздорныя мечты. Знаю, что вамъ грустно было видѣть мать вашу невеселою, но могла-ли я вполнѣ предаться радости въ кругу семьи вашей, когда одна мысль, что ожидаетъ меня по возвращеніи домой, уже достаточна была для того, чтобы напомнить мнѣ, что чаша горести еще не до дна выпита.— Мои внучки, Оля и Дуня всегда предъ глазами, и я не умѣю изъяснить чувствъ радости, что увидалась съ вами и съ ними. Перестань, милая моя Катинька, дѣлать ложныя заключенія о матери, и вѣрь по своимъ чувствамъ къ твоимъ малюткамъ дѣтямъ, что нѣтъ ничего выше въ мірѣ любви материнской. Боже, Боже мой! Дай мнѣ терпѣніе перенести все то, что я переношу и да будетъ Святая воля Твоя со мною. — Завтра я собираюсь ѣхать на фабрику и потому пишу наканунѣ почты. Наша Аполинарія снова рѣшительно желаетъ оставить насъ и идти въ монастырь. Сейчасъ была у насъ игуменья Туринскаго монастыря, пріѣхавшая изъ Новгорода, и Аполинарія на колѣняхъ проситъ ее взять съ собою, а Олинька по первому зимнему пути ѣдетъ черезъ Туринскъ въ Верхотурье.— Вотъ утѣшеніе, которое я имѣю въ моей старости!—Предчувствія мои сбылись, сердце говорило мнѣ, что дома ожи-

* Ив. Ив. Менделѣевъ кончилъ курсъ въ гимназіи въ Тобольскѣ и поступилъ на службу въ Омскѣ, онъ жилъ у Капустиныхъ. Сеничка былъ боленъ и оставленъ на время дома.

дaетъ меня новое испытаніе.—Мнѣ ли роптать, видя нечувствительность дѣтей моихъ къ слезамъ матери, когда я сама какъ грѣшница ежеминутно оскорбляю Отца моего небеснаго, то моими слезами, то моимъ роптаніемъ.—Милая моя Катинька! Любезная дочь моя! не пиши, не говори и не думай, ради Бога, что я была у васъ недовольна тобою. По малодушію моему я еще плачу о Полѣ, но слезы мои скоро изсохнутъ. Я должна еще бодрствовать, чтобы воспитать Пашу и Митю. Они еще имѣютъ нужду въ материнскихъ попеченіяхъ и заботахъ.—Желала бы писать веселѣе, но не могу укрѣпить бѣднаго моего сердца.—Что опредѣлено испытать мнѣ, того уже я не могу избѣжать. Будьте покойны, счастливы и воспитывайте дѣтей вашихъ. Вчера была я у Ершовыхъ *, и на счетъ Сенички Петръ Павловичъ говоритъ, что есть-ли бы онъ, пріѣхавъ въ Октябрѣ, выдержалъ экзаменъ за 4-й классъ, то могъ бы тогда поступить въ 5-й классъ, съ тѣмъ, чтобы догнать учениковъ въ томъ, что пройдено будетъ въ два мѣсяца съ начала курса. Такъ поступилъ нашъ Ванечка, пріѣхавши изъ Москвы и, благодареніе Богу, кончилъ курсъ съ похвалою. Совѣтовать вамъ ни того, ни другого не смѣю, но долгомъ считаю сообщить слышанное. При отъѣздѣ я ничего не слыхала отъ васъ на счетъ Сенички, но Петру Павловичу передала Вашъ поклонъ и сказала, что вы хотѣли писать, на что рѣшитесь.

18 ч. Ав. Сейчасъ возвратившись отъ обѣдни, съ горестію прочитала Манифестъ о кончинѣ Великой Княгини Александры Николаевны. Прощайте, любезнѣйшіе мои, да будетъ надъ вами Божіе и материнское благословеніе. Заочно васъ цѣлую и остаюсь любящая васъ мать М. М.

---

* Инспекторомъ гимназіи въ то время былъ П. Пав. Ершовъ, авторъ „Конька-Горбунка“.

Церковь Михаила Архангела, въ приходѣ которой жили Менделѣевы.

21.

7 ч. Ноября 1844. Тобольскъ.

Любезнѣйшіе мои! Заочно васъ всѣхъ цѣлую, Яковъ Семеновичъ, Катинька съ Олей и Дуней, Ванечка и Сенечка! О! Есть-ли бы можно было, я обняла-бы теперь васъ и прижала къ сердцу безцѣнныхъ внукъ Олю и Дуню.— Всю эту недѣлю всѣ мы были заняты шитьемъ святительскихъ ризъ, или одѣяній. Третьяго дня былъ у насъ Преосвященный и благословилъ наши занятія. Одѣяніе сіе готовятъ прихожане Архангельской церкви и завтра будетъ обновленіе. Жду съ нетерпѣніемъ письма Катиньки и остаюсь васъ любящая мать М. Менделѣева.

22.

1 ч. Декабря 1844 Тобольскъ.

Любезнѣйшіе мои Яковъ Семеновичъ, Катинька съ Олей и Дуней, Ванечка и Сенечка! Съ прошедшею почтою не писала къ вамъ, потому что было некогда. Сегодня получили письмо твое, милая Катинька! Слава Богу, что вы всѣ здоровы. Вчера мы были у обѣдни за валомъ * и тамъ я молилась со всею вѣрою моею, чтобы Господь укрѣпилъ духъ мой въ дни старости и поставилъ меня выше мимоходнаго и скоропреходящаго горя и превыше мелькающаго земного счастія.—Вчера получили мы письмо отъ добрыхъ монахинь Ангелины и Настасіи, и я порадовалась, что вы ихъ обласкали, и Ванечка также. Эти монахини были какъ-бы посланы утѣшить меня въ отсутствіи Олиньки и Поли, и я никогда ихъ не забуду.— Когда пріѣдетъ Сенечка, то разскажетъ намъ обо всемъ съ подробностію.—Рада буду увидѣть и Ванечку, есть-ли это не навлечетъ ему непріятностей отъ начальства и не

* Такъ называлась кладбищенская церковь и кладбище.

сдѣлаетъ большого счета его карману.—Мои обстоятельства теперь совсѣмъ иные, и я уже не могу хвалиться моею дѣятельностію. До сего времени, по милосердію Божію, я можно сказать питалась плодами прежнихъ трудовъ, когда дѣла фабрики идутъ хорошо. Но часто бываю совсѣмъ безъ денегъ, какъ и теперь. — На дняхъ отправила по письмамъ Ст. Ив. Попова въ Семипалатинскъ обозъ съ посудою и должна теперь получить отъ нихъ болѣе 2.500 рублей, но скоро-ли вышлютъ, Богъ знаетъ, а между тѣмъ до васъ, мои любезнѣйшіе, покорнѣйшая просьба: 1) За отправленную осенью посуду въ Тюкалинскъ слѣдуетъ отъ Г. Маршалова дополучить деньги, изъ коихъ прошу васъ выдать вощику Наурусъ Ишмаметову по договору 126 р. 36 к. ассигнаціями. 2) Надняхъ буду отправлять еще въ Тюкалинскъ по требованію черезъ Г. Шапошникова 3.500 полуштофовъ, и, чтобы не отпустить вощика, отправлю къ вамъ въ Омскъ возовъ пять или шесть посуды. По сему прошу, есть-ли можно, съ суммою, мнѣ слѣдующею по Тюкалинскому разсчету, взять и въ счетъ сей поставки всего тысячу рублей, и за выдачею вощикамъ, немедля мнѣ выслать.—Мнѣ доставили на фабрику 700 пудовъ бѣлой глины, и еще везутъ изъ Екатеринбурга 600 пудовъ, по заказу моему, и заготовляю дрова на весь годъ, по сему къ Рождеству мнѣ нужно имѣть около 2.000 руб. на расходъ, а я не надѣюсь скоро получить изъ Семипалатинска, и прошу и молю васъ мнѣ помочь.—Прощайте. Заочно васъ и милыхъ моихъ Олю и Дуню цѣлую. Мое материнское благословеніе посылаю милымъ дѣтямъ и остаюсь васъ любящая мать М. Менделѣева. Сдѣлайте милость договоръ съ вощиками отправьте въ Семипалатинскую контору откупа пит. сбор. съ первой-же почтою, по выѣздѣ изъ Омска вощиковъ, и на договорѣ надписать, сколько имъ выдано денегъ.

23.

13 ч. Февраля 1845. Тобольскъ.

Нерадостно для васъ, любезнѣйшіе Яковъ Семеновичъ и Катинька, услышать, что Сенечка опять боленъ. Гдѣ и какъ онъ простудился, кажется и самъ не знаетъ, а намъ сказалъ только вечеромъ въ Субботу, что болитъ горло. Въ Воскресенье уже цѣлый день почти лежалъ, и засыпая бредилъ. Зная ваше недовѣріе и предубѣжденіе противу Дьякова, мы послали просить Молчанова *, который, пріѣхавъ вечеромъ, велѣлъ поставить къ горлу 15 піявокъ, и, уѣзжая, сказалъ, что не знаетъ, позволятъ-ли ему больныя ноги завтра пріѣхать. Ночью Сенечкѣ было тяжело, и утромъ Ванечка отправился къ Молчанову упросить отъ вашего имени, чтобы онъ пріѣхалъ. Онъ не поѣхалъ съ нимъ, а сказалъ, что будетъ въ 12-мъ часу. Между тѣмъ болѣзнь требовала немедленной помощи, Сенечка съ трудомъ говорилъ и не могъ ничего проглотить. Я рѣшилась тогда послать попросить къ себѣ Петра Николаевича Свистунова ** и открыла ему, какъ страшатъ меня послѣдствія столь внезапной болѣзни Сенечки, и то что я не смѣю обратиться къ Дьякову, хотя и увѣрена, что онъ уже помогъ-бы ему. Свистуновъ и я увѣрены въ искусствѣ Дьякова, потому что они и я пользуемся у него съ довѣріемъ къ его свѣденіямъ и большой практикѣ, и мы обще рѣшили послать за нимъ немедля. Пріѣхавъ и осмотрѣвъ больного, Дьяковъ прописалъ лѣкарство и уѣхалъ. Спустя часъ пріѣхалъ Молчановъ и велѣлъ поставить еще 15 піявокъ, и потомъ давать лѣкарство. Уважая обоихъ, я просила и того и другаго, со слезами, не оставлять больного. Послѣ піявокъ Сенечка попросилъ исповѣдаться и пріобщиться Святыхъ Тайнъ,

* Два врача.

** Декабристъ, жившій въ Тобольскѣ, другъ семьи Менделѣевыхъ.

вечеромъ былъ слабъ и оба лѣкаря пріѣзжали, но также не въ одно время. Лѣкарство Дьякова возъимѣло свое спасительное дѣйствіе, ночью Сенечкѣ стало лучше и вотъ сегодня онъ покушалъ просвиры и всталъ и ходитъ, только въ кабинетцѣ, въ теплѣ. Теперь сидитъ у насъ Дьяковъ, и я послала за Молчановымъ, уговоривъ и того и другаго поперемѣнно увидѣться вмѣстѣ и посовѣтоваться о больномъ. Благословеніе Божіе да будетъ надъ вами и милыми Олей и Дуней, заочно васъ всѣхъ цѣлую и посылаю мое материнское благословеніе дѣтямъ.—Говорятъ, что это повѣтріе. Вотъ Паша дня два уже жалуется, что болитъ въ ухѣ, и сегодня лѣкарь говоритъ, что у него тоже можетъ быть воспаленіе, а въ гимназіи Дьяковъ чудесно спасъ отъ смерти одного ученика, который двое сутокъ лежалъ безъ чувствъ, въ параличномъ состояніи. Я пишу вамъ всю правду и рада за Сенечку, что его Господь помиловалъ. О себѣ и своемъ отекѣ на время забыла. Будьте веселы и здоровы, и молитесь нашему Тобольскому Святителю Іоанну митрополиту. Ваша мать М. М.

24.

25 ч. Октября 1846. Тобольскъ.

Поздравляю васъ, любезнѣйшіе Яковъ Семеновичъ и Катинька, съ днемъ рожденья милой Дунечки. Въ настоящихъ обстоятельствахъ я могу только желать вамъ всѣхъ благъ отъ Бога, пусть бремя скорбей вашихъ падаетъ на одну меня, мой вѣкъ уже прошелъ и я живу только радостями дѣтей моихъ. Благодарю Олиньку * и Ванечку за письма и прошу не пропускать почты, ваши всѣ письма мое утѣшеніе — Вотъ наступаетъ и Ноябрь, а писемъ отъ братца нѣтъ, какъ нѣтъ. Фабрику пустили въ дѣйствіе и что будетъ изо всего этого извѣстно Богу.—

* Старшая дочь Марьи Дмитріевны, вдова, гостила у Капустиныхъ.

Вотъ уже Сенечка, Паша и Митя пришли изъ гимназіи. Спѣшу кончить письмо. Прощайте. Скажите Олинькѣ, что исполнить ея желаніе для меня есть необходимость, потому что люблю, слишкомъ люблю всѣхъ васъ, хотя вы и не понимаете меня. Заочно цѣлую Якова Семеновича, Катиньку съ Олей и новорожденной Дунечкой, Олиньку и Ванечку! Господь съ вами. Остаюсь васъ любящая мать М. М.

25.

19 ч. Ноября 1846. Тобольскъ.

Вчера я думала, что не буду въ силахъ писать къ вамъ, но голова моя освѣжилась вечернимъ катаньемъ и я встала сего утра хорошо. Любезнѣйшіе мои! Поздравляю васъ съ днемъ Ангела милой моей дочери Катиньки, съ днемъ Ангела любезной Екатерины Яковлевны и крошки Кати Карловны. Дай Богъ, чтобы вы были здоровы и веселы и день сей провели въ радости. По письму Олиньки можно полагать, что она уѣдетъ отъ васъ, и мы скоро увидимся съ нею, а Ванечку также поздравляю съ дорогими имянинницами. — Дѣти всегда составляли мое богатство, мою славу, мое утѣшеніе, и есть-ли теперь Полинька, вся отдавшись избранной ею новой вѣрѣ своей, не хочетъ слушать материнскихъ совѣтовъ моихъ, но любовь материнская моя къ ней отъ этого не уменьшилась *. Сіи два дня сердце мое много выстрадало. Полинька губитъ свое здоровье образомъ жизни своей, но холодная какъ камень къ слезамъ матери она увѣрена, что, дѣлая все напротивъ матери, спасется. И нынѣ

* Аполинарія Ивановна не пошла въ монастырь, по просьбѣ матери, но вступила въ какое-то тайное религіозное общество, слушалась только своей руководительницы Екатерины Ѳедоровны Непряхиной, не жалѣла своего здоровья при исполненіи религіозныхъ обрядовъ и этимъ очень тревожила Марью Дмитріевну. Апол. Ив. дѣлала много добра бѣднымъ.

поставивъ на днях 20 піявокъ также продолжала съ 4-хъ часовъ утра уходить пѣшкомъ на гору въ домовую церковь къ заутренѣ, потомъ искать по городу, гдѣ заблаговѣстятъ къ ранней обѣднѣ, и тому подобное. Вѣроятно она сильно застудила ноги, потому что въ Субботу уже не могла простоять всенощной въ домовой церкви и возвратилась на лошади Ивана Павловича, я была въ тотъ вечеръ дома. Но въ Воскресенье, несмотря на то, что лошади стояли у крыльца, ушла пѣшкомъ, и къ вечеру ей уже такъ сдѣлалось дурно, что я готовилась потерять ее.—Она не хотѣла видѣть лѣкаря, пока не исповѣдалась и не пріобщилась Св. Тайнъ.—Чтобы утѣшить ее, я должна была послать за избранной ею матерью *, и только плакать и служить болящей. Екатерина Ѳедоровна приказала ей принять совѣты и пособія лѣкаря, и она по назначенію Дьякова ставила въ ванну ноги. Вчера пустили ей еще 20 піявокъ къ бокамъ, и съ помощью порошковъ и микстуры сегодня она уже встала съ кровати, и я страшусь того, что опять она уйдетъ одна и еще болѣе разстроитъ свое здоровье. Вотъ почему просила Сенечку ту почту писать и за меня, вѣдь сердце матери бьется равно для всѣхъ и каждаго порознь, и видно такъ надо, чтобы дѣти, дѣти мои были причиной горячихъ жгучихъ слезъ моихъ. Да благословитъ и сохранитъ ихъ Богъ. Я имѣю силу и твердость нести тяжелый крестъ мой до конца. Заочно цѣлую всѣхъ васъ и милыхъ внучатъ Олю, Дуню и новорожденнаго Ванечку. По особой между нами перепискѣ, вы будете знать о болѣзни Полиньки. Прощайте.

---

* Екатериной Ѳедоровной Непряхиной, которая была красавица и имѣла обаятельный голосъ, но по своимъ религіознымъ убѣжденіямъ не пошла замужъ. Аполинарія тоже была очень красива, высокаго роста, свѣтлая шатенка.

26.

22 ч. Ноября 1846. Тобольскъ.

Еще разъ поздравляю васъ, любезнѣйшіе мои Яковъ Семеновичъ, Катинька съ Олей, Дуней и Ванечкой, и Олинька и Ванечка, съ наступающимъ днемъ Ангела доброй мой Катиньки, Катерины Яков. и ея Кати. Дай Богъ всѣмъ вамъ счастія и здоровья. Заочно цѣлую всѣхъ и каждаго порознь. — Сочувствуя по опыту, какъ огорчены были Катинька и Яковъ Семеновичъ неожиданною рѣшимостью Олиньки вдругъ уѣхать отъ нихъ, я вѣрю въ полной мѣрѣ утѣшенію, которое доставила всѣмъ Олинька, согласившись остаться; и потому, не смотря на собственное мое желаніе увидѣться съ нею послѣ пятимѣсячной разлуки, я готова вмѣстѣ съ добрымъ Яковомъ Семеновичемъ обнять и благодарить ее за то, что исполнила желаніе сестры и брата. Жить для другихъ утѣшительно даже и тогда, когда встрѣчаешь на пути жизни безчисленныя огорченія; но жить въ кругу родныхъ и друзей, которые пекутся о нашемъ спокойствіи, отрадно и пріятно.—Горько мнѣ видѣть, какъ Полинька губитъ свое здоровье, но своеволіе ея безгранично. Она просила въ воскресенье, чтобы пособороваться масломъ, и мать ея страдала не менѣе ея, видя болѣзнь дочери. А теперь, несмотря на морозъ и мятель ходитъ пѣшкомъ безъ всякой осторожности, и я вижу, что должно терпѣть, терпѣть, и терпѣть. Виновна я только въ томъ, что слишкомъ любила и люблю дѣтей моихъ!—Прощайте, Господь надъ вами! Горькая бѣдность меня не оставляетъ, а потому и не могу до счастливѣйшихъ дней располагать занятыми для фабрики деньгами. Прощайте. Ваша М. М. Цѣлую всѣхъ и милыхъ Олю, Дуню и новорожденнаго внука Ванюшу. Ванечкѣ за письмо спасибо, писать особо некогда.

27.

6 ч. Декабря 1846 г.

Любезнѣйшіе мои! Я не въ состояніи связать моихъ мыслей, чтобъ писать къ вамъ о чемъ либо. Въ самомъ критическомъ положеніи дѣла фабрики. Здѣсь коммиссіонеръ откуповъ Екатеринбургскихъ, т. е. главный отъ Рюмина, мой Иванъ Павловичъ дѣйствуетъ, и я безгласно должна ожидать, чѣмъ кончится требованіе на посуду. У меня до 60.000 въ готовности одной питейной посуды, и есть-ли не буду имѣть поставки, то мои долги окончатся банкротствомъ и я на старости останусь безчестною женщиною. Боже! да будетъ воля Твоя святая. Дай Богъ, чтобы устроилось все во благо.—Прощайте, мои родные. Да благословитъ васъ Господь, заочно цѣлую, и проливая горячія слезы остаюсь любящая васъ мать М. М. Во вторникъ не писала оттого, что душа была растерзана. Надо было разсчитать всѣхъ рабочихъ и мастеровыхъ къ празднику, а я едва могла занять за ужасные проценты 350 руб. и присоединивъ къ онымъ пенсію Ивана Павловича, раздала все, всѣ деньги, и осталась сама съ 25 руб. асс. и съ 400 р. долгу по ярлыкамъ мастерамъ и за матеріалы. Вотъ мое положеніе, а посуды класть некуда, и питейной и аптечной на лицо по таксѣ на 6.000 руб. асс. Помолитесь за насъ и научите Олю и Дуню помолиться за насъ.

28.

10 ч. Декабря 1846 г. Тобольскъ.

Любезнѣйшіе мои! Послѣ семи мучительныхъ Декабрскихъ дней я начинаю дышать свободнѣе. Главный коммиссіонеръ Рюмина, пріѣзжавшій сюда изъ Екатеринбурга, наконецъ былъ у насъ и впродолженіе полуторыхъ часовъ переговоровъ о цѣнахъ посуды, чтобы сохранить довѣріе, какое мнѣ дѣлаютъ до сего часа мои кредиторы,

я рѣшилась, безъ всякой для себя собственно выгоды, на поставку въ Екатеринбургъ и Ирбить 25 тысячъ штукъ посуды, собственно для поддержанія фабрики и расплаты съ долгами, и утвердила поставку въ Тобольскую контору посуды по тѣмъ же цѣнамъ, по какимъ поставляла въ откупъ г. Кузина. Сдача въ послѣднюю ведерныхъ, полуведерныхъ и четвертныхъ четыреугольныхъ бутылей уже началась, и требуютъ и начали сдавать для разлива до 10 тысячъ осьмушекъ, слѣдственно къ Новому году надѣюсь получить уже за доставленную посуду около полуторыхъ тысячъ руб. асс. А по поставкѣ въ Екатеринбургъ и Ирбитъ сегодня уѣхалъ мой Иванъ Павловичъ получить триста рублей серебромъ. Я не умѣю выразить словами, какою благодарностію къ Создателю преисполнено сердце мое. Аще не Господь сожиждетъ домъ, всуе трудятся зиждущіе. И есть-ли Господь умилосердится надъ нашею старостію и поможетъ намъ труждающимся, то буду пещись объ одномъ, чтобъ окончить со всѣми разсчеты и расплатиться съ долгами. Вотъ извѣстіе, которое спѣшу сообщить вамъ, мои любезнѣйшіе, зная какое живое участіе принимаете вы во всемъ до меня касающемся, и сколько письма мои въ теченіе сего года огорчали васъ. Потеря добраго имени пугаетъ меня болѣе всего. Я не боюсь бѣдности, не стыжусь подъ старость переносить нужду, есть-ли уже нѣтъ силъ трудиться, но не могу быть равнодушною къ незаслуженному презрѣнію, не могу быть равнодушною къ незаслуженнымъ упрекамъ отъ тѣхъ, о коихъ я заботилась. Мои дѣтки, фабричные оказали мнѣ въ послѣдніе мѣсяцы такую привязанность и готовность служить, какой я и не ожидала отъ нихъ. Въ Октябрѣ сложили новую мастерскую и печь, и полтора мѣсяца вели дѣйствіе, получая только необходимое на хлѣбъ, и когда къ Николину дню я написала, что отдаю на волю ихъ выгасить, или продолжать до Рождества дѣйствіе, потому

что не знаю еще, буду-ли имѣть сбытъ посуды, то они всѣ рѣшились работать въ долгъ, а дѣйствіе продолжать, потому что и печь, и горшки хороши. Все это трогаетъ меня до слезъ.—Вчера была я у добрѣйшаго и почтеннаго Михаила Яковлевича Ядринцова * благодарить его за рекомендацію нашей посуды Корчемкину, и просить о поставкѣ въ Ишимъ и Петропавловскъ, куда, кажется, они и переѣдутъ. Онъ увѣрилъ меня, что пока онъ коммиссіонеромъ, то кромѣ насъ не будетъ брать ни отъ кого посуды, хотя и имѣетъ уже письма отъ Палаумова, и согласился перевести разсчетъ мой съ Тобольскою конторою въ Ишимскій откупъ. Онъ добрый человѣкъ и намъ жаль, что онъ уѣзжаетъ отсюда.—Теперь прошу васъ, любезнѣйшій Яковъ Семеновичъ, какъ сына Богомъ мнѣ даннаго, принять участіе въ томъ, чтобы поставка посуды въ Омскъ и Тюкалинскъ осталась за мною по тѣмъ цѣнамъ, по какимъ поставляла въ откупъ Мясникова. Любезный Ванечка присоединитъ къ моей просьбѣ свою, и общими силами доставите намъ возможность расплатиться съ долгами и поддержать фабрику. — Простите мнѣ, мои родные, что не могла вамъ писать акуратно, но въ то время я такъ была отуманена напраснымъ ожиданіемъ и тѣмъ, что можетъ быть Корчемкинъ не захочетъ пріѣхать къ намъ, что голова моя кружилась и всѣ сіи потрясенія снова разстроили мое здоровье. Двѣ ночи уже я почти не сплю, горечь во рту, начала кашлять и съ трудомъ могу выѣзжать. Что дѣлать! Вчера Иванъ Павловичъ получилъ съ почты и передалъ дочерямъ присланныя вами деньги, и я вижу изъ письма Ванечки, что между подарками его и мнѣ посылаетъ онъ ситцу на платье и братьямъ по косынкѣ **, за что благодарю со слезами и обновy

* Отецъ извѣстнаго писателя и журналиста Н. М. Ядринцева.

** Въ то время вмѣсто галстуковъ носили черныя шелковыя косынки на шеѣ.

твою, любезный сынъ, сошью къ Рождеству. Мнѣ дарить васъ не чѣмъ, но примѣръ старшаго много дѣйствуетъ на младшихъ братьевъ и за подарки имъ тоже благодарю, хотя еще и не получила. Они еще въ зависимости отъ матери и за нихъ обязана я благодарить. — Ради Бога, напишите къ братцу и попросите, чтобы онъ вспомнилъ меня. Виновата я въ томъ только, что не имѣю что написать радостнаго и прошу объ одномъ, устроить фабрику, которой уже не имѣю силъ орудовать, и теперь хочу только выполнить поставку и распорядиться самой всѣми дѣлами.— Прощайте, милые Олинька, Катинька съ Олей, Дуней и новымъ пришельцемъ въ міръ Ванечкой. Я съ вами ничего не сказала, но знаю, что вы порадуетесь за оборотъ дѣлъ. Заочно васъ, Якова Семеновича и Ванечку цѣлую и благословляю. Прощайте. Остаюсь любящая васъ мать М. М.

29.

13 ч. Декабря 1846 г. Тобольскъ.

Любезнѣйшіе мои! Третьяго дня, т. е. 11-го ч. въ среду въ 10 часовъ вечера, Богъ даровалъ Михаилу Лонгиновичу и Машинькѣ * сына Михаила. Поздравляю васъ, мои любезнѣйшіе дѣти, съ новымъ пришельцемъ въ міръ и по чувству своего сердца вѣрю, что всѣ вы равно раздѣлите и заочно нашу общую радость и полюбите вашего племянника и сверстника моего милаго внука Ванечки.—Принимая на руки отъ Марфы Аполлоновны ** новорожденнаго, я съ нимъ вмѣстѣ прижимала къ сердцу всѣхъ внучатъ, Богомъ мнѣ дарованныхъ. Хотя не вижу Олю, Дуню, Ванечку, но моя любовь къ нимъ непередаваема словами. — Знаю, что для Катиньки и Олиньки

* Марья Ивановна, третья дочь Менделѣевыхъ, 18 лѣтъ вышла замужъ за учителя М. Л. Попова. Они жили во флигелѣ дома Менделѣевыхъ.

** Акушерка.

нужно передать разсказъ подробнѣе, но ни время, ни мое теперешнее положеніе не позволяетъ всего описывать, однакожь разскажу, какъ умѣю. Послѣ тяжкой борьбы съ обстоятельствами, какъ писала во вторникъ, я получила въ полдни *триста рублей* серебромъ, и располагала въ среду расплатиться съ мелочными займами, у кого сто, у кого пятьдесятъ асс. Вечеромъ для меня топили баню и Маша ходила и была долго тамъ, мыла голову, попрѣла, помылась. — Утромъ въ среду пришли за мной рано. Боли ея начались по пріѣздѣ Марфы Аполлоновны. Первая моя забота была спросить о положеніи младенца такъ, чтобы сего не замѣтилъ и Михаилъ Лонгиновичъ, она сказала, что положеніе неправильное и роды будутъ медленные. До времени надо было скрывать сіе на душѣ и казаться бодрыми. Дома распорядилась, чтобы поѣхали помолиться за страждущую. Поля ѣздила къ Ласточкину заказать обѣдню у Златоуста и Иванъ Павловичъ поѣхалъ къ обѣднѣ. Вечеромъ уже передала я и Михаилу Лонгиновичу о положеніи Маши и предувѣдомила, что быть можетъ пошлемъ за лѣкаремъ Миллеромъ. Наконецъ сама Марфа Аполлоновна сказала, чтобы ѣхали скорѣе за Миллеромъ. Иванъ Павловичъ отправился, а вскорѣ Богъ далъ младенца, но бездыханнаго. Здѣсь уже искусство бабки возвратило жизнь новорожденному. Долго оттирали его виномъ, подкуривали хлопчатой бумагой и едва, едва наконецъ оказались признаки жизни, а когда вступилъ Миллеръ съ Иваномъ Павловичемъ въ прихожую, онъ уже началъ кричать. Послѣ сего судите, что происходило въ душѣ каждаго изъ насъ. Общая радость заступила мѣсто горести и всѣ страданія забыты. Сегодня я была съ Полинькой у обѣдни въ монастырѣ.—Я двѣ ночи ночевала у Маши. Она чувствуетъ себя недурно и начала кормить сама грудью. Что скажетъ завтра молочная лихорадка, а за все ей отдаетъ справедливость Марфа Апол-

лоновна, въ самомъ дѣлѣ она была очень послушлива и удивительно терпѣлива въ страданіи, мы почти не слыхали ея крика. Я еще ни о чемъ не могу мыслить порядочно и потому прошу Ванечку не сѣтовать, что особо ему не пишу. Подарки съ почты еще сегодня въ обѣдню получилъ Иванъ Павловичъ, еще разъ благодарю тебя, любезный сынъ! — О, есть-ли бы вы знали и могли чувствовать, какъ-бы я желала всѣхъ васъ прижать къ сердцу своему и всѣхъ васъ видѣть счастливыми и утѣшенными. Прощайте. Давно время кончить. Заочно цѣлую всѣхъ васъ. Господь да благословитъ васъ. Остаюсь любящая мать М. Менделѣева.

30.

31 Декабря 1840. Тобольскъ.

Поздравляю васъ, любезнѣйшіе мои! съ прошедшими святыми днями Рождества Христова и наступающимъ Новымъ годомъ. Дай Богъ встрѣтить и препроводить оный въ радости и добромъ здоровьи. Ужаснѣйшіе морозы сковали не только руки, но и самый языкъ. О нашихъ комнатахъ и говорить нечего, — кто уйдетъ на верхъ, кто во флигель къ Машѣ, кто уѣдетъ въ должность *, а я должна, обязана оставаться въ домѣ, потому что у насъ нѣтъ ни горничной, ни какой-нибудь старушки въ комнатахъ **. Такъ прошелъ и праздникъ, благодаря Бога, въ добромъ здоровьи. Вотъ уже два дня я не бывала въ церкви, за морозомъ встаю поздно и утро пройдетъ съ Кононычемъ *** и Прасковьей; но жить для другихъ, жить для семьи мнѣ назначено судьбою, если не всегда

* Иванъ Павловичъ имѣлъ небольшія денежныя занятія по корректурѣ.

** Кухня у нихъ, какъ вообще тогда въ провинціи, была во дворѣ, въ отдѣльномъ домикѣ.

*** Поваръ, много лѣтъ жившій у нихъ въ домѣ.

безропотно, то съ твердостію и надеждою увидѣть благая, на землѣ живыхъ, взывая: Боже! милостивъ буди мнѣ грѣшной. Сегодня встала поздно, писала къ братцу въ Москву, отъ него еще получила письмо, отъ 11 ч. Дек., снова подтверждающее, что увидимся послѣ Новаго года. Благодарю любезнѣйшую Олиньку за прекрасныя ея конфеты, раздѣленныя между всѣми. Завтра надѣюсь обновить блузу изъ присланнаго любезнымъ Ванечкою кембрика. Дочерямъ было некогда шить, потому что онѣ торопились шить платье Парасковьѣ Васильевнѣ *, и я наняла Якова, чтобы имѣть обнову въ Новый годъ. — Въ сочельникъ я пріобщалась Св. Тайнъ, а въ Рождество, проснувшись къ заутрени, узнала, что Полинька уже ушла пѣшкомъ. Въ церкви ея не нашла, Паша сказалъ, что она хотѣла пройти къ Ильинской церкви. Морозъ былъ въ 30°, я оставила семью и послѣ заутрени поѣхала искать дочь мою, и не найдя у Ильинской, нашла въ домовой церкви, тамъ просидѣла съ нею до поздней обѣдни, за которою она пріобщалась съ дьячками. Подобно сему проведены и другіе дни праздника, въ молчаніи и тишинѣ. Морозы удерживаютъ дома, и хотя на третій день многіе были у меня, но я еще никуда не выѣзжала. Заочно васъ благословляю. Будьте веселы и здоровы; Господь съ вами! Цѣлую васъ, мои любезнѣйшіе и остаюсь васъ любящая мать М. М. Милая Катинька, пиши мнѣ болѣе о моихъ внучатахъ, я душею съ вами и обнимаю ихъ.

31.

20 ч. Генваря 1847 г. Тобольскъ.

Любезнѣйшіе мои Яковъ Семеновичъ и Катинька! Свиданіе съ Олинькой и Ванечкой обрадовало меня, но

* Дочери Марьи Дмитріевны Полинька, Лизанька и Машинька до замужества брали иногда шитье платьевъ за деньги.

мысль о болѣзни крошки Ванечки и о грусти матери запала мнѣ въ сердце, и я съ трудомъ могу скрывать, что не достаетъ васъ, мои милые, мои добрые дѣти! 18 ч. наканунѣ пріѣзда нашихъ съ самаго утра душа моя была настроена къ унынію. Послѣ обѣда, когда дѣти ушли въ гимназію *, и всѣ разошлись, слезы полились изъ глазъ, и рыданія вырывались изъ стѣсненной груди, и я долго плакала, но съ возвращеніемъ Паши и Мити изъ классовъ, я снова укрѣпилась духомъ и успокоилась**. Вечеромъ была у всенощной, гдѣ возносилась духомъ къ небу при пѣніи на рѣкахъ Вавилонскихъ и всѣхъ покаянныхъ стиховъ, а въ 12 часовъ ночи меня разбудили, что пріѣхали наши. Выбѣжавъ встрѣтить ихъ въ залъ, вѣроятно въ нашихъ холодныхъ комнатахъ, легко одѣтая въ просонкахъ, я немного простудилась, и чувствую, что болитъ лѣвый бокъ. — Олинька весела, счастлива, влюблена, и я, не знавши еще Николая Васильевича ***, полагаю, что она теперь уже будетъ жить только для него. Дай Богъ ей счастія. Быть можетъ надолго, надолго я разстанусь съ нею, но буду совершенно спокойна за нее. — Благодарю тебя, милая Катинька, за присылку платья. Ты слишкомъ щедра, и я признаюсь, что есть-ли бы подарокъ сей былъ не отъ тебя, Катинька, то я не рѣшилась-бы носить такое дорогое платье въ настоящемъ моемъ положеніи, но я такъ хорошо знаю твое сердце, и такъ твердо помню, какъ подарила ты мнѣ въ Аремзянкѣ любимое свое платье, тетинькою тебѣ подаренное, и какъ щедро за сіе наградилъ тебя Господь и добрымъ

---

* Въ то время гимназисты ходили домой обѣдать и опять возвращались въ классъ.

** Марью Дмитріевну очень волновалъ и огорчалъ религіозный фанатизмъ Полиньки и ея отчужденіе отъ матери.

*** Декабристъ Николай Васильевичъ Басаргинъ, жившій въ Омскѣ, 2-й мужъ Ольги Ивановны.

мужемъ, и независимымъ состояніемъ, и общимъ уваженіемъ свѣта, что и нынѣ присланное тобою платье буду носить съ любовію и увѣренностію въ томъ, что ты любишь меня. — Мы еще ни о чемъ не говорили положительно съ Олинькою, только мнѣ кажется ей грустно будетъ не видаться съ Николаемъ Васильевичемъ до Марта, тѣмъ болѣе, что печальныя мои стѣсненныя обстоятельства заставляютъ меня грустить о томъ, что должно семьѣ моей во всемъ отказывать. Знаю, что тяжко мнѣ будетъ проститься съ Олинькою, но я уже привыкла къ лишеніямъ.— Сегодня я въ грустномъ расположеніи духа и писать къ Николаю Васильевичу не могу; но васъ прошу передать ему душевный мой поклонъ и увѣрить въ заочной моей къ нему любви—какъ къ жениху моей дочери. — Г. Бибиковъ сказалъ въ отвѣтъ на вопросъ мой, что князь * ничего не знаетъ о женитьбѣ Николая Васильевича, и когда я изъявила невольно удивленіе, для чего скрывать сіе отъ князя, который знаетъ насъ — онъ не отвѣчалъ ни слова. А сегодня Петръ Николаевичъ Свистуновъ говорилъ, что Г. Бибиковъ разсказывалъ ему, что князь спрашивалъ у него, правда-ли, что женится Басаргинъ и проч. и продолжая свой разсказъ сказалъ, что онъ самъ не знаетъ, отчего пришло ему въ голову сказать мнѣ, что князь ничего не знаетъ. — Вѣроятно для молодого свѣтскаго человѣка странно показалось слышать, что старуха Менделѣева говоритъ о князѣ какъ о знакомомъ. Прощайте, мои любезнѣйшіе! Заочно васъ и милыхъ внучатъ Ваню, Олю и Дуню цѣлую. Господь съ вами! Остаюсь любящая васъ мать М. Менделѣева.

---

* Генералъ-губернаторъ князь Горчаковъ.

32.

3 ч. Марта 1847 г. Тобольскъ.

Любезнѣйшіе мои! Поздравляю васъ съ прошедшимъ днемъ Ангела милой внуки Дунечки и молю Бога, чтобы всѣ вы были здоровы, счастливы и спокойны. Богу угодно, чтобы я подъ старость, вмѣсто ожидаемаго мною покоя, трудами снискивала хлѣбъ мой; и потому простите, что не могу писать часто, какъ-бы желала сего. Я прикащица фабричная и въ то-же время повариха * на всю нашу семью. Мой день начинается съ шести часовъ утра приготовленіемъ тѣста для булокъ и пироговъ **, потомъ приготовленіемъ кушанья съ помощію Парасковіи и Афимьи, и въ то же время личными распоряженіями по дѣламъ, причемъ перехожу то къ кухонному столу, то къ письменному, а въ дни разсчетовъ по ярлыкамъ, прямо отъ стряпни къ разсчетамъ. Слѣдственно нѣтъ ничего мудренаго, и вы конечно извините меня, что я пропускаю почтовые дни. Слезы мои часто капаютъ на журналы, посудныя и статейныя книги, но ихъ никто не видитъ. Дочери отъ утра до вечера заняты труженическою своею жизнію, и хожденіемъ на гору ***, и чтеніемъ вверху у себя, установленнымъ по уставу ихъ, коему обѣ онѣ начали слѣдовать. А если скажешь слово, обижаешь ихъ, и я всею силою воли моей, покоряюсь судьбѣ и утѣшаюсь тѣмъ, что привыкнувъ къ чернымъ кухоннымъ работамъ, могу безъ горя оставить Тобольскъ, когда надо будетъ везти отсюда учиться въ университетъ Пашу и

---

* Поваръ Кононычъ былъ отпущенъ изъ экономіи.

** Въ Сибири къ утреннему чаю часто подаются пирожки и горячія булки.

*** Нагорная часть Тобольска. Онѣ ходили въ церковь и къ бѣднымъ, и къ руководительницѣ Непряхиной. Лизанька шла по слѣдамъ старшей сестры Полиньки.

Митю, я не заставлю на старости лѣтъ мужа моего нанимать для себя прислуги, а сварю ему щи и испеку хлѣбъ.—За всѣмъ тѣмъ и въ самой старости моей самолюбіе еще такъ велико, что мнѣ кажется тяжко вести жизнь или существовать для однѣхъ заботъ о чревѣ, и не имѣть свободной минуты для души, ума и сердца!..

Находясь три года въ школѣ терпѣнія, я пріучаю неукротимую волю мою къ терпѣнію, и пока на ногахъ, пока владѣю руками, стараюсь весело нести мое бремя, и ждать, что будетъ угодно Господу сотворить съ рабой своей. Мой Иванъ Павловичъ тоже трудится, сколько позволяютъ его силы, и я благодарю за это Бога.

3-й часъ.

До обѣда каталась и освѣжала мою голову, но чувствую утомленіе и при томъ очень ноютъ ноги, почему окончивши письмо, лягу отдохнуть.—Благодарю васъ, милые дѣти, за письма съ послѣднею почтою и жалѣю, что Катинька мучится зубною болью, отъ которой такъ много потерпѣла я въ молодости. Намѣреніе Олиньки, чтобы свадьба была 30 ч. Марта мы почти предугадали и я считаю сей день великимъ, ибо Воскресъ Христосъ!—Молю Бога, да устроитъ все во благо и вознаградитъ тебя за всѣ страданія твои, милая моя Олинька. Извини ради Бога, что чепчикъ еще не отосланъ и повѣрь, что я не вижу въ чемъ пройдетъ день. Мнѣ хочется послать вмѣстѣ и воротничекъ и что либо внучатамъ, а заняться собою еще некогда. Изъ денегъ, полученныхъ изъ аптеки, 155 полуимперіаловъ, я уже успѣла израсходовать съ уплатою долга и расплатою по ярлыкамъ 92 полуимперіала, а еще ни дочерямъ, ни сыновьямъ, ни мужу, ни себѣ ничего не купила. Третьяго дня отправили обозъ въ Ирбитъ по требованію, а въ Омскъ не можемъ еще нанять вощиковъ, на дняхъ возвратятся изъ Ирбити наши во-

щики татары, и на сей недѣли надѣюсь непремѣнно укладывать въ воза полуведерныя и четвертныя бутыли по запискѣ въ Тюкалу и Омскъ. Къ тому времени быть можетъ, любезный Ванечка, ты сдашь посуду въ степь и увѣдомишь меня, сколько еще нужно будетъ прислать для казаковъ штофовъ, полуштофовъ и четверть-штофовъ и осьмушекъ.—Благодарю тебя за утѣшеніе, которое имѣю, читая твои письма. О поварѣ увѣдомить васъ хотѣлъ самъ Иванъ Павловичъ, а я рада, рада была случаю видѣть письмо добраго и любезнаго моего Якова Семеновича.— Есть-ли-бы я пользовалась свободою времени, то безъ сомнѣнія много писала-бы теперь и къ Николаю Васильевичу, котораго заочно люблю, уже потому, что онъ обѣщается составить счастіе жизни моей Олиньки.— Не такъ живи, какъ хочется, а какъ Богъ велитъ, мнѣ-же опредѣлено отказывать себѣ во всемъ и жить для окружающей меня семьи.—Прощайте! писать болѣе не могу, въ головѣ шумитъ и я устала отъ утреннихъ трудовъ, за то сладко и вкусно ѣсть за столомъ свою стряпню. Господь надъ вами! Заочно всѣхъ и каждаго порознь цѣлую и остаюсь любящая васъ мать М. М.

33.

8-е ч. Апрѣля 1847 года. Тобольскъ.

Что сказать вамъ о себѣ, мои любезнѣйшіе?—Въ пятницу передъ вечернею мой Иванъ Павловичъ такъ занемогъ, что мы съ помощію лѣкаря Дьякова уговорили его перейти въ гостиную, на приготовленную тамъ постель, поставили горчишникъ, приложили къ ногѣ горячаго песку, т. е. къ здоровой и напоили малиной съ липовымъ цвѣтомъ, послѣ чего потъ пролилъ градомъ и боль въ груди и въ боку уменьшилась, но всѣ эти дни ужаснѣйшая мокрота съ кашлемъ тяготитъ его, и мы перемѣняемъ безпрестанно платки и полотенца, какъ было

у покойнаго Ивана Петровича. Дурной и тяжелый запахъ отъ мокроты заставляетъ меня всего опасаться, но я не смѣю ничего сказать, чтобы его не встревожить, быть можетъ пройдетъ ледъ и его здоровье возстановится. Микстура ему много помогла, и вчера онъ уже занимался своею корректурою, которую ни за что не хочетъ оставить. Послѣ сего, не спрашивайте, мои любезнѣйшіе, каково у меня на сердцѣ. Слава Богу, что мы всѣ теперь вмѣстѣ около больного отца семейства, и Машинька и Михаилъ Лонгиновичъ раздѣляютъ наши заботы и попеченія. Богъ милостивъ, да будетъ во всемъ Его Святая воля!—Почты нѣтъ и намъ неизвѣстно, была-ли свадьба Олиньки и Николая Васильевича, а потому и не пишемъ поздравленій. Желаю, чтобы всѣ вы были здоровы, веселы и благополучны! Я выѣзжаю кататься каждый день по обыкновенію, потому что не могу жить безъ воздуха и холодной воды, а комнатный воздухъ для меня удушливъ, и только дѣятельность и движеніе по занятіямъ хозяйственнымъ доставляютъ мнѣ большую помощь, и потому нѣтъ зла безъ добра, и добро всегда превозмогаетъ зло. Казалось тяжко званіе кухарки, а оно сдѣлалоеь для меня забавою, развлеченіемъ и утѣшеніемъ, потому что я все устроила подъ руками и каждая вещь на своемъ мѣстѣ, и притомъ все это на глазахъ, подлѣ моей комнаты и письменнаго моего стола. Взяты всѣ предосторожности, чтобы не было никакого запаха въ комнатахъ, и дѣла мои кухонныя идутъ пока лучшимъ образомъ, а Кононычъ стоилъ мнѣ 200 руб. асс. въ годъ съ содержаніемъ. Слѣдственно Богъ мнѣ помогаетъ и въ старости ѣсть трудовой свой хлѣбъ и, по возможности, быть полезною моему семейству. — Стараюсь забыть о томъ, что нѣкогда жила для ума и сердца, и стараюсь теперь жить по волѣ Божіей.—Давно уже я поручила Полинькѣ купить на двѣ кацавейки дѣтскія шерсти, и начала вязать внучатамъ

моимъ, сверстникамъ Мишѣ и Ванѣ, и вотъ одну кончила, и въ воскресенье Мишель въ своей ермолкѣ и кацавейкѣ былъ въ гостяхъ у дѣдушки и бабиньки. Кстати вспомнила, что мнѣ не нравится, когда мои внучата называютъ меня *бабушкою*, а не *бабинькою*. Я привыкла и пріучала дѣтей своихъ каждую старушку называть и постороннюю *бабушкой*, а родную сама звала всегда *бабинькою*. Желала-бы чтобъ научили звать меня такъ Мишу, есть-ли будетъ лепетать.—Ждемъ вашихъ писемъ съ нетерпѣніемъ. Еще забыла сказать Ванечкѣ на счетъ чернильницъ, что фабрику на Страстной недѣлѣ выгасили, и только вчера пустили въ дѣйствіе. Слѣдственно въ первой варѣ ихъ сдѣлаютъ и я попрошу переслать.—Прощайте, любезнѣйшіе мои Яковъ Семеновичъ, Катинька съ Олей, Дуней, Ваней! Любезнѣйшіе Николай Васильевичъ и Олинька! и любезный Ваничка! Господь съ вами! Заочно цѣлую васъ и остаюсь любящая васъ мать М. М.

34.

6 ч. Мая 1847. Тобольскъ.

Поздравляю васъ, любезнѣйшій Николай Васильевичъ, съ наступающимъ днемъ Ангела и милую Олиньку съ дорогимъ имянинникомъ. Дай Богъ, чтобы дни жизни вашей протекали въ безмятежномъ счастіи и взаимной любви другъ къ другу. Не зная вашихъ предположеній, думаю однакоже, что вы собираетесь поселиться въ Ялуторовскѣ *, когда уѣдете изъ Омска; слѣдственно для меня равно чувствовать разлуку, за 600 ли, или 250 верстъ, разница только въ томъ, что при мысли объ Ялуторовскѣ нельзя не вспомнить, сколько выстрадала душа моя тамъ, и сколько перенесла я клеветы. — Любезный Николай Васильевичъ примирилъ меня и съ Ялуторовскомъ, составляя счастіе

* Въ Ялуторовскѣ жило много Декабристовъ.

жизни дочери, сиротство которой тѣмъ болѣе было для меня прискорбно, что она страдала невинно отъ напыщенной гордости богачей. — Ради Бога пишите къ намъ чаще, и самыя пустыя ваши письма какъ-бы свидѣтельствуютъ, что вы не забыли о существованіи за шесть сотъ верстъ нѣкогда пекшихся о дѣтствѣ вашемъ стариковъ. Заочно васъ цѣлую и остаюсь васъ любящая мать М. Менделѣева.

35.

1 ч. Іюля 1847 г. Тобольскъ.

Любезнѣйшіе мои! Сегодня я думала писать къ вамъ болѣе, но съ ранняго утра мелочныя непріятности по хозяйству отняли все время и истомили меня до грусти, при коей я уже не въ силахъ удержать спокойствія, отъ меня убѣгающаго и мнѣ дѣлается грустно, очень, очень грустно!— Я наняла вощиковъ и отправила къ вамъ посуды для управляющаго Конторой. Надежда на сбытъ по личнымъ словамъ его несомнѣнна, но я еще убѣдительно прошу добрѣйшаго Якова Семеновича содѣйствовать въ сбытѣ нашей посуды.—Продолжаю хозяйничать и работать физически, утѣшаюсь теперь грядою капусты, насаженной и опалываемой своею рукой, могу еще работать для семьи.— Мы ждемъ съ нетерпѣніемъ извѣстія о пріѣздѣ Николая Васильевича и Олиньки.—Часто съ грустью вспоминаю я послѣднее мое свиданіе съ Катинькой, Яковомъ Семеновичемъ, Олей и Дуней. Скоро исполнится четыре года, какъ мы разстались и Единому Богу извѣстно увидимся-ли мы когда либо!..

Прощайте! желаю вамъ всѣхъ благъ. Сенечку * прошу передать мой поклонъ Екатеринѣ Яков. и Карлу Казим.— Нашихъ гимназистовъ Пашу и Митю распустили только

---

* Былъ дома на каникулахъ.

вчера вечеромъ. Они отправились сейчасъ въ соборъ съ Иваномъ Павловичемъ. Остаюсь любящая васъ мать М. М.

36.

5 ч. Августа 1847 г. Тобольскъ.

Благодарю васъ, любезнѣйшіе мои Яковъ Семеновичъ и Катинька! за помощь оказанную въ дѣлахъ нашихъ по сбыту посуды.—Благодарю и за родную любовь и ласки, оказанныя Пашинькѣ. Онъ въ восхищеніи отъ Омска и безпрестанно толкуетъ о васъ и Карлѣ Казиміровичѣ. Благодарю и Карла Казиміровича и любезнѣйшую Екатерину Яковлевну за снисходительное вниманіе къ мальчику, который по своему умѣетъ чувствовать, и можно полагать навсегда сохранитъ въ памяти первую поѣздку его за 600 верстъ отъ мѣста родины. Слава Богу, что я имѣла возможность исполнить общее желаніе всѣхъ мнѣ близкихъ къ сердцу, и устроила поѣздку къ вамъ моего Ивана Павловича и Паши, и вы и они довольны, слѣдственно я исполнила мой долгъ, и за то вознаграждена на нѣкоторое время обезпеченіемъ нуждъ фабрики и могу во время уплатить часть долговъ моихъ, а тамъ опять крѣпкая надежда на помощь добрыхъ моихъ родныхъ и близкихъ.—Благодарю Бога, что я во все нынѣшнее лѣто чувствую себя такъ хорошо, какъ уже давно не бывала здорова. Ноги мои почти перестали пухнуть, и я не чувствую въ нихъ ломоты. За то я въ движеніи безпрестанно и занимаюсь хозяйствомъ собственно для того, чтобы имѣть какую либо цѣль для избѣжанія сидячей жизни. Долго стоять на одномъ мѣстѣ не могу и оттого рѣже бываю въ церкви.—Наша Полинька таетъ какъ воскъ и быстро приближается къ невозвратной потерѣ здоровья, и надъ нею изныло сердце матери. Да судитъ Богъ тѣхъ, кои вовлекли ее въ сѣти заблужденія и фанатизма.—Съ радостію я согласилась бы

принять на себя всѣ ея болѣзни, но жалкое предубѣжденіе отталкиваетъ ее отъ матери, и она считаетъ даже спасеніемъ для себя противудѣйствовать не только волѣ, но и самымъ ничтожнымъ желаніямъ моимъ. Я была счастлива среди семьи моей въ теченіе десяти дней пребыванія здѣсь Николая Васильевича и Олиньки. Все родное и близкое мнѣ собиралось въ кругѣ общей бесѣды, и только васъ, мои милые, съ Ванечкою не доставало для совершенной радости моей. Но съ отъѣздомъ Олиньки вдругъ сдѣлалась такая пустота, что я испугалась моего одиночества и спѣшила разсѣять себя неутомимыми занятіями. Вотъ почему два раза уѣзжала я на сѣнокосъ съ Митею и ночевала тамъ въ балаганѣ; вотъ почему съ утра до вечера хлопочу по хозяйству, чтобы не предаваться грусти. Наконецъ возвратился мой Иванъ Павловичъ, и я за него рада и довольна, что онъ повидался со всѣми вами.—Я не пишу особо къ Ванечкѣ, не пишу также и къ Олинькѣ и Николаю Васильевичу, но всѣхъ васъ заочно благословляю и цѣлую. Никогда, никогда не забуду я того, что при послѣднемъ прощальномъ поцѣлуѣ, когда уже Олинька сидѣла въ тарантасѣ съ сестрами, данный мнѣ вновь добрый сынъ мой по дочери, съ любовію сказалъ, чтобы я благословила его матерински. — Очень безпокоитъ меня здоровье моего Ивана Павловича. Быстро приближается къ цѣли добрый мужъ мой и его кашель крушитъ меня. О, лучше бы гробовая доска сокрыла меня, прежде чѣмъ видѣть мнѣ смерть близкихъ сердцу.—Сегодня въ ночи я уснула уже въ три часа, къ дождливой и сырой погодѣ кашель Иванъ Павловича усилился и прогналъ надолго отъ меня сонъ. Но Богъ милостивъ.—Желаю всѣмъ, мои любезнѣйшіе, добраго здоровья. Не забывайте всѣхъ насъ и вѣрьте, что ваша мать всегда была вѣрна своимъ обязанностямъ; и любовь къ дѣтямъ поставляла выше всего и съ сею любовію, исполнивъ свой долгъ на земли, пред-

станетъ и предъ Творцомъ на небеси, повергая себя необъятной любви Его и милосердію.—Остаюсь васъ любящая мать М. М.

37.

12 ч. Августа 1847 г. Тобольскъ.

Любезнѣйшіе мои! Еще почтовый день, а я письма не приготовила, а теперь уже поздно писать. Мы съ Иваномъ Павловичемъ начали говѣть, и пріѣхавъ отъ поздней обѣдни, напившись чаю и распорядившись по хозяйству, беру перо для того, чтобъ всѣмъ вамъ сказать мой материнскій привѣтъ!—Благодарю любезныхъ моихъ Якова Семеновича и Катиньку за присылку на платье мнѣ полушерстяной матеріи. Послѣ Успенія сошью себѣ блузу, и всякій разъ, надѣвая, буду переноситься мыслію къ вамъ, какъ теперь, надѣвая чепчикъ Олинькинъ, всегда вижу въ умѣ моемъ ее и Николая Васильевича, котораго кошелекъ до сего часа счастливъ; а я уже ношу его въ карманѣ съ мелкою монетою и билетцами. Благодарю любезныхъ моихъ Николая Васильевича и Олиньку за письма отъ 2 ч. Августа. Родная любовь и привязанность видна въ каждомъ словѣ, Богомъ даннаго намъ сына! Вѣрьте взаимности, сохраните эти чувства навсегда къ роднымъ вашей жены. Благодарю Олиньку за увѣдомленіе о дѣтяхъ, но я недовольна тѣмъ, что милыхъ моихъ Олю и Дуню заставили горько плакать. Во время дѣтства ихъ маминьки и ея сестеръ, мнѣ также было около 30 лѣтъ, и также гостепріимные Тамбовскіе * дворяне звали насъ къ себѣ въ деревни, но я бывала, и то рѣдко, тамъ только, куда могла везти съ собою старшихъ дочерей въ лѣта Оли и Дуни. Бѣдненькія, какъ-же имъ было грустно разставаться съ

---

* Въ Тамбовѣ и Саратовѣ Иванъ Павловичъ былъ передъ Тобольскомъ также директоромъ гимназіи.

маминькой. Я жду съ нетерпѣніемъ увѣдомленія о возвращеніи вашемъ. Въ Субботу я съ Полинькой, Пашей и Митей и Елиз. Ник. Зуевой * уѣхали на фабрику въ нашу милую Аремзянку ко всенощной, а Иванъ Павловичъ утромъ въ воскресенье пріѣхалъ туда съ сѣнокоса къ обѣднѣ. Благорастворенный воздухъ и наша прелестная мѣстность обворожили Полю и она просила оставить ее дня на два подышать деревенскимъ воздухомъ и помолиться въ нашемъ, нами выстроенномъ храмѣ. Сегодня квечеру она должна пріѣхать съ Зуевой. — А у Паши и Мити экзамены, помолитесь, чтобы успѣшно кончились. — Вчера слила вашъ апогаре **, котораго успѣла приготовить только изъ трехъ фунтовъ чищеной княженики ***, и то уже купила послѣднюю и очень дорого. Сварила варенье и налила три штофа воды и $^1/_2$ штофа кизлярки, пришлю счетъ, и полагаю, что апогаре отправлять надо уже въ Октябрѣ, когда будетъ холоднѣе, теперь окиснетъ. — Писала бы много, но пришли гости, а Лизы нѣтъ дома. Прощайте, мои родные! Любезнѣйшій Ванечка, извини, ради Бога, что ранѣе не обратила къ тебѣ моего привѣта. Пишу при гостяхъ, только, чтобы не пропустить почты. — Сегодня у нашихъ математика, и они всѣ боятся, что Иванъ Карловичъ **** будетъ строго спрашивать. Въ прошлые дни получали 3 и 4 балла, что Богъ дастъ сегодня. Остаюсь васъ любящая мать М. М. Заочно всѣхъ васъ цѣлую.

38.

20 ч. Октября 1847 г. Тобольскъ.

Любезнѣйшіе мои Яковъ Семеновичъ, Катинька съ Олей, Дуней и Ваней! Любезнѣйшіе дѣти мои! Сегодня осьмой

---

* Знакомая.

** Что-то въ родѣ наливки.

*** Ягода, растущая въ Сибири.

**** Руммель, учитель математики.

день, какъ я осиротѣла, и отъ васъ еще нѣтъ отвѣта на горестное увѣдомленіе Полиньки о кончинѣ супруга моего и нѣжнаго отца вашего. Тяжко мое положеніе, но я съ покорностію преклоняю колѣна сердца моего предъ всевѣдущимъ Промысломъ Вышняго и ожидаю, что сотворитъ со мною Господь. Тяжки были страданія нашего отца семейства, вся внутренность его была уже повреждена, вся кровь испорчена и не было уже средствъ спасти его, но за всѣмъ тѣмъ Дьяковъ употреблялъ всѣ средства къ уврачеванію его болѣзней и къ облегченію страданій. Въ девятомъ часу еще онъ принялъ лѣкарство, и перемѣняя бѣлье, приказалъ вытереть себя уксусомъ со смирною, а въ одиннадцатомъ простился съ нами на вѣки. Изъ письма къ Ванечкѣ прочтете и вы слово, говоренное при погребеніи, и всѣ вмѣстѣ будемъ молиться объ упокоеніи души усопшаго о Господѣ, молиться и вѣрить, что Господь, пріявшій на себя грѣхъ міра, упокоитъ душу его въ мѣстѣ покойнѣ. Болѣзненныя страданія его были тяжки и терпѣніе велико, но и вѣра тверда, и упованіе непостыдное, и Господь пріялъ его на лоно успокоенія. Будемъ обще молиться о немъ, да упокоитъ душу его Господь. Не оставьте, добрые дѣти мои, сироту мать вашу и научите, что мнѣ предпринять, чтобъ не лишиться пенсіи, куда подавать просьбу?—Я писала къ Ванечкѣ особо, чтобы симъ вмѣсто подарка доставить ему утѣшеніе въ день его рожденія, а о пенсіи и забыла написать ему. Писала также къ братцу и теперь уже едва могу владѣть перомъ. Пишу съ вечера оттого, что завтра девятый день, у насъ будутъ обѣдать нищіе и священники, и поѣдемъ за валъ *, а потому и не могу ничего сказать вамъ о себѣ. Богъ видитъ, какъ я стражду въ душѣ, но на милосердіе Творца полагаю несомнѣнную надежду, да будетъ во всемъ святая

---

* На кладбище.

воля Его!—Милая моя Олинька! Милая моя Катинька! вы сочувствуете нашей горести, и есть-ли вамъ непонятны чувства матери, то горесть сестеръ близка и вашему сердцу. Утѣшайте ихъ, помогайте имъ и помолитесь, чтобъ Господь сжалился надъ бѣдною вашею матерью и не долго разлучалъ ее съ вѣрнымъ спутникомъ 38 лѣтней жизни. Да наградитъ Богъ Петра Павловича Ершова * за настояніе почтить память усопшаго при погребеніи увольненіемъ гимназистовъ пѣвчихъ и г.г. учителей. Евгеній Михайловичъ ** согласился и самъ провожалъ гробъ, а Петръ Павловичъ съ г.г. учителями несли до церкви, а потомъ всѣ провожали до могилы, и по возвращеніи съ кладбища учащіе и учащіеся въ лицѣ родственниковъ Ивана Павловича у насъ обѣдали. Прошу Ванечку письмами поблагодарить директора, а болѣе инспектора за сіе и попросить о покровительствѣ ихъ братьямъ. Пусть также напишетъ и къ доброму нашему Михаилу Лонгиновичу, который за всѣхъ васъ, какъ добрый сынъ, служилъ съ любовію родителю вашему до послѣдней минуты жизни его, и въ послѣдніе дни, особенно всегда приходя, цѣловалъ руки его и услуживалъ какъ могъ. А Машинька, добрая моя Машинька, да благословитъ ее Господь Богъ! Раздѣляя нашу общую горесть, вмѣстѣ съ тѣмъ хозяйничала и смотрѣла за всѣмъ, и я обоими ими была утѣшена много. Милыя мои старшія дочери, утѣшьте меня особыми вашими письмами къ Машѣ и Михаилу Лонгиновичу, о чемъ прошу также и Ванечку.—Благодарю Бога, прошло восемь дней въ мирѣ и тишинѣ семейной. Полинька спитъ въ гостиной, а я на томъ самомъ мѣстѣ въ спальнѣ моей, гдѣ скончался Иванъ Павловичъ, вмѣсто диванчика тутъ поставлена была для него кровать. А за

---

* Инспекторъ гимназіи.

** Качуринъ, директоръ гимназіи.

ширмами теперь спитъ Паша. Лиза спитъ наверху, и у насъ все еще гоститъ кто либо изъ сторонних. Въ залѣ читаютъ псалтырь. Писать болѣе не могу. Божіе благословеніе да будетъ надъ всѣми вами. Заочно всѣхъ васъ цѣлую и со слезами прошу не оставить сироты вашей матери и словомъ, и дѣломъ помочь ей въ горестномъ положеніи. Ваша мать М. М.

39.

25 ч. Декабря 1847 г. Ночью. Тобольскъ.

Любезнѣйшіе мои Яковъ Семеновичъ, Катинька съ малютками! и Ванечка! Поздравляю васъ съ праздникомъ Рождества Христова и молю Бога, чтобы всѣ вы были здоровы и благополучны. Изъ письма къ Олинькѣ увидите, какъ тяжко мнѣ видѣть страждущею мою Полиньку. Страшусь, чтобъ не открылась у нея кровь горломъ, но да будетъ во всемъ воля Божія. Особо къ вамъ буду писать со слѣдующею почтою, а теперь прошу и умоляю не оставить моего обоза и расчитать въ Конторѣ вощиковъ. Дай Богъ, чтобы Иванъ Соколовъ хорошо довелъ тебѣ лошадку. Принимая ее, есть-ли доведетъ, пожалуйста, подари ему цѣлковый, или синенькую. Онъ бѣденъ и я доставила ему эту работу въ дорогѣ, чтобы помочь ему. Накладной не посылаю, потому что отправила съ прошедшею почтою. Послѣ праздника отправлю и оставшуюся посуду, только, ради Бога, помогите мнѣ высылкою 250 руб. къ Новому году, чтобы не остановить уплаты по ярлыкамъ. Фабричные мастеровые въ гутѣ цѣлый Декабрь работаютъ безъ денегъ и ждутъ, что получатъ къ Новому году. И за Ноябрь разсчитала только половину къ Николину дню, а остальнымъ обѣщала послѣ Рождества. Судите теперь, что мнѣ жаль бросить воспитанныхъ мною, уже не буйныхъ и дерзкихъ рабочихъ, но домовитыхъ и

благодарныхъ мнѣ крестьянъ, избалованныхъ данной мною имъ свободой *. Изъ здѣшней конторы я получила 250 руб., но поспѣшила возвратить Михаилу Лонгиновичу внесенныя имъ за меня подушныя, и раздала фабричнымъ оставшіяся такъ, что у меня осталось собственно для себя 10 руб. сереб. и принуждена была занять.—Напрасно, милая Катинька, думаешь ты, чтобы я стала продавать фундаментальную библіотеку, а послать къ вамъ каталогъ считала нужнымъ для того, чтобы вы, какъ дѣти, знали, въ чемъ состоитъ мое богатство, подъ залогъ коего въ другомъ мѣстѣ могла бы имѣть деньги. Я желаю только скорѣе расплатиться съ долгами и продаю домъ, остаюсь безъ пристанища, только бы сбросить съ себя иго взысканій. А когда Богъ поможетъ мнѣ въ дѣлахъ, тогда и умирать будетъ покойнѣе. Братецъ богатъ и счастливъ, а я бѣдна и злополучна. Терпѣніе должно быть щитомъ моимъ.—Теперь болѣзнь Полиньки привела въ забвеніе всѣ мои дѣла. Я снова забываю въ свое время распоряжаться и дѣйствовать, снова дѣлаюсь жалкою женщиною и несчастною матерью; но здорова и крѣпка силами.—Сенечка теперь уже давно съ вами и живое письмо относительно всего.—Молю Господа, чтобы скорѣе услышать о благополучномъ разрѣшеніи Катиньки и заочно цѣлую ее, и посылаю мое материнское благословеніе всѣмъ милымъ моимъ дѣтямъ. Цѣлую всѣхъ васъ и прошу не судить строго сего письма, уже полночь, и я разстроена болѣзнью Поли и завтра писать не успѣю и не знаю сама, что наговорила безъ толку.—Прощайте. Ваша мать М. М.

Посылаю любезнѣйшему Якову Семеновичу по обыкновенію календарь, и запечатавъ письмо, иду наверхъ къ Полинькѣ. Она сегодня очень много кашляла ночью. Слезы

---

* Приписанныхъ къ заводу крѣпостныхъ Марья Дмитріевна не притѣсняла даровой работой, а платила имъ. Понятно, что они любили ее.

падаютъ вмѣстѣ со слезами тяжкой материнской скорби. Катинька теряла малютокъ и мнѣ повѣришь. Прощайте.

40.

28 ч. Декабря 1847 г. Тобольскъ.

Любезнѣйшая Олинька! Поздравляю тебя и любезнаго Николая Васильевича съ новорожденнымъ племянникомъ Мишей * и благодарю Бога за благополучное разрѣшеніе Катиньки. Поздравляю васъ также и съ наступающимъ новымъ годомъ и съ нашимъ дорогимъ имянинникомъ, братцемъ. Боже мой! Что за причина такого молчанія?—Есть-ли онъ обвиняетъ меня въ томъ, что фабрика не приноситъ много дохода, то для чего не передаетъ ее въ руки благонадежнѣйшихъ управителей? Управляя 20 лѣтъ имѣніемъ, я всегда имѣла въ виду пользу крестьянъ и довольствовалась трудовою копейкою, какую будетъ получать отъ него всякій прикащикъ, а потому совершенно покойна въ совѣсти моей на счетъ управленія. Но нѣтъ! здѣсь что-то кроется, я увѣрена въ добротѣ братца и пока могу, не оставлю его дѣлъ, а тамъ время все покажетъ.—Бога ради прошу тебя, милая Олинька, писать относительно Полиньки отвѣты на грустныя мои письма осторожнѣе. Она читаетъ письма и изъ отвѣтовъ можетъ понять, что сомнѣваются въ ея выздоровленіи. Есть-ли она переживетъ зиму, то къ веснѣ буду стараться увезти ее куда либо изъ Тобольска.—Напиши мнѣ, на кого походитъ Миша? Увидѣвши приписку Юлія Ивановича * на письмѣ Якова Семеновича, я такъ была рада его возвращенію въ Омскъ, какъ бы родному. Не забуду его участія во время рожденія Оли. Тогда я была въ Омскѣ и мы вмѣстѣ хлопотали и радовались.

---

* Нынѣ профессоръ гигіены и членъ 2-й и 3-й Государственной Думы.
** Докторъ Штубендорфъ.

Прощайте, мои любезнѣйшіе! Заочно цѣлую и остаюсь любящая васъ мать М. М.

41.

15 ч. Генваря 1848. Тобольскъ, въ 10 часовъ вечера.

Сердце мое растерзано, а я даже не смѣю плакать и всего страшусь за Лизаньку, у которой безсонница и потеря апетита. Вчера докторъ прописывалъ ей сонные порошки и сегодня, есть-ли не будетъ спать, повторитъ пріемъ. Со слезами прошу всѣхъ развлекать ее, и у насъ ночевали Евгенія Александровна и Елизавета Николаевна *, или лучше просиживали съ нею ночи, но сегодня осталась одна послѣдняя. Боже мой! Боже мой! Дай мнѣ силы и крѣпость страдать и терпѣть!!!—Мнѣ хотѣлось послать къ вамъ съ сею почтою слово, говоренное отцомъ Іаковомъ на отпѣваніи Полиньки, но Екатерина Ѳедоровна ** взяла его, и я получу тогда уже, когда она возвратитъ его къ отцу Іакову. Говорятъ, что народу въ церкви и за валомъ было столько, что многіе не могли проститься; но я видѣла одинъ только гробъ, скрывающій отъ меня дочь, похищенную смертію, дочь, которую я удержала отъ монастыря, чтобы она закрыла глаза мои и послужила при смертномъ одрѣ матери; а она съ крестомъ въ рукахъ, презирая мои слезы, искала смерти, и послѣ трехъ лѣтъ страдальческой жизни на землѣ, перешла въ жизнь вѣчную за гробомъ; дочь, отъ которой я ожидала въ старости моей подкрѣпленія и отрады!—Боже мой! Боже мой!—Я тверда какъ камень и совершенно здорова. Сердце болитъ, мнѣ грустно, но спокойствіе совѣсти и любовь къ дѣтямъ, меня окружающимъ, твердятъ мнѣ о покорности волѣ Божіей, и я усиливаюсь постоянно выдержи-

* Знакомыя.

** Непряхина.

вать характеръ и не унывать въ несчастіи. Есть-ли бы Полинька и осталась жива, то осталась-бы страдать всю жизнь съ ея тяжелой болѣзнію. Благодарю Бога, что я послужила моей дочери въ болѣзни ея и Онъ допустилъ меня оплакать ее и похоронить ее съ честію. По просьбѣ моей соборные пѣвчіе пѣли тотъ самый концертъ, который былъ пѣтъ при освященіи Аремзянскаго храма нашего: „Коль возлюбленны селенія Твоя“ и проч. изъ псалма.— Я рыдала и вся церковь плакала, какъ говорятъ всѣ. О! есть еще люди, сострадающіе и моему горю. Я никогда не забуду того, что при выносѣ добрая генеральша Гладышева * взяла меня и довела до возка ** своего, сама сѣла со мною и Лизой и утѣшала всю дорогу. — Мужественно перенесла я разлуку съ моимъ Иваномъ Павловичемъ, зная, что ему и мнѣ, прожившимъ вмѣстѣ около сорока лѣтъ, время разставаться съ жизнію; а разставаться такъ, какъ скончался онъ, по милосердію Божію, отрадно.—Но преждевременная смерть Полиньки меня сразила. Я радуюсь при мысли, что она не страдаетъ болѣе, но какъ мать грущу о томъ, что пережила ее. — Боже мой! Къ чему еще должна я приготовлять себя? или лучше, чего не могу я вынести теперь, когда въ теченіе трехъ мѣсяцевъ похоронила мужа и дочь и не падаю подъ тяжестію судьбы моей? — Да, любезнѣйшіе мои! Есть-ли Богъ поможетъ мнѣ разсѣять грусть Лизы и время уврачуетъ раны моего сердца, то я скоро займусь моими дѣлами; но до сего времени еще ни за что не могу приняться. Мнѣ грустно особенно въ нынѣшній вечеръ. Завтра церковь празднуетъ Поклоненіе веригамъ Апостола Петра ***, и я вступаю въ новый годъ страданій,

---

* Знакомая.

** Карета на полозьяхъ.

*** Марья Дмитріевна особенно чтила этотъ день.

я завидую умершимъ, но не ропщу, а молюсь только о томъ, чтобы Господь укрѣпилъ силы мои, и чтобы я спокойно могла сносить бѣды, лишенія и скорби. Мнѣ грустно и оттого, что я не могу никого изъ васъ прижать къ груди моей, а сегодня всѣ вы читали извѣстіе о кончинѣ Полиньки.—Добрая моя Машенька въ горести моей истинное утѣшеніе для насъ; но тягость ея мѣшаетъ ей часто приходитъ, а я еще не имѣю духу идти къ нимъ. Да наградитъ ее Богъ за утѣшеніе матери; она видѣла, что выстрадала я въ теченіи мѣсяца; она утѣшаетъ меня и сама будетъ утѣшена нѣкогда дѣтьми своими.—Писать болѣе не могу, хотя послѣ разговора съ вами, мнѣ сдѣлалось легче; но иду на верхъ проститься и посмотрѣть Лизу. Прощайте до завтра, любезные дѣти! Господь съ вами!

42.

16 ч. Генваря. Послѣ ранней обѣдни.

Благодарю Бога за ниспосланное утѣшеніе. Мнѣ сегодня легче и я спокойна. Сейчасъ проводила отца Іакова, который накушался у насъ чаю. Онъ принесъ мнѣ говоренное имъ слово, у сего прилагаемое въ копіи. Полинька, напутствуемая духовнымъ своимъ отцемъ, умерла о Господѣ, испросивши передъ послѣднею исповѣдію благословенія грѣшной своей матери. Съ любовію перекрестила я ее трижды, призывая на нее благословеніе Божіе, и послѣдній горячій поцѣлуй дочери остался мнѣ на память ея сердечнаго чувства ко мнѣ. Ей поручила я молиться за мать злополучную. — Не плачьте объ ней и вы, добрые ея сестры и братья. На землѣ ей было душно, тѣсно! Она сгорала любовію и молилась, чтобы Господь взялъ ее къ Себѣ. И тамъ она будетъ молиться за всѣхъ насъ. Страданія ея были тяжки, она искала ихъ и усугубляла свои подвиги, предавшись по неопытности сильному стремленію

восхитить вѣнецъ спасенія и пришла къ концу земной жизни съ чистою младенческою вѣрою и твердымъ упованіемъ *. Да почіетъ въ мирѣ до радостнаго восхода нескончаемаго дня!

Костя ** не отправилъ въ понедѣльникъ Договора и билета вощиковъ, кои посылаю съ сею почтою. Благодарю Бога за милосердіе къ злополучной и высшее начальство за исходатайствованіе мнѣ съ дѣтьми пенсіи. Благодарю и васъ, любезные дѣти, за заботу вашу успокоить меня на счетъ средствъ моихъ къ жизни. Господь да наградитъ васъ за сіе! — Простите мнѣ, что не могу еще собрать своихъ мыслей и основательно отвѣчать о дѣлахъ. Любезный Ванечка! посылаю тебѣ реестръ цѣнамъ аптечной посуды, наскоро составленный. Укупорка и провозъ въ разсчетъ нейдутъ. Пущу фабрику, но не знаю что дѣлать, да и не думаю еще ни о чемъ, кромѣ потери незабвенной Полиньки. — Прощайте, мои родные, милые дѣти! Да благословитъ всѣхъ васъ Богъ! Якова Семеновича, Катиньку съ Ваней, Мишей, Олей и Дуней цѣлую, и моего старшаго сына добраго Ванечку цѣлую тоже и благословляю всѣхъ. У насъ Маша, Марфа Апполоновна. Маша съ няней и Елизавета Николаевна пьютъ чай. Иду къ нимъ. Прощайте, жду вашихъ писемъ и молю Бога, чтобы всѣ вы были здоровы. Ваша М. М.

За 1849 годъ къ сожалѣнію мною пока не найдено въ бумагахъ ни одного письма, такъ необходимыхъ для окончанія хроники жизни за 10 лѣтъ семьи Менделѣевыхъ по письмамъ М. Д. Менделѣевой. Если мнѣ посчастливится найти ихъ, то они будутъ помѣщены въ слѣдующемъ изданіи.

---

* Полинька умерла 26-ти лѣтъ.

** Служащій на фабрикѣ.

Въ 1849 году Павелъ и Дмитрій Ивановичи кончили курсъ въ гимназіи. Павла Ивановича Марья Дмитріевна устроила на службу въ Омскъ и оставила на попеченіи Якова Семеновича Капустина, своего зятя. Онъ до женитьбы своей и жилъ у Капустиныхъ. А затѣмъ, распродавъ все, что у нея было, Марья Дмитріевна съ Елизаветой Ивановной и Дмитріемъ Ивановичемъ поѣхала сначала въ Москву, потомъ въ Петербургъ, гдѣ помѣстила сына въ Педагогическій институтъ казеннокоштнымъ студентомъ, а сама до своей кончины въ 1850 году жила съ дочерью въ маленькой квартиркѣ.

За 1850-й годъ есть одно послѣднее письмо ея ко всѣмъ ея дѣтямъ.

Н. Капустина-Губкина.

49.

15 ч. Сентября 1850. С.-Петербургъ *.

Прощайте, мои милые любезные дѣти! Господь посѣтилъ меня и призываетъ въ вѣчность. Слава Его безмѣрному человѣколюбію, слава Его милосердію. Не долго уже мнѣ дышать въ семъ мірѣ и васъ кажется болѣе не увидѣть. Да будетъ надъ вами Божіе и мое материнское благословеніе, да сохранитъ васъ Пречистая матерь Божія и Ангеловъ мирныхъ ниспошлетъ вамъ. Берегите себя отъ всякаго зла и любите другъ друга. Любите добро дѣлающихъ и зло творящихъ вамъ, молитесь о всѣхъ. Помните, что мать ваша на землѣ жила для васъ и не оскорбляйте моей памяти сужденіями. Отъ Бога назначена мнѣ доля моя. Слава Его предвѣденію. Молитесь обо мнѣ. Тяжко душѣ разлучаться съ тѣломъ. Тяжко матери се-

* Письмо это написано слабѣющей уже рукой, и почеркъ мало похожъ на энергичный почеркъ Марьи Дмитріевны.

мейства разставаться съ дѣтьми. Я любила, люблю и буду любить васъ за гробомъ. Богу не угодно, чтобъ видѣла васъ. Одна добрая Лизанька неотлучна отъ меня. Помните, что она усладила послѣднія минуты жизни моей *. Митя сирота, ему также нужна помощь, не забывайте, что онъ вамъ братъ. Пашу желала-бы видѣть и обнять, но Богъ не велѣлъ, да будетъ воля Его.

На другой сторонѣ послѣдняго письма приписка Елизаветы Ивановны: „Маминька проситъ васъ, чтобы это письмо переслать въ Омскъ, Катинькѣ. Молитесь родные о маминькѣ, она слаба очень".

Здѣсь будетъ умѣстно помѣстить подпись на иконѣ Богоматери, которой, умирая, Марья Дмитріевна благословила Дмитрія Ивановича:

Благословляю тебя, Митинька.

На тебѣ основана была надежда старости моей. Я прощаю твои заблужденія и умоляю обратиться къ Богу. Будь добръ, чти Бога, Царя, Отечество и не забывай, что долженъ на Судѣ отвѣчать за все. Прощай, помни мать, которая любила тебя паче всѣхъ.

Марья Менделѣева.

---

* Лизанькѣ было въ это время 27 лѣтъ. Она прожила не долго послѣ матери и умерла отъ чахотки въ Маріинской больницѣ. Дмитрію Ивановичу было $16^1/_2$ лѣтъ.

ПИСЬМА МАРЬИ ДМИТРІЕВНЫ МЕНДЕЛѢЕВОЙ

КЪ РАЗНЫМЪ ЛИЦАМЪ ПО ПОВОДУ ЖЕНИТЬБЫ СТАРИННАГО ДРУГА ИХЪ СЕМЬИ ПЕТРА ДМИТРІЕВИЧА Ж—НА НА МАРЬѢ АЛЕКСАНДРОВНѢ П—ОЙ

въ 1829—1830 г.

Давнишній другъ семьи Менделѣевыхъ, Петръ Дмитріевичъ Ж—нъ, еще съ 1817-го года любилъ въ Тобольскѣ М. А. П—ую, дѣлалъ ей предложеніе, но по какому-то недоразумѣнію получилъ отказъ. Онъ переѣхалъ въ Уфу, гдѣ былъ управляющимъ мѣднымъ заводомъ, тамъ женился, имѣлъ четверыхъ дѣтей, но, овдовѣвъ въ 1829 г., онъ черезъ Марью Дмитріевну послалъ М. А. П—ой письмо со вторичнымъ предложеніемъ. Г-жа П—ая всѣ эти 13 лѣтъ не переставала любить П. Д. Ж—на, въ эти времена умѣли и хотѣли любить, но она считала себя связанной обѣтомъ не выходить замужъ, отказалась отъ свѣта и предалась религіи и добрымъ дѣламъ. Она была совсѣмъ одинока, жила со своей дальней родственницей Ек. Ѳед. Непряхиной и свои большія средства тратила на добрыя дѣла. По разсказамъ она была очень красива собой.

Письма Марьи Дмитріевны говорятъ сами за себя, ей казалось неправильнымъ во имя даннаго обѣщанія въ минуту горя не выходить замужъ, отказываться отъ счастья и семейной жизни съ человѣкомъ, котораго М. А. П—ая любила всю свою жизнь въ теченіе почти 20 лѣтъ.

Письма эти представляютъ большой интересъ, какъ характеризующія отношеніе Марьи Дмитріевны къ вопросамъ религіи и жизни. Она была глубоко религіозна, но ханжество и фанатизмъ никогда не находили въ ней сочувствія.

I.

Къ Марьѣ Александровнѣ П—ой.

Окт. 28 ч. 1829 г. Село Аремзянское.

Получивъ письмо отъ добраго нашего друга Петра Дмитріевича, долго я не могла рѣшиться чрезъ кого передать къ вамъ оное. Привыкнувъ издавна питать къ вамъ душевное уваженіе, я ожидала своего выздоровленія и удерживала доставленіе писемъ, желая лично видѣться съ вами. Простите, милостивая государыня, моей медленности въ исполненіи возложеннаго на меня порученія. Время, обстоятельства и печальные опыты въ жизни совершенно измѣнили образъ мыслей и характеръ мой. По слабости моего здоровья я долго не могла выѣзжать, и наконецъ такъ привыкла къ уединенной жизни моей, что не могу рѣшиться оставить моего тихаго жилища. Долгъ дружбы обязываетъ меня доставить вамъ письма, полученныя нами изъ Уфы. Отъ васъ зависитъ рѣшить судьбу преданной вамъ особы. Есть-ли бы вы короче знали меня, или есть-ли бы я имѣла удовольствіе пользоваться довѣренностію вашею, то безъ всякаго сомнѣнія мы бы могли увидѣться, есть-ли не въ городѣ, то въ сельскомъ моемъ убѣжищѣ. Но, полагаясь совершенно на благородный образъ вашихъ мыслей, я съ полною увѣренностію ожидаю и отвѣта, исполненнаго благороднѣйшихъ чувствованій, и почту пріятнѣйшею для себя обязанностію доставить отвѣтъ вашъ съ первою же почтою, есть-ли вы удостоите онымъ искренне почитающую васъ М. Менделѣеву.

2.

Къ Петру Дмитріевичу Ж—ну въ Уфу.

Ноября 7-го ч. 1829 г. Село Аремзянское.

Не вините меня за то, что письмо ваше отъ 22 іюля изъ Уфы долго лежало въ письменномъ моемъ столикѣ. Скоро годъ уже какъ я живу въ совершенномъ уединеніи въ деревнѣ брата моего, за 25 верстъ отъ города *. Болѣзнь семейства и разные перевороты въ жизни заставили меня предпочесть тихую сельскую жизнь и отказаться можетъ быть надолго отъ общества. Мужъ мой, обязанный службою, хотя и живетъ въ городѣ, но не зналъ какъ исполнить порученіе ваше и оставилъ письма ваши до моего выздоровленія. И такимъ образомъ три мѣсяца прошли, и мы съ каждымъ почтовымъ днемъ упрекали себя въ медленности; наконецъ я рѣшилась при письмѣ своемъ отправить ваше письмо къ Марьѣ Александровнѣ, хотя и предчувствовала почти напередъ отвѣтъ ея. Догадки мои меня не обманули. Милая и добродѣтельная сія дѣвица, исполненная набожности, претерпѣвъ въ молодости своей столько злословія и сердечныхъ страданій, кажется давно уже отказалась отъ мнимыхъ удовольствій свѣтской жизни. Ваше письмо сильно встревожило ее, вскорѣ по полученіи онаго, она пріѣхала въ мое уединенное жилище вмѣстѣ съ другомъ своимъ Катериной Ѳедоровной Непряхиной **. Будучи у меня, она не имѣла можетъ быть твердости сказать мнѣ положительно о своемъ рѣшеніи, и потому обѣщала прислать ко мнѣ свой отвѣтъ. На сихъ дняхъ я получила отъ достопочтеннѣйшей для меня особы письмо.

---

* Иванъ Павловичъ, какъ директоръ гимназіи, жилъ пока одинъ въ Тобольскѣ.

** Которая впослѣдствіи сдѣлалась другомъ и религіозной руководительницей Аполлинаріи Ивановны Менделѣевой.

въ коемъ, говоря о Марьѣ Александровнѣ, сія особа пишетъ: „Настоящія минуты столько потрясли ее, что она рѣшилась болѣе никогда къ нему не писать и писемъ его не читать“. Послѣ сего мнѣ ничего не остается сказать кромѣ того, что желаю доброму и почтенному нашему другу Петру Дмитріевичу возвратить себѣ спокойствіе сердечное и, истребивъ навсегда мечты молодости изъ своего воображенія, посвятить дни свои счастію дѣтей своихъ, лишившихся матери. Подумайте, что вашею любовію вы должны замѣнить имъ потерю материнской нѣжности. Время юности вашей уже прошло, любовь ваша къ Марьѣ Александровнѣ конечно не имѣетъ уже горячности молодости и вы по необходимости, какъ человѣкъ съ благороднымъ сердцемъ обратите свою нѣжную привязанность къ дѣтямъ вашимъ.— Чувствую, что, читая мое письмо, вы уже огорчены. Бросьте оное, истребите навсегда изъ сердца вашего любовь безнадежную и сохраните къ предмету оной все уваженіе, коего она достойна. Нѣтъ сомнѣнія, что время облегчитъ вашу горесть, и можетъ быть вы еще найдете подругу жизни современемъ. Въ сіи минуты не смѣю вамъ желать сего, но почту себя счастливою, есть-ли вы сохраните воспоминаніе о друзьяхъ вашихъ и, когда время облегчитъ ваше сердце, напишите къ намъ. Сего желаетъ преданная вамъ всею душею М. Менделѣева.

3.

Къ Марьѣ Александровнѣ П—ой.

Декабря 7 ч. 1829 г. Село Аремзянское.

Достопочтеннѣйшій другъ мой Марья Александровна, позвольте мнѣ такъ именовать васъ съ сего времени за вашу доброту къ дочерямъ моимъ *. Вы доставили имъ

* Ольгѣ 15-ти лѣтъ, Екатеринѣ 13-ти лѣтъ.

столько радостей, что я не умѣю и благодарности своей вамъ за сіе изъяснить, а ваше письмо и милая откровенность еще болѣе усугубляютъ во мнѣ чувства того уваженія и той довѣренности, которыя я всегда имѣла къ вамъ.—Обстоятельства жизни моей кажется заставятъ меня оставить мое уединеніе. Нѣтъ ничего прочнаго на землѣ, все разрушающее время охлаждаетъ и разрываетъ и самые священнѣйшія узы дружбы.—Пылкая же и мечтательная юность вездѣ находитъ свои забавы, и мои Оля и Катя восхищаются тѣмъ, что вы такъ добры и приглашаете ихъ къ себѣ на святки. Онѣ и не думаютъ, что могутъ быть вамъ въ тягость. Я въ полной мѣрѣ чувствую цѣну вашего къ нимъ снисхожденія, и поручаю ихъ совершенно вашей волѣ, только назначьте время, когда имъ къ вамъ пріѣхать. Мои родные полагаютъ уже, что я, отпустивши ихъ къ вамъ, позволю гостить вездѣ, куда только ихъ приглашаютъ, но родные мои не знаютъ, сколь дорого я цѣню ваше покровительство, и какъ удаляю все то отъ дѣтей моихъ, что можетъ пріучить ихъ къ разсѣянности и вѣтренности. Удовольствіе для нихъ быть у васъ и вашъ примѣръ дѣлаютъ для меня пребываніе ихъ въ кругу вашего знакомства и лестнымъ, и пріятнымъ. Примите, почтеннѣйшая Марья Александровна, въ сихъ строкахъ знаки глубочайшаго моего къ вамъ уваженія, и есть-ли любите меня, то въ письмахъ вашихъ ко мнѣ выбросьте тягостное для меня Милостивая Государыня. Я привыкла писать къ тѣмъ, кого люблю, просто. Остаюсь М. М.

4.

Къ Марьѣ Александровнѣ П—ой.

Дек. 16 ч. 1829. Село Аремзянское.

Вмѣстѣ съ письмомъ вашимъ, почтеннѣйшій другъ мой Марья Александровна, я получила отвѣтъ изъ Уфы, о которомъ вы никогда-бы не узнали, есть-ли бы я не

увидѣла изъ письма вашего, что любовь ваша къ Петру Дмитріевичу никогда не уменьшалась. Отчего вы не были со мною откровенны при первомъ свиданіи? Отчего вы колеблетесь осчастливить человѣка вами любимаго, есть-ли надѣетесь и увѣрены, что будете съ нимъ счастливы? — Меня увѣдомили и я написала: „что вы рѣшились болѣе никогда къ нему не писать и писемъ его не читать“. Безъ сомнѣнія слова сіи тронули его самолюбіе и можетъ быть на время заглушили любовь въ его сердцѣ. Въ отвѣтѣ своемъ Петръ Дмитріевичъ отчего-то полагаетъ, что вы были бы со мною откровеннѣе, есть-ли бы между нами не было Катерины Ѳедоровны. Сказывала-ли вамъ Катер. Ѳед. о свиданіи ихъ въ 1828 году? — Вотъ вопросы, которые я дѣлаю самой себѣ, и которые скрылабы отъ васъ, есть-ли бы вы не написали, что *легко подавать самые основательные совѣты тому, кто ничего не чувствуетъ*. Вижу и чувствую, что вамъ нуженъ другъ безпристрастный. Я такъ счастлива, что вы находите во мнѣ качества, заслуживающія вашу довѣренность, а потому и скажу, какъ истинный вамъ другъ: — Призовите въ помощь Бога, и рѣшите сами свою участь. Покажите письмо мое Отцу Василію, испросите его благословенія, и есть-ли вы не можете побѣдить своей страсти, пишите ко мнѣ, и я употреблю всѣ силы, чтобы убѣдить Петра Дмитріевича сюда пріѣхать. Размыслите обо всемъ, милый и жалкій другъ мой. Не обвиняйте никого въ судьбѣ своей. Въ ваши годы нельзя уже гоняться за мечтами. Имѣя вѣру въ милосердіе Искупителя, мы должны съ покорностію идти во слѣдъ за обстоятельствами. И въ замужнемъ состояніи добродѣтельная супруга и мать семейства не отвергается Премилосерднымъ. Подумайте и рѣшитесь. Вѣрьте, что желать вамъ счастія никогда не перестанетъ преданная вамъ М. М.

5.

Къ Катеринѣ Ѳедоровнѣ Непряхиной.

19 Декабря 1829. Село Аремзянское.

Родственныя связи, нѣжная дружба и участіе, которые вы принимаете въ положеніи Марьи Александровны, даютъ вамъ всѣ права искать и желать того, чтобы она была счастлива не только здѣсь, но даже и за предѣлами гроба. Я буду говорить съ вами о семъ, не сказавши ни слова на счетъ лестнаго знакомства и переписки моей съ вами.

Вы не знаете и не можете судить, любезная и добродѣтельная дѣвица, о той горести, которую испила до дна ваша родственница. Милая ваша невинность, святость жизни и искра любви небесной предохранили вашу молодость. Стремясь къ блаженству на небесахъ, вы уже вкушаете блаженство на землѣ; но есть-ли Іисусъ и похвалилъ Марію, что она благую часть избрала, то не отвергъ и *Марфы*, хотя и укорилъ, что она печется о многомъ. Не сказалъ же Онъ ей, чтобы она оставила все и подражала сестрѣ своей. Не должны-ли и мы предоставить Провидѣнію управлять судьбою вашего друга?—Когда мы видимъ, что Спаситель нашъ осужденную грѣшницу повелѣлъ бить каменіемъ тѣмъ, кои не имѣютъ грѣха — и всѣ разошлись, оставивъ ее при ногахъ Іисуса; то будемъ-ли мы столько самолюбивы, чтобы могли думать, что избраны орудіями къ временному и вѣчному спасенію Марьи Александровны?

Приведите себѣ на память, какія слѣдствія были тѣхъ препятствій, которыя разрушили союзъ сей за 13 лѣтъ передъ симъ? —Позднее раскаяніе Марьи Александровны, ужаснѣйшія клеветы и душевное страданіе. Вы скажете, и я соглашаюсь съ вами, что слѣдствіемъ тѣхъ-же препятствій была и нынѣшняя частная и общественная

жизнь Марьи Александровны. Но что могутъ сдѣлать совѣты наши, когда любовь, угаснувшая отъ безнадежности, снова возгорѣлась? Не видите-ли вы, что спокойствіе, которымъ наслаждалась она до полученія извѣстія, что Петръ Дмитріевичъ свободенъ, теперь уже не можетъ возвратиться? — И не знаемъ-ли всѣ мы, что любовь сія сопряжена съ заблужденіями неопытной юности и укоризной совѣсти? — И можемъ-ли мы препятствовать судьбѣ, которая въ теченіе двадцати лѣтъ не истребила любви?

Не знаю, почему Провидѣнію угодно было включить меня въ сію исторію. Имѣя дружескую и безкорыстную привязанность къ Марьѣ Александровнѣ, и не довѣряя самой себѣ, три мѣсяца не знала я, что дѣлать съ письмами, которыя разрушили ея спокойствіе. Духовный мой отецъ и общій нашъ пастырь благословилъ мои дѣйствія. Не хитрость, не коварство, свойственныя большею частію нашему полу, управляли мною. Я поступала такъ, какъ слѣдовало поступить честной женщинѣ и христіанкѣ. Почитая минутную рѣшимость Марьи Александровны побѣдою надъ ея страстію, я обѣщалась никогда болѣе не напоминать о семъ и — исполнила-бы свое обѣщаніе. Но могу-ли я сіе сдѣлать тогда, когда она говоритъ и признается, что есть-ли онъ пріѣдетъ, она не въ силахъ будетъ управлять своими чувствами? Должна-ли я заградить ей путь къ возвращенію ея спокойствія? — Могу-ли я, не измѣнивъ моимъ правиламъ, обманывать добраго и рѣдкаго изъ мущинъ и, называясь его другомъ, писать къ нему, что Марія Александровна посвятила себя Богу, въ то время, когда она любитъ его съ горячностію? — Не почтется-ли поступокъ мой, есть-ли-бы слова мои отвлекли ее отъ брака, въ общемъ мнѣніи людей притворною набожностію и фанатизмомъ, въ глазахъ Бога неумѣстною самонадѣянностью спасать другихъ, не помышляя о своемъ спасеніи?

Разсмотрите теперь стеченіе всѣхъ обстоятельствъ очами вѣры и вы согласитесь, что благое Провидѣніе, пекущееся о спасеніи и самомалѣйшаго изъ своихъ твореній, ведетъ и друга вашего къ вѣчности путемъ намъ непостижимымъ. — Увѣрены-ли вы, что настоящее благо, коимъ наслаждается Марья Александровна, никогда не измѣнится?—Сколько можетъ встрѣтиться неожиданныхъ случаевъ, могущихъ лишить ее и богатства и нынѣшней, повидимому, прочной независимости?—Дорожа репутаціей вашего друга, вы конечно страшитесь и сужденій свѣта, но свѣтъ будетъ судить поведеніе и поступки, Богъ смотритъ на сердце и совѣсть. И къ чему ей богатства ея, когда она, подобно вамъ, возьметъ крестъ свой, чтобы идти по пути къ блаженству? Склоняя ее къ сему спасительному дѣлу, должно убѣдить, чтобы она раздала имѣніе свое и скрылась отъ всѣхъ искушеній, а сіи убѣжденія предоставлены церковнымъ пастырямъ и дѣйствію высшей благодати! —

Въ противномъ случаѣ лучшее, что Марья Александровна можетъ сдѣлать это — таинство брачнаго вѣнца. Сіе священное таинство, принятое нашею церковію и уважаемое общимъ мнѣніемъ свѣта, не есть *одна объемлемая нами мечта*, но жизнь, необходимая для благоустройства гражданскаго. Нашъ полъ, по мнѣнію моему, въ такихъ соотношеніяхъ къ свѣту, что мы должны или посвятить себя безусловно нашему Искупителю, или семейной замужней жизни. Во всякомъ другомъ случаѣ самоуправство женское есть тщеславіе и надменность. Говоря такъ, я испытала сіе на себѣ.—Вы далеко ушли отъ насъ, любезнѣйшая Катерина Федоровна. Въ непроницаемой будущности вы видите быть можетъ всѣ радости, которыя вы встрѣтите за предѣлами гроба; но Богъ можетъ быть призываетъ Марью Александровну къ симъ радостямъ инымъ путемъ. Предоставьте сіе Святой волѣ

Его и будьте добрымъ, искреннимъ и нелицемѣрнымъ другомъ ея.

Впрочемъ, желая согласить мое мнѣніе съ вашимъ желаніемъ, я пишу къ Петру Дмитріевичу то, чего требуетъ отъ меня дружба и справедливость. Не обвиняйте меня въ нарушеніи спокойствія Марьи Александровны и вѣрьте, что опредѣленіе Божіе, не смотря на всѣ препятствія, рано или поздно совершится и „аще не Господь созиждетъ домъ, всуе трудятся зиждующіе".

Прошу васъ сохранить въ памяти вашей всегда васъ почитающую и преданную вамъ М. М.

6.

Къ Петру Дмитріевичу Ж—ну въ Уфу.

20 Декабря 1829. Село Аремзянское.

Я получила на сихъ дняхъ одновременно письмо ваше отъ 26 ч. Ноября съ письмомъ Марьи Александровны. Послѣднее увѣрило меня, что вы все еще любимы. Она наслаждалась до письма вашего совершеннымъ спокойствіемъ; жизнь свою почитала блаженною и, зная, что вы для нея уже не существуете, отказалась отъ всѣхъ удовольствій свѣта и находила утѣшеніе въ молитвѣ и благотвореніяхъ. Минутная ея рѣшимость *болѣе къ вамъ не писать* обманула меня. Она любитъ, — но какая-то клятва, какія-то священныя обязанности, мнѣ неизвѣстныя, опредѣляютъ ей вѣчное страданіе на землѣ. Безъ вашего письма она еще могла-бы быть счастливою, а теперь остается только желать, чтобы неожиданный случай доставилъ ей свиданіе съ вами. Третьяго дня она была у меня въ деревнѣ одна. Я предложила ей, что есть-ли она желаетъ, то я, пользуясь правомъ дружбы, буду писать, чтобы вы пріѣхали черезъ Абалакъ * прямо

* Монастырь.

къ намъ на фабрику, не заѣзжая въ Тобольскъ, и здѣсь черезъ 13 лѣтъ увидѣлись съ нею, и есть-ли по взаимномъ объясненіи рѣшитесь составить счастіе одинъ другого, то, избѣгая злобныхъ сужденій свѣта, въ сельскомъ нашемъ храмѣ приняли-бы брачное благословеніе. Она страшится и не соглашается на сіе предложеніе; но съ вѣрою предоставляетъ судьбу свою благому Провидѣнію. Будучи независима, богата и благодѣтельна, она можетъ провести остатокъ жизни своей въ томъ состояніи, въ которомъ теперь находится. Она поклялась кромѣ васъ не быть ни за кѣмъ замужемъ и соблюдаетъ свою клятву, чтобы доказать, что женщины постояннѣе мущинъ. Она уже не цвѣтетъ молодостію пятнадцатилѣтней дѣвицы, а нарядившись въ покойный чепчикъ и закутавшись въ шаль, своими благотвореніями снискала себѣ общее уваженіе всего города.—

Я уже старуха, мать многочисленнаго семейства и больная женщина, и потому хочу говорить съ вами, не опасаясь оскорбить васъ. Вы имѣете своихъ дочерей, я также готовлюсь оставить дѣтей своихъ безъ путеводителя. Мои дочери могутъ быть въ подобныхъ Марьѣ Александровнѣ обстоятельствахъ, и потому я ожидала въ письмѣ вашемъ не колкихъ замѣчаній на счетъ набожности Марьи Александровны, но сердечнаго объ ней сожалѣнія. При всемъ моемъ къ вамъ уваженіи должна сказать, что Марья Александровна умѣетъ любить лучше вашего, и надменная пылкость вашего нрава причиною, что вы до сего времени заставляете страдать милую сію дѣвицу.

Вамъ угодно было до сего времени именовать насъ своими друзьями, слѣдственно вы не должны обвинять меня въ томъ, что говорю съ вами съ такою откровенностію. Отъ васъ зависитъ искать руки Марьи Александровны и, есть-ли на сіе будетъ благословеніе неба, пе-

щись объ ея счастіи, и потому вы не должны надѣяться ни въ какомъ случаѣ, чтобы она поѣхала къ вамъ. Довольно, если вы повѣрите мнѣ, что она васъ любитъ. Отъ васъ зависитъ разрушить всѣ препятствія.

Шварцъ умѣлъ любить О. Ф. К. постоянно. Перенеся всѣ препятствія, онъ женился на ней тогда, когда она потеряла знаменитость, богатство, здоровье и самую красоту. Я говорю слишкомъ много и можетъ быть не кстати, но я люблю сердечно Марью Александровну, уважаю васъ и жалѣю, что судьба столько лѣтъ васъ гонитъ.

Съ глубочайшимъ моимъ къ вамъ почтеніемъ остаюсь М. М.

7.

Къ Марьѣ Александровнѣ П—ой.

20 ч. Декабря 1829 года. Село Аремзянское.

Я не сдержала своего слова, почтеннѣйшій другъ мой Марья Александровна, и письма мои вмѣсто пятницы вы получите въ субботу. Надѣюсь, что человѣкъ исполнитъ мое приказаніе и доставитъ оные къ вамъ послѣ ранней обѣдни. Слѣдственно вы будете имѣть время прочитать оное, и есть-ли рѣшитесь вмѣстѣ со своимъ письмомъ, запечатавъ облаткою, отослать къ Ивану Павловичу, то онъ въ своемъ кувертѣ отправитъ ихъ на почту.—Я далека отъ всякой скрытности и притворства и потому писала къ Петру Дмитріевичу по внушенію моихъ чувствъ.—Не давайте обѣтовъ не идти замужъ, но и не усиливайтесь быть за тѣмъ человѣкомъ, который столь мало дорожитъ вашимъ спокойствіемъ. Я говорю какъ другъ вашъ и готова сказать тоже самое при Петрѣ Дмитріевичѣ, есть-ли бы онъ пріѣхалъ. Не думайте также, чтобы вы уже прямо проложили дорогу въ рай безбрачною

жизнію. „Нѣтъ человѣка, аще живетъ и не согрѣшитъ". Надобно отказаться отъ вашего имѣнія, отъ всѣхъ заботъ, отъ свѣта, чтобы избѣжать грѣха. Что же касается до молитвы и до благотвореній, то и замужняя женщина сіе, еще съ большею возможностію можетъ исполнять, есть-ли имѣетъ въ мужѣ своемъ спутника добраго и благочестиваго.

Я говорю вопреки вашему другу Катеринѣ Федоровнѣ; но намъ суждено уже отъ Бога исполнять въ семъ мірѣ различныя обязанности. Она работаетъ въ вертоградѣ Божіемъ отъ утренней зари лѣтъ своихъ, а я стою еще праздною, но есть-ли угодно будетъ Господину виноградника призвать меня, то та-же мзда, по милосердію Его, ожидаетъ и меня. Предоставьте же благому Провидѣнію управлять вашею судьбою и вѣрьте, что Онъ устроитъ временное и вѣчное ваше благополучіе, сего желаетъ вамъ и М. М.

8.

Къ Марьѣ Александровнѣ П—ой.

18 Генваря 1830 года. Село Аремзянское.

Уѣзжая въ деревню изъ Тобольска, я все думала о предстоящей перемѣнѣ въ жизни вашей и о нашемъ разговорѣ съ вами, и скажу вамъ вотъ что.

Есть-ли Петръ Дмитріевичъ пріѣдетъ и есть-ли вы выйдете за него замужъ и будете несчастливы, какъ говорятъ вамъ окружающіе васъ, то кто предугадалъ, что вы, управляя вашимъ имѣніемъ, не встрѣтите никакихъ прискорбій въ жизни? — Откажитесь отъ имѣнія и раздайте оное требующимъ, тогда можетъ быть вы будете счастливѣе. Есть-ли я принимала излишнее участіе въ вашемъ дѣлѣ, то это потому, что люблю васъ искренне и непритворно и говорю, что думаю.

Преданная вамъ и вѣрный вамъ другъ М. М.

P. S. Я пріѣхала сюда благополучно и сегодня отправляю въ городъ батюшку моего и старшихъ дѣтей, а сама переѣду на сихъ-же дняхъ, уже на житье въ городъ, къ моему мужу.

9.

Къ Петру Дмитріевичу Ж—ну.

25 ч. Генваря 1830 г. Тобольскъ.

Милостивый Государь Петръ Дмитріевичъ!

Не достаетъ только вашего пріѣзда, чтобы мы могли сказать вамъ: Вы побѣдили, рѣдкій и благороднѣйшій человѣкъ. Добрая Марья Александровна никогда не переставала любить васъ со всею горячностію; робкій и нерѣшительный ея характеръ былъ всегда единственною причиною тѣхъ горестей, кои она переносила со времени любви своей къ вамъ. Еще нынѣ, будучи уже совершенно независимою и въ лѣтахъ не пылкой уже молодости, но здраваго разсудка и благоразумія, она кажется не довѣряла-бы самой себѣ, есть-ли бы общій голосъ общества не говорилъ въ вашу пользу. Отчего и какъ сдѣлалась исторія вашей любви извѣстна тобольскому свѣту, я не умѣю вамъ сказать, потому что жила въ деревнѣ. Знаю, что мужъ мой никогда не любитъ говорить о томъ, что не до него касается, въ скромности почтамта не смѣю сомнѣваться, только скажу вамъ, что особы, которыя интересуются знать о судьбѣ Марьи Александровны, и лично и письменно обременили мужа моего вопросами и предугадываніемъ въ какой день долженъ придти отвѣтъ вашъ. Извѣстившись о семъ по увѣдомленію Ивана Павловича, я рѣшилась пожертвовать моимъ уединеніемъ дружбѣ.

15 числа пріѣхала въ Тобольскъ, и 16 числа получила ваше письмо, почтеннѣйшій нашъ другъ! Письмо

ваше исполнено свойственнаго вамъ благоразумія и необыкновенной въ нынѣшнемъ вѣкѣ доброты и благородства чувствъ вашихъ. Мы съ мужемъ радовались, находя въ васъ всѣ тѣ качества, безъ коихъ будущій супругъ Марьи Александровны не могъ-бы составить счастья ея жизни. Послѣднее письмо ваше заставило насъ рѣшиться дѣйствовать уже открыто и прямо противъ всего того, что могло воспрепятствовать, или снова разорвать союзъ вашъ. И какъ я вооружилась противъ васъ въ послѣднемъ письмѣ моемъ, подобнымъ-же образомъ напала на милую Марью Александровну, и сколько не люблю ее, но сказала, что двухмѣсячной дружбы не промѣняю на дружбу двадцатилѣтнюю, и что, есть-ли она еще будетъ колебаться, то уже не должна жаловаться на сердечныя горести, которыя переносила и будетъ переносить. Ваша вѣрность, нѣжная къ ней любовь, а наипаче собственное ея сердце принадлежитъ уже вамъ! Вы женихъ, избранный ею еще въ цвѣтѣ нѣжной молодости. Вы женихъ, пріѣзда коего она дожидаетъ съ нетерпѣніемъ. Ваши дѣти уже принадлежатъ ей и она готова прижать ихъ съ горячностію къ своему сердцу. Вы будущій супругъ ея, которому она ввѣряетъ счастіе дней своихъ, вы супругъ, которому она вручитъ свою свободу, независимость, имѣніе. — Вотъ все, что я могу сказать въ отвѣтъ на письмо ваше, и есть-ли послѣ этого вы еще не пріѣдете, есть-ли бракъ вашъ по причинѣ Великаго поста придется отложить до Апрѣля, то мудрено-ли, что новыя хитрости соткутъ непроницаемую между вами завѣсу и навѣки разлучатъ два сердца, созданныя одно для другого. Не наше дѣло входить въ родственныя связи и говорить о томъ, что до насъ не касается. Въ отношеніи-же здѣшняго общества смѣю увѣрить васъ, что цѣлый городъ почти ожидаетъ пріѣзда того человѣка, которому Марья Александровна рѣшилась поручить счастіе своей жизни.—

Вы обидите насъ, есть-ли остановитесь въ другомъ домѣ. Сего прошу отъ васъ въ знакъ той дружбы, которую вы имѣете къ намъ. Для васъ именно я ускорила переѣздъ мой, хотя по собственнымъ моимъ обстоятельствамъ я намѣревалась уже переѣхать въ городъ. Я ускорила мой переѣздъ, какъ только поняла, что теперь для чести Марьи Александровны и для васъ не должно дѣлать тайны изъ любви, основанной на благороднѣйшихъ чувствахъ. Съ каждымъ днемъ мы ожидаемъ вашего пріѣзда, и радуемся, что Марья Александровна укрѣпилась въ той постоянной твердости духа, которая нужна въ теперешнемъ ея положеніи. Она не скрываетъ уже ни отъ кого, что любила и любитъ васъ. Между тѣмъ ни она, ни мы не знаемъ, гдѣ ваши дѣти? Жива-ли ваша маменька? Я не спрашиваю васъ о семъ и теперь, потому что ожидаю вашего пріѣзда и въ семъ ожиданіи остаюсь съ истиннымъ моимъ къ вамъ почтеніемъ, всегда вамъ готовая къ услугамъ М. Менделѣева.

Отъ 3-го Марта 1830 г. есть письмо Марьи Александровны Ж—ной къ М. Д. Менделѣевой изъ Уфы, въ которомъ Ж—на пишетъ, что „счастлива любовью своего мужа“, и не можетъ „безъ слезъ писать“, потому что Марья Дмитріевна была ей „какъ мать родная“, и „покуда жива она не забудетъ“ старанія Марьи Дмитріевны „сдѣлать ее счастливой“. Подписано: „Навсегда вамъ вѣрный другъ Марья Ж—на“.

ПИСЬМА ИВАНА ПАВЛОВИЧА МЕНДЕЛѢЕВА,

ОТЦА ДМИТРІЯ ИВАНОВИЧА МЕНДЕЛѢЕВА,

КЪ КАПУСТИНЫМЪ.

1.

16 Іюня 1839. Тобольскъ *.

Любезнѣйшіе мои Яковъ Семеновичъ и Катинька! Будьте здоровы и благополучны. Господь съ Вами. Благодарю усерднѣйше за письма. Меня старика извините, что рѣдко и мало пишу. Право не знаю, что Вамъ сказать и объ чемъ поговорить? Меня теперь крайне заботитъ жалкое состояніе бѣднаго моего Ванюши; не знаю, какъ его вызвать, или достать изъ Москвы сюда. Пусть онъ учится подъ надзоромъ родительскимъ, а намъ не хочется, чтобы онъ служилъ по времени по межевой части, гдѣ служащіе, находясь всегда, или большею частію на открытомъ воздухѣ, нерѣдко согрѣваются искусственно. Межемѣрная часть, какъ говорятъ въ Тамбовѣ, пьяная часть; слѣд. боязно. Доколѣ жизнь продлится, ненадобно терять изъ виду дѣтей, особливо, когда они не укрѣпились въ нравственности и не укрѣпили своего характера. Я всегда боялся за дѣтей отъ 15—25, или 22 лѣтъ; и моя боязнь къ несчастію моему сбывается и

* Почеркъ Ив. Павл. Менделѣева довольно мелкій, сжатый и убористый, похожъ на старо-славянскій по характеру буквъ, очертанія ихъ острыя и твердыя. Почти всѣ его письма написаны на маленькихъ четвертушкахъ бумаги.

на самомъ дѣлѣ на моемъ сынѣ. Впрочемъ я не совсѣмъ отчаяваюсь въ своемъ Ванюшѣ; онъ правда, пакостливъ какъ кошка, а трусливъ какъ заяцъ и плаксивъ; слѣд. предполагать надобно, что сердце его еще не окаменѣло и не огрубѣло совершенно въ порокахъ. Счастливъ тотъ, кто никогда не спотыкался; но и въ томъ еще не должно отчаяваться, кто упалъ, но старается встать и впредь ходить осторожнѣе и прямѣе. Изъ писемъ видно, что мой Ванюша оплакиваетъ свое прежнее плохое поведеніе и обѣщается быть впередъ осторожнѣе. Это теперь мнѣ только и утѣшеніе. Поплакано уже довольно. Ожидаю писемъ отъ него, которыя покажутъ, чего надобно будетъ держаться и что предпринимать. Во всемъ да будетъ воля Божія. Людскіе замыслы обширны; но предназначеніе Божіе непремѣнно. Прощайте—будьте благополучны. Поцѣлуйте за меня вашу Катиньку Яковлевну и Сеничку, которому желаю успѣха въ ученіи и поведеніи. Христосъ Господь Богъ съ Вами. Вашъ старикъ Иванъ Менделѣевъ.

2.

28 ч. Іюля 1839. Тобольскъ.

Любезнѣйшіе мои Яковъ Семеновичъ и Катинька! Христосъ Господь надъ вами со всѣми вашими дѣтками! Мы живы и здоровы, чего душевно желаю и вамъ всѣмъ. О новостяхъ не услышите отъ меня ничего; кромѣ, что дождь идетъ уже нѣсколько дней сряду. Погода стоитъ холодная; огурцы у насъ дороги; я до нихъ охотникъ. Къ просьбѣ моихъ домашнихъ о семъ произрастеніи и я свою къ Вамъ пріобщаю, если только можно; а къ невозможному никто не обязывается, учитъ насъ Естественная юриспруденція. Прощайте — цѣлую Васъ мысленно,—писать болѣе некогда. Уже било давно 12 часовъ. Вашъ старикъ Иванъ Менделѣевъ.

3.

Тобольскъ — 16 Января 1842 года.

Любезнѣйшіе мои, Яковъ Семеновичъ, Катинька, Катинька и Олинька!

Христосъ Господь Богъ да хранитъ всѣхъ Васъ въ здравіи, мирѣ и благополучіи. Я со своими здѣсь здоровы; мои студенты мундирные ѣздятъ въ гимназію * и учатся изрядно; каждый вечеръ, кромѣ Воскресенья, ходитъ къ нимъ учитель изъ уѣзднаго училища. Фабрика, въ отсутствіе матери **, пущена въ дѣйствіе и слышно, что тамъ все благополучно. Вчерась, т. е. 15 числа Января, отправилъ въ Екатеринбургъ 12 возовъ съ посудою на удачу, куда по возвращеніи матери надобно самому отправиться, чтобы хлопотать. Изъ Ялуторовска вѣстей добрыхъ нѣтъ, хотя и получились три письма въ теченіи недѣли. Тамъ плачъ и скорбь. Жалка бѣдная наша Олинька! Изъ числа кредиторовъ покойнаго зятя Андреевы, что живутъ въ Ишимѣ, уже успѣли за 2.000 р. по векселямъ, коимъ срокъ въ Мартѣ, заставить городничаго приступить къ описи имѣнія движимаго, или недвижимаго, а о поддержаніи заведеній никто кажется и не думаетъ, хотя это первый и единственный источникъ погасить долги.—*** Отъ 13 числа пишутъ, что Марья Дмитріевна со всѣми, въ томъ числѣ и Оля, выѣдетъ въ Тобольскъ, дабы положительно установить: кто наслѣдуетъ имѣніемъ, и какъ расплатиться съ долгами и собрать разсѣянное, то по обязательствамъ, то по однѣмъ домовымъ запискамъ. Черезъ письма и просьбы это дѣлать трудно и медленно—лучше дѣлать однажды и рѣ-

* Слѣдовательно Дмитрій Ивановичъ 8 лѣтъ былъ уже въ гимназіи.

** Марья Дмитріевна была на похоронахъ зятя Медвѣдева въ Ялуторовскѣ.

*** Иванъ Павловичъ тоже употреблялъ точку и тире.

Иванъ Павловичъ Менделѣевъ, отецъ Дмитрія Ивановича.

Со стариннаго портрета масляными красками.

шительно. Теперь приближается Ирбитская ярмарка, гдѣ сбытъ товарамъ и заготовленіе вновь. Кажется занадобится вступиться и дѣйствовать неотлагательно. Теперь до пріѣзда старухи, которой дай Богъ только здоровья, я здѣсь ничего не могу предпринять, кромѣ того, что какъ разсвѣтетъ поѣду къ Пиленкову, и къ Петру Дмитріевичу, * чтобы первому разсказать всѣ каверзы Андреевыхъ, а послѣдняго попросить, чтобы онъ покамѣсть изъ подъ руки, все разсказалъ губернатору. Замѣтивъ пріемы того и другого, и сообразивъ все и самъ придумаю, что надобно дѣлать. Не спросясь броду, не должно соваться въ воду; — слѣд. по возвращеніи домой опять что нибудь припишу здѣсь,—а теперь покамѣсть прощайте,—будьте здоровы,—спите благополучно: только что ударило пять часовъ, — мои еще всѣ спятъ, а отъ меня бѣжитъ сонъ.

Въ 1-мъ часу пополудни.

Говорятъ, что надобно терпѣть покамѣсть и дѣйствовать. Дай Богъ, чтобы Олинька пріѣхала съ матерью. Пиленковъ благороденъ; онъ готовъ сдѣлать добро. Петръ Дмитріевичъ совѣтуетъ жаловаться прокурору и губернатору, что стряпчій допустилъ до притѣсненія; но я до воскресенья все отлагаю и вмѣстѣ надѣюсь, что добрѣйшій Яковъ Семеновичъ напишетъ что нибудь къ этимъ господамъ. Ради Бога не оставьте Олиньку и насъ своими совѣтами въ этихъ обстоятельствахъ. Богъ и добрые люди все могутъ сдѣлать. Наконецъ цѣлую всѣхъ Васъ заочно. Вашъ старикъ Иванъ Менделѣевъ.

4.

21 Января 1842 года.

Любезнѣйшіе мои, Яковъ Семеновичъ, Катинька, Катинька и Оля! — Будьте всѣ здоровы и благополучны,—

* Жилинъ, хорошій знакомый. Пиленковъ родственникъ Медвѣдева.

а вмѣстѣ съ тѣмъ отъ души радуюсь, что Катинька Я. избираетъ себѣ въ супруги многоуважаемаго, многодостопочтеннаго Карла Казиміровича, отъ души желаю, чтобы начинающееся дѣло привелъ Богъ къ счастливому окончанію, и чтобы по совершеніи онаго были счастливы. А чтобы этого достигнуть, не излишне будетъ имъ обоимъ приняться за хозяйство, учиться не по теоріи—разсчетамъ, а на практикѣ, занадобится думать и о черномъ днѣ. Знаю, что достопочтеннѣйшій Карлъ Казиміровичъ это и безъ меня знаетъ, но это говорю Катинькѣ, которую мы любимъ, и желаемъ ей того счастья, какого только всѣ люди въ семъ мірѣ себѣ желать могутъ. Не осудите, что старикъ прямикомъ говоритъ.—Прощайте.—Господь Богъ да хранитъ всѣхъ Васъ въ мирѣ и тишинѣ, и здравіи. Мое глубочайшее почтеніе всѣмъ, кто старикомъ не гнушается, въ особенности Карлу Казиміровичу и Юлію Ивановичу *, коимъ обоимъ напомнить прошу о Von Minnchen; одинъ уже измѣняетъ, какъ видно по ходу дѣла. Боюсь, чтобы и другой этого-же не сдѣлалъ. Они оба погрузятъ ее въ глубочайшій трауръ. Вашъ старикъ И. Менделѣевъ.

Поздравляю любезнѣйшаго новорожденнаго Якова Семеновича со днемъ рожденія, заочно цѣлую его и испрашиваю у Вседержителя вселенной милости Его на всѣхъ Васъ. Поздравляю съ симъ днемъ и Васъ, милыхъ Катенекъ, Олю и прочихъ, а кого сами догадаетесь.

5.

Тобольскъ. 7 іюля 1844 года.

Здравствуйте, мои любезнѣйшіе!

Будьте всѣ здоровы, благополучны и веселы, и да почиваетъ надъ Вами миръ и благословеніе Божіе во вѣки.

* Докторъ Штубендорфъ.

6-го числа во 2-мъ часу я съ Полинькою возвратились благополучно изъ Аремзянки, а зачѣмъ туда ѣздили Вамъ извѣстно. И такъ благодареніе Богу Всещедрому, что Онъ, по милосердію Его къ намъ грѣшнымъ, удостоилъ совершить освященіе храма, къ воздвигнутію котораго и мы всѣ нѣсколько, по мѣрѣ силъ каждаго изъ насъ, содѣйствовали и въ величественномъ и трогательномъ торжествѣ семъ участвовали, или лично, или мысленно. Я вѣрю, что и Вы всѣ съ нами были, по крайней мѣрѣ я во всѣ три освященія, т. е. 2 іюля за раннимъ и позднимъ, и 3-го числа за раннею литургіею и позднимъ освященіемъ, изъ которыхъ позднія совершалъ самъ преосвященнѣйшій соборне, въ первый день съ шестью, а во второй день съ четырьмя протоіереями и священниками, видѣлъ Васъ мысленно молящихся вмѣстѣ со множествомъ другихъ о ниспосланіи Всесвятого Духа на истинно вѣрующихъ и участвовавшихъ въ сооруженіи довольно красиваго храма, судя по средствамъ и сельскому быту. Народу было во всѣ три дня, т. е. въ субботу у всенощной, воскресенье и понедѣльникъ довольно много, такъ что, какъ нѣкоторые говорятъ, болѣе 2.000 человѣкъ; по крайней мѣрѣ это справедливо относительно воскреснаго освященія. Были весьма многіе изъ городскихъ жителей и изъ дальнихъ деревень. Преосвященнѣйшій во все свое пребываніе былъ веселъ, привѣтливъ, ласковъ и милостивъ; наградилъ нашего священника набедренникомъ, мѣстоположеніемъ восхищался; въ водахъ Аремзянки нѣсколько разъ купался; о ласкахъ его къ нашему семейству говорить нечего, я этого описывать не буду. Въ первый день говорилъ проповѣдь въ обыкновенное время за литургіею, а въ послѣдній сказалъ при выходѣ изъ церкви истинно пастырское наставленіе, простое и вмѣстѣ падающее на душу каждаго.—Крестьяне въ восхищеніи отъ него. Онъ былъ столь снисходителенъ, что

болѣе ста младенцевъ самъ пріобщилъ; я не говорю уже о томъ, что послѣ Евангелія въ оба всенощныя бденія всѣхъ мѵромъ самъ помазывалъ впродолженіи всего канона, даже до сугубой эктеніи. Дай Богъ ему здоровья! Сверхъ сего онъ прислалъ въ нашъ храмъ отъ своего усердія образъ за своей подписью, что будетъ всегдашнимъ памятникомъ. Погода стояла самая благопріятная; квартирою нашею былъ доволенъ; мы хотѣли съ Полею его провожать до Коноваловки, или до города, но онъ не согласился, видя, что мы и безъ того отъ суеты устали, что и дѣйствительно такъ было. Благодарю Господа Бога, что силы мои не ослабли; я со страхомъ ѣхалъ въ Аремзянку; боялся слечь въ постель, ибо чувствую, что дни житія моего здѣсь день ото дня приближаются къ концу; но вѣрю и уповаю, что Вседержитель сподобитъ меня исполнить послѣдній долгъ христіанина, какимъ я старался быть во всю свою жизнь, не изъ ханжества, но по внутреннему убѣжденію и вѣрованію. Конечно въ теченіе своей жизни премного огорчилъ и я Его благость, но вѣрю, что милосердію Его нѣтъ конца.—Но извините, мои любезнѣйшіе, что я отклонился отъ цѣли. Причиною этому трудное отдѣленіе мокроты съ кашлемъ. — Кто былъ у насъ изъ города гости, не знаю, я почти и народу не видалъ. Благодареніе Богу, вездѣ былъ порядокъ, тишина и пьянства не было замѣтно. Послѣ отъѣзда преосвященнаго, что было около 7 ч. послѣ полудня, мы возвратились въ домъ и улеглись спать, и спали очень пріятно отъ устатка. Съ архіереемъ была вся его свита: архимандритъ, три протоіерея и три священника. — Всѣ духовныя лица и пѣвчіе были угощаемы хлѣбомъ и солью у насъ, постой имъ былъ отъ прихожанъ и жителей села Аремзянки. Были даже изъ города торговцы съ пряниками и орѣхами, но кажется не много барыша получили, ибо народъ желалъ

лучше свой грошъ употребить на свѣчу, нежели на прихоть. Вотъ все, что пришло въ голову вамъ написать, извините, что не по порядку. Можетъ быть сестры напишутъ и подробнѣе, онѣ болѣе видѣли и замѣчали. У меня въ головѣ было многое, въ томъ числѣ всѣ Омскіе, Московскіе и старые мои родные, Тверскіе — живые и мертвые, и проч. Прощайте — будьте всѣ здоровы. Письма Ваши отъ 17 ч. получены. Радуюсь, что Сеничка пріѣхалъ благополучно. Ванюшу * прошу писать болѣе. Кажется онъ не читаетъ Плутарха, котораго прежніе любители просвѣщенія всѣ любили читать: ибо въ немъ очень, очень много хорошаго, хотя и не безъ вранья, которое попадается у многихъ. Надобно только дѣльное отличать отъ недѣльнаго; первому учиться, а послѣдняго убѣгать; надо подражать пчелѣ, которая съ разныхъ цвѣтовъ собираетъ сокъ и дѣлаетъ сладкій медъ. О, когда-бы мы, люди, этому насѣкомому умѣли подражать! Но къ сожаленію подъ рукою человѣка чистое и сладкое дѣлается горькимъ. Желаю всѣмъ Вамъ быть здоровыми и слышать отъ Васъ и обо всѣхъ Васъ пріятное.

Вамъ извѣстный старикъ Иванъ Менделѣевъ.

6.

Тобольскъ.—22 Ноября 1846.

Любезнѣйшіе Яковъ Семеновичъ, Катинька, Олинька, Ванюша и милые дѣти, будьте всѣ здоровы и благополучны.

Поздравляю Катиньку съ приближающимся днемъ ея Ангела, а всѣхъ прочихъ съ имянинницею и имянинницами. Дай Богъ, что-бы дни всѣхъ текли въ радости и долгоденствіи, а мы слыша отъ Васъ все это, по крайней мѣрѣ заочно-бы о Васъ не скорбѣли, а подъ старость

* Старшій сынъ, который уже служилъ въ Омскѣ.

и этого довольно. Не знаю, отчего нынѣ я чувствую сильнѣе огорченія, оттого-ли, что силы мои день ото дня умаляются, или отъ чего другого. Стараюсь побѣждать грустныя мысли, но онѣ силкомъ влѣзаютъ въ голову. Рѣдко, очень рѣдко навертываются веселыя минуты. Книги нынѣшнія меня мало занимаютъ. Началъ было читать 3-й томъ 100 русскихъ литераторовъ, но кромѣ немногихъ пьесъ этотъ томъ есть по моему мнѣнію почти пустая галиматья. Теперь читаю Кормчую книгу; она меня болѣе занимаетъ, потому что видишь въ ней, сколько церковь наша издавна заботится о мирѣ всего міра. Новостей у насъ нѣтъ; снѣгъ идетъ съ избыткомъ, по временамъ навертываются и вьюги. Каково-то дорожнымъ? Слава Богу, что Вы не пустили Олиньку *, а то ей привелось-бы въ ночи на 21 число поблудить по Вашимъ степямъ. Мать насилу уговорила ѣхать кучеровъ къ заутрени къ архіерею съ вечера, а Костя ** уѣхалъ на фабрику, да и теперь не ѣдетъ оттуда, оттого вѣроятно, что занесло снѣгомъ дороги. Что говорить о нашей проселочной дорогѣ, когда въ самомъ городѣ съ трудомъ можно ѣхать, а у насъ со двора надобно свозить снѣгъ дня два четверымъ. Вездѣ его нагребли кучи цѣлыя.— Прошедшую зиму всю его не было столько, сколько нынѣ въ началѣ зимы.—Машинька *** ходитъ съ своею ношею; чѣмъ то ихъ Господь Богъ обрадуетъ, а Вы своего Ванюшу берегите; не мучьте ради Бога много лѣкарствами Дуню. Хорошо, если лѣкарь потрафитъ, а не то надобно опасаться, чтобы матерія не бросилась къ глазамъ, и тогда надобно страшиться большаго. Я это говорю изъ опыта, который случился у братца Василія Дмитріевича съ его сынкомъ. Я уважаю лѣкарей; но кажется лучше-бы было,

---

* Дочь его.

** Служащій.

*** Младшая замужняя дочь.

Ванюшу за подарки; они немногоцѣнны, а
родителей по чувствамъ твоимъ. О ходѣ на-
скажу, что 18-го сего Декабря поставка
посуды въ аптеку по торгамъ осталась за нами,
на 1.000 серебромъ; дай Богъ, чтобы губер-
утвердилъ. Вотъ Вамъ мое извѣщеніе; а теперь
намѣреніе послать Вамъ по формѣ прошеніе
божденіи отъ повозныхъ денегъ по $28^1/_2$ к. с.,
рублю съ воза; ибо нашей посуды въ возѣ
ется по продажной цѣнѣ, не болѣе какъ на
рубл. асс., а берутъ съ контрактомъ и пропус-
около 1 р. 50 к. — Въ этомъ нѣтъ соразмѣрности,
паче, что велѣно брать съ купеческихъ возовъ по
а мы продаемъ свои издѣлія, не говорю о дру-
законахъ, коими воспрещено стѣснять промышлен-
Это дѣло по отдѣленію Якова Семеновича; слѣд.,
мои доводы не годны и у Васъ не уважатся, какъ
нашей думѣ и Губернскомъ правленіи, то скажите
слово, и я замолчу; а если сколько нибудь похо-
на дѣло, то я этимъ займусь и пришлю свою жа-
бницу. Повѣрьте, что мы болѣе 400 руб. пошлинъ
переплачивали въ годъ за пропуски нашихъ возовъ изъ
рода съ вощиками, тогда какъ наши купцы безпош-
инно, подъ собою, провозятъ въ Ирбить на тысячи
бѣлки, лисицъ и соболя. Правда наши возы озойны, ка-
исты, но малоцѣнны, подобны Крыловскимъ пузырямъ.
И такъ, вотъ Вамъ, господа, предложеніе на праздникъ;
полагаю, что Вы не оставите его безъ Вашего разсмот-
рѣнія, и не лишите просителя о Вашемъ мнѣніи увѣдо-
мить, тѣмъ паче, что это касается финансовыхъ вопро-
совъ, которые нынѣ у нашихъ финансистовъ въ боль-
Вамъ сказать не знаю, кромѣ
съ кѣмъ къ Вамъ послать. Она
двухъ недѣль, а изъ Омска

должны противорѣчить: это согласно и съ уставомъ церкви нашей. И такъ паки благодареніе Богу! Вотъ видите-ли, мои любезнѣйшіе, что у Вашихъ стариковъ теперь два родныхъ внука, родившіеся черезъ мѣсяцъ одинъ послѣ другого; слѣд. если Господь Богъ продлитъ намъ жизнь, можетъ быть будутъ вмѣстѣ учиться, рѣзвиться, и Богъ вѣсть, что изъ нихъ будетъ. „Будутъ, будутъ“, и судьба гласила, да и я позабылъ, что это не подражаніе, а списаніе. Право мнѣ стыдно старику, что высказываю то, что Вы всѣ кромѣ Ивана Капустина, Оли и Дуни, лучше меня знаете. Мнѣ хочется только этимъ Васъ всѣхъ порадовать и сказать, что Якова Семеновича желаніе сбылось надъ Машею. Какова она, не скажу ни слова; я ее видѣлъ и почти не видалъ. Мать и сестры почти у ней всегда. Паша и Митя вчерась вечеръ провели у нихъ.

Говорятъ, что Михаилъ Михайловичъ спитъ крѣпкимъ сномъ; а я имъ и Вашему-нашему Ивану говорю, что въ эти годы и должно спать болѣе; а придетъ время имъ, какъ и Вамъ теперь, вставать время, если доживетъ до этихъ лѣтъ. — Семенъ здоровъ — математика его требуетъ лекарства — на этихъ дняхъ приглашу Руммеля. Прощайте. Богъ со всѣми Вами. — Слава Богу, походъ на посуду начался, сказать въ добрый часъ. Поговорите-же Вашему откупщику о семъ. Вашъ старикъ И. Менделѣевъ.

8.

Тобольскъ. 24 Декабря 1846.

Любезнѣйшіе мои!

Будьте всѣ благополучны, здоровы; съ веселіемъ и радостію встрѣтить свѣтлый праздникъ, провождать оный безмятежно, окончить нынѣшній годъ счастливо. Вотъ Вамъ мое и поздравленіе; на большемъ не взыщите.

Благодарю Ванюшу за подарки; они немногоцѣнны, а дороги для родителей по чувствамъ твоимъ. О ходѣ нашихъ дѣлъ скажу, что 18-го сего Декабря поставка аптечной посуды въ аптеку по торгамъ осталась за нами, всего почти на 1.000 серебромъ; дай Богъ, чтобы губернаторъ утвердилъ. Вотъ Вамъ мое извѣщеніе; а теперь есть у меня намѣреніе послать Вамъ по формѣ прошеніе объ освобожденіи отъ повозныхъ денегъ по $28^1/_2$ к. с., или по 1 рублю съ воза; ибо нашей посуды въ возѣ помѣщается по продажной цѣнѣ, не болѣе какъ на 50 — 80 рубл. асс., а берутъ съ контрактомъ и пропускомъ около 1 р. 50 к. — Въ этомъ нѣтъ соразмѣрности, тѣмъ паче, что велѣно брать съ купеческихъ возовъ по рублю; а мы продаемъ свои издѣлія, не говорю о другихъ законахъ, коими воспрещено стѣснять промышленность. Это дѣло по отдѣленію Якова Семеновича; слѣд., если мои доводы не годны и у Васъ не уважатся, какъ въ нашей думѣ и Губернскомъ правленіи, то скажите мнѣ слово, и я замолчу; а если сколько нибудь походятъ на дѣло, то я этимъ займусь и пришлю свою жалобницу. Повѣрьте, что мы болѣе 400 руб. пошлинъ переплачивали въ годъ за пропуски нашихъ возовъ изъ города съ вощиками, тогда какъ наши купцы безпошлинно, подъ собою, провозятъ въ Ирбить на тысячи бѣлки, лисицъ и соболя. Правда наши возы озойны, казисты, но малоцѣнны, подобны Крыловскимъ пузырямъ. И такъ, вотъ Вамъ, господа, предложеніе на праздникъ; полагаю, что Вы не оставите его безъ Вашего разсмотрѣнія, и не лишите просителя о Вашемъ мнѣніи увѣдомить, тѣмъ паче, что это касается финансовыхъ вопросовъ, которые нынѣ у нашихъ финансистовъ въ большомъ ходу. — Что еще Вамъ сказать не знаю, кромѣ того, что рыбу Вашу не съ кѣмъ къ Вамъ послать. Она лежитъ въ амбарѣ болѣе уже двухъ недѣль, а изъ Омска

нѣтъ никого, или по крайней мѣрѣ мы никого не видимъ. Погода у насъ перемѣнчива; снѣгу столько, что мы могли-бы подѣлиться съ тѣми странами, гдѣ въ немъ нуждаются, а особливо съ Римомъ, гдѣ столь много прежде выходило денегъ на папскій дворъ. Но полно и о семъ. Прощайте, любезнѣйшіе. Цѣлую всѣхъ заочно и всѣмъ низко кланяюсь. Вашъ старикъ отецъ Иванъ Менделѣевъ.

Съ этою почтою посылается особо къ Вамъ посылка.

9.

8 Апрѣля 1847 года. Тобольскъ.

Любезнѣйшіе мои! Отъ 1-го числа сего мѣсяца писемъ отъ Васъ еще не получили; а потому Николая Васильевича *, Олиньку и Васъ не поздравилъ съ окончаніемъ дѣла. О себѣ скажу, что сижу дома, борясь съ злодѣйскою скукою. Нога моя, кажется, поправилась, ибо я ее уже третьи сутки не свидѣтельствовалъ; за то грудь моя доняла меня и заставила прибѣгать и къ піявкамъ и къ горчишнику. Теперь чувствую въ себѣ слабость не малую, но Богъ милосердъ. Прощайте. — Господь Богъ со всѣми Вами. — Дѣтей мысленно цѣлую. Вашъ старикъ Ив. Менделѣевъ.

10.

Тобольскъ. 11 Апрѣля 1847.

Любезнѣйшіе Яковъ Семеновичъ и Катинька!

Благодарю усерднѣйше за Ваши труды и хлопоты въ устройствѣ Олиньки. Благодарю за поздравленія. Съ нашей стороны теперь остается только желать, что-бы наши новобрачные другъ друга любили, уважали и на-

* Басаргина, зятя своего, декабриста.

слаждались здравіемъ и благополучіемъ. Милыхъ Олю, Дуню и Ванюшу заочно благословляю и цѣлую. Карла Казиміровича и Екатерину Яковлевну благодарю за провожаніе Олиньки. — Новостей отъ меня не ждите. — Погода у насъ стоитъ и ясная, и теплая; снѣгъ примѣтно гибнетъ. Мое здоровье поправляется, а кашель все еще мучитъ. Мокрота въ груди иногда меня тяготитъ; но это ничто иное, какъ старость, которая сама по себѣ уже есть болѣзнь. Каковъ-то Вашъ Ванюша, а мой крестникъ? Миша мальчишка недурной. Прощайте, мои милые; ради Бога не сердитесь, что мало пишу.—Что то въ голову ничего добраго нейдетъ. Цѣлую всѣхъ Васъ мысленно. Вашъ старикъ Иванъ Менделѣевъ.

11.

Тобольскъ. 6 Мая 1847 года.

Любезнѣйшіе мои Николай Васильевичъ и Олинька! Будьте здоровы и благополучны во вѣки вѣковъ. Благодарю усерднѣйше за письма. Не сердитесь на старика, что рѣдко пишу и мало. Причиною тому и хворость, и недостатокъ происшествій, о коихъ-бы слѣдовало Васъ извѣщать; а о житьѣ-бытьѣ своемъ писать нечего. Мы старики обыкновенно кашлемъ начинаемъ и оканчиваемъ свое дневное дѣйствованіе. Но не подумайте, что я все еще хвораю: нѣтъ.—Благодареніе Богу! Теперь мое здоровье почти поправилось совершенно. Скучно быть больнымъ, хотя и болѣзни многому насъ научаютъ, и особливо нужнѣйшимъ въ жизни добродѣтелямъ: терпѣнію и упованію на Бога, безъ коихъ человѣкъ въ мірѣ семъ нигдѣ и ни въ чемъ не нашелъ-бы себѣ мира и покоя.

Да! Скоро будетъ и 9-е Мая. Если Николай Васильевичъ въ этотъ день имянинникъ, то привѣтствую усерднѣйше его со днемъ Ангела и поздравляю Олиньку съ

дорогимъ имянинникомъ, съ сердечнымъ Вамъ обоимъ моимъ желаніемъ, да будете всегда благополучны, здоровы и веселы.

Повѣрьте, мои любезнѣйшіе, хотѣлось-бы взглянуть на Васъ; но сбудется-ли это желаніе, Единому Богу извѣстно. Прощайте, мои милые. Поклонитесь отъ меня Якову Семеновичу, Катинькѣ, Ванюшѣ, милыхъ дѣтей поцѣлуйте за меня, — знакомымъ кланяйтесь, и извините за малописаніе. Право нейдетъ ничего въ голову, кромѣ какъ увѣдомить Васъ, что у насъ 1-е Мая было порядочное, а послѣ, особливо 4-е и 5-е число были настоящіе Октябрскіе дни. Сегодня еще не былъ на дворѣ. Прощайте еще. — Господь Богъ со всѣми Вами.

Вашъ старикъ Иванъ Менделѣевъ *.

---

* Это послѣднее, найденное мною письмо Ивана Павловича. Онъ скончался въ этомъ-же 1847 г. 13-го Октября.

ПИСЬМА ДЯДИ Д. И. МЕНДЕЛѢЕВА ВАСИЛІЯ ДМИТРІЕВИЧА КОРНИЛЬЕВА КЪ КАПУСТИНЫМЪ (И ОДНО ПИСЬМО ЖЕНЫ ЕГО КЪ ЕКАТЕРИНѢ ИВАНОВНѢ МЕНДЕЛѢЕВОЙ).

1.

2 Марта 1838. Москва.

Любезная Катинька! Ты не повѣришь, какъ мнѣ грустно, что мой добрый Василій Дмитріевичъ уѣхалъ вотъ уже недѣля. Всегда такъ случается, когда поѣдетъ, сдѣлается оттепель, но это можно было ожидать, сколько я просила ѣхать въ Генварѣ, рѣки меня ужасаютъ, я ночи не могу спать отъ страха, все просыпаюсь и думаю, что-то съ нимъ. Болѣзнь Мити * насъ очень огорчила, я все думала о бѣдной сестрицѣ, я это чувство очень понимаю, каково матери видѣть страданіе дѣтей. Отъ 14-го Февраля письмо меня обрадовало, что опасность прошла. Мнѣ пріятно читать твои письма и впередъ пиши чаще и подробнѣе. Ты знаешь, какъ дядинька твой любитъ Сибирь и ему всѣ подробности пріятны. Мнѣ весьма пріятно, что тебѣ понравилось посланное тебѣ платье. Прощай, милая Катинька. Христосъ съ тобой. Кланяйся сестрицѣ Маріи Дмитріевнѣ и Ивану Павловичу и сестрицамъ своимъ. Моя милая Катинька, пиши больше. Прощай, цѣлую тебя другъ мой. Надежда Корнильева.

---

* Дмитрій Ивановичъ Менделѣевъ перенесъ натуральную оспу въ Аремзянкѣ 4-хъ лѣтъ и три дня ничего не видѣлъ, былъ при смерти.

1.

Милая Катинька!

Прилагаю письмо къ сестрицѣ, но не отдавай его тотчасъ, а прежде приготовь твою маминьку, что *Ванюша* надѣлалъ много шалостей и что теперь у меня. Твои маминька и папинька должны знать обо всемъ подробно, и я пишу къ нимъ, но все лучше, когда ты предваришь и приготовишь.—Ты успокаивай родителей, что Ванюшу я люблю, и вполнѣ надѣюсь, что онъ исправится. — И точно я увѣренъ въ этомъ. Теперь спрашиваю ихъ мнѣнія, отдать-ли его въ Межевой институтъ, или не обратиться-ли въ гимназію. Ванюша очень раскаивается. И такъ, другъ мой, слегка приготовь маминьку и папиньку, и тогда отдай имъ письмо мое. Христосъ съ тобою. Цѣлую тебя. В. Корнильевъ.

2.

3 Майя 1839. Москва.

Милые друзья мои Катинька и Яковъ Семеновичъ, съ большимъ удовольствіемъ получилъ отъ васъ извѣстіе о совершившемся бракѣ. Да благословитъ Васъ Создатель во всѣ дни жизни. Взаимная любовь и полная другъ къ другу довѣренность съ уступчивостью суть необходимыя условія счастливаго супружества. Я увѣренъ, что оно будетъ таково.—Повѣрьте, любезный Яковъ Семеновичъ, что съ той минуты, въ которую вы сдѣлались мужемъ милой нашей Катиньки, вы уже принадлежите къ нашему семейству. Надѣюсь больше говорить съ вами въ будущихъ письмахъ, а вы не забывайте насъ своими.

Прощайте, друзья мои. Обнимаю васъ въ мысляхъ. Христосъ съ вами.

Искренне васъ любящій другъ и дядя В. Корнильевъ.

Благодарю васъ много, много за присланную книгу Петра Андреевича Словцова, сію минуту мною получен-

ную. Я взглянулъ въ конецъ оной и жалѣю, что о предкахъ нашихъ онъ помянулъ слегка. Они первые начали возводить фабрики въ Тобольскѣ бумажную и хрустальную. Типографія заведена ими въ 1787 году въ одно время съ Франклиномъ въ Америкѣ. Газета Иртышъ начала издаваться съ 1789 года, печатались и другія книги. А по привиллегіи имъ данной, дозволено имъ купить 200 душъ крестьянъ. Можетъ быть всѣхъ этихъ подробностей не будетъ-ли изложено въ слѣдующихъ книгахъ. Если вы, любезный Яковъ Семеновичъ, знакомы съ Петромъ Андреевичемъ Словцовымъ, то засвидѣтельствуйте ему искреннее мое почтеніе, я впередъ увѣренъ, что книги его доставятъ мнѣ самое пріятное чтеніе.

3.

1 Іюля 1839. Москва.

Благодарю васъ, любезные друзья, Катинька и Яковъ Семеновичъ за письма отъ 9-го Іюня. Радуюсь, что вы здоровы и счастливы. Любите другъ друга, имѣйте взаимную полную довѣренность, никогда не ропщите на судьбу, — тогда спокойствіе и счастіе ваши вѣрны. — Я знаю, какъ много огорчило васъ поведеніе Ванюши, но это было слѣдствіе первыхъ впечатлѣній молодости. Его баловали, съ него не взыскивали и у него развился постепенно зародышъ нравственной болѣзни. Болѣзнь нравственная совершенно схожа съ физическою. Чтобы очистить отъ нечистоты кровь, прибѣгаютъ къ сильнымъ средствамъ и нарывами изгоняютъ нечистоты. Точно такъ и въ нравственной болѣзни, надобно, чтобы созрѣвалъ нарывъ пороковъ, и къ счастію онъ созрѣлъ въ Ванюшѣ тогда, какъ онъ былъ еще въ зависимости, не на своей волѣ. Я описалъ ему все подробно, что его ожидаетъ, мнѣ нельзя было скрывать, хотя я и не зналъ, какой успѣхъ будетъ отъ моего леченія. Но у него явилось къ

счастью раскаяніе, ужасъ, пламенное стремленіе загладить прошедшее — все это были слѣдствія испытаннаго имъ кризиса. Я радуюсь и благодарю Бога. Ванюша теперь спасенъ. Я расположился помѣстить его въ Межевой институтъ, откуда черезъ два года выйдетъ онъ землемѣромъ, а черезъ нѣсколько лѣтъ можетъ получить мѣсто землемѣра губернскаго, слѣдственно будетъ полезенъ своему семейству въ полномъ смыслѣ сего слова. Дорога выгодная и особливо нынѣ, когда обращено на эту часть все вниманіе правительства. Сестрицѣ и Ивану Павловичу надобно-бы благодарить за сіе, но они Богъ знаетъ, что думаютъ, и непремѣнно требуютъ, чтобы я выслалъ Ванюшу въ Тобольскъ. Что-же изъ сего выйдетъ, они погубятъ его отъ слѣпой любви своей. Прошедшаго не воротишь, надобно думать о будущемъ, и я на ихъ мѣстѣ писалъ-бы Ванюшѣ, что не хотятъ видѣть его до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ сего достоенъ, но они призываютъ его къ себѣ. Я писалъ имъ обо всемъ этомъ мои мысли, отвѣта еще не имѣю, но когда получу еще разъ выражаемое ими настоятельное желаніе объ отправленіи имъ сына, то въ концѣ Августа съ горестью сіе выполню. Сестрица отказывается жить въ Аремзянкѣ, право я не понимаю ее, и все надѣюсь, что она перемѣнитъ свои мысли. — Прощайте, друзья мои, обнимаю васъ обоихъ съ нѣжностью и остаюсь на всю жизь вѣрнымъ вашимъ другомъ. В. Корнильевъ.

4.

20 Генв. 1843. Москва.

Милая Катинька! Благодарю тебя за письмо, и отъ себя и отъ Нежиньки * и дѣтей, поздравляемъ тебя съ Новымъ годомъ и желаемъ тебѣ, Якову Семеновичу, вашимъ троимъ милымъ сердцу дѣтямъ и Ванюшѣ всего

* Жена Василія Дмитріевича Надежда Осиповна.

лучшаго въ мірѣ.—Грѣшно было-бы всѣмъ вамъ и сестрицѣ моей сердиться, что рѣдко пишу. Отлучки, дѣла, хлопоты отнимаютъ все время, но кажется всѣ вы, друзья мои, можете быть увѣрены, что я постоянно и искренне люблю васъ. — Радуюсь, что Ванюша началъ служить хорошо и получаетъ награды. Дай Богъ, чтобы онъ свыкся съ трудомъ и въ трудѣ находилъ все утѣшеніе, и я увѣренъ, что онъ тогда пойдетъ далеко и будетъ счастливъ.—Здѣсь теперь княгиня Горчакова и мы часто видаемъ ее съ дочерью въ Университетѣ на лекціяхъ у профессора Шевырева, который такъ краснорѣчиво разсказываетъ намъ о древней нашей Руси. До сихъ поръ было 10 лекцій и аудиторія всегда полна, до 50 дамъ постоянныхъ слушательницъ. — Насъ утѣшаетъ также итальянская опера. — Пѣвецъ Сальви превосходенъ. — Твой папинька прислалъ мнѣ деньги для покупки книгъ, я и позабылъ совершенно, съ этой почтой постараюсь ему выслать. Не понимаю, какъ они изъ моего молчанія могутъ выводить Богъ знаетъ что. При огнѣ я не занимаюсь, днемъ безпрестанно что нибудь мѣшаетъ, и такъ часы и дни бѣгутъ непримѣтно, не успѣешь оглянуться, а ужъ мѣсяцъ пролетѣлъ. Прощай, милый другъ, Катинька, цѣлую тебя заочно, и усердно кланяюсь Якову Семеновичу. Остаюсь на всю жизнь вѣрный твой другъ Василій Корнильевъ.

5.

Москва. 26 Іюля 1844 г.

Милые друзья мои Катинька, Ванюша и Яковъ Семеновичъ, благодарю васъ, что вы всегда извѣщаете о себѣ. Получать письма ваши всегда намъ пріятно. Только, ради Бога, не сѣтуйте, что мы рѣдко вамъ пишемъ. Хлопотъ много, и не знаешь, какъ дни проходятъ. Почти три мѣсяца мы живемъ въ Сокольникахъ, надъ нами

добрые наши Глинки. Я получилъ отъ сестрицы и Ивана Павловича описаніе освященія храма въ селѣ Аремзянскомъ. Благодарю Создателя, что святое это дѣло совершилось. Въ письмахъ изъ Томска, вѣрно, ошибочно вложено письмо, слѣдующее въ Омскъ, которое у сего и прилагаю. — Въ прошедшій вторникъ полковникъ Маршаль у насъ обѣдалъ, и черезъ мѣсяцъ собирается въ обратный путь. Прощайте, милые друзья, моя Нежинька и дѣти искренно вамъ кланяются, и я заочно всѣхъ васъ обнимаю и остаюсь на всю жизнь вѣрный вашъ другъ В. Корнильевъ.

ПИСЬМО БРАТА Д. И. МЕНДЕЛѢЕВА ИВ. ИВ. МЕНДЕЛѢЕВА КЪ КАПУСТИНЫМЪ *.

16-е ч. Іюля 1840. Тобольскъ.

Дражайшій любезнѣйшій папенька! и любезнѣйшія сестрицы Катенька, Поленька, Маша! и Любезный Яковъ Семеновичъ! Что буду писать? Однѣ печальныя мысли наполняютъ сердце, потеря вашей маленькой Машеньки уже невозвратна и мы стараемся не грустить, одно только безпокоитъ за добрую нашу родную Катеньку. Мы здоровы. Сперва мы было дожидались возвращенія папеньки, но теперь перестали дожидаться, зная, что это время будетъ пріятно для Катеньки и Якова Семеновича, если онъ побудетъ у нихъ. На дняхъ дожидаемъ Оленьку, Ивана Петровича и Лизаньку. Прощайте, желаю быть здоровымъ и совершенно спокойнымъ. Прошу вашего родительскаго благословенія и цѣлую ручки, и цѣлую васъ. Остаюсь любящій васъ Ив. Менделѣевъ.

* Писалъ 16-ти лѣтъ вполнѣ грамотно и почеркомъ взрослаго человѣка.

ПИСЬМА СЕСТЕРЪ Д. И. МЕНДЕЛѢЕВА КЪ ЕК. ИВ. КАПУСТИНОЙ.

1. ПИСЬМА АПОЛЛИНАРІИ ИВАНОВНЫ МЕНДЕЛѢЕВОЙ.

1.

11-е Августа 1839 *.

Поздравляю съ новорожденной **, она теперь у обѣдни. Катенька, она не пишетъ тебѣ съ нынѣшней почтой, прости ее, она съ будущей будетъ писать. Ахъ, какъ она была рада твоему маленькому подарку, признаюсь, я-бы была тоже рада. Прошу ее, чтобы она подарила мнѣ, но она не соглашается, я-бы желала въ своемъ альбомчикѣ имѣть такую гитару ***. Посылаю обращикъ ситцу, какого мнѣ купили, за аршинъ 50 коп. **** сер., ситецъ мнѣ нравится, напиши, какъ онъ тебѣ? Мнѣ кажется не понравится. У меня нѣтъ совсѣмъ платьевъ: одно бѣлое, да розовое холстинковое, нѣсколько разъ мыто, да кембриковое бѣленькое. Этому я очень рада. Мнѣ маменька хочетъ купить къ зимѣ терно на платье. Не знаю, какъ это шить платье, хочу простой лифъ, и чтобъ внизъ надѣвать, подъ горло. Первое безъ тебя еще платье буду шить. Катенька, пришли намъ журналъ Сынъ Отечества, у насъ будетъ сохранно. Письма мы мо-

* Аполлинаріи Ивановнѣ было 18 лѣтъ.

** Машинькой, ей было 12 лѣтъ.

*** Рисунокъ.

**** Въ то время ситецъ былъ дорогой.

жетъ пошлемъ къ тебѣ нынче съ оказіей, ѣдутъ въ Воскресенье отсюда. Я теперь читаю маменькѣ „О Сибири“ Пет. Анд. Словцова, довольно сухая матерія. Есть три книги „Библіотеки для чтенія“, но всѣ ихъ прочла. Виновата передъ Катенькой Яков., что опять не пишу, ей. Ради Бога простите меня, добрая Катенька, и вѣрьте, что я васъ много *люблю*. Я ничего не пишу, какъ мы проводимъ время, потому что Лиза пишетъ. Скажу, что у насъ дожди. — Все въ порядкѣ, тихо, смирно и все хорошо. Только здоровье маминьки очень слабо, она часто занимается съ дѣтьми, которые по ихъ лѣтамъ учатся очень хорошо. Учитель очень хорошій, и главное не потакаетъ имъ. Со Скерлетовыми мы видимся часто. Были во вторникъ отъ обѣдни у Жилиныхъ, насъ оставляли на цѣлый день, но у меня были ягоды, надо было варить варенье. У васъ есть-ли ягоды? Очень рада и благодарю, что ты заготовляешь намъ огурцовъ. Но время кончать. Прощай, добрая любезная моя Катенька. Цѣлую тебя, моя родная. Какъ часто думаю я о тебѣ, и много люблю тебя и добраго твоего Якова Семеновича. Милую Катеньку Як. и Сенечку цѣлую. Яков. Сем. мой поклонъ. Желаю душей вамъ здоровья всѣмъ и прошу не забывать васъ любящую душей Аполлинарію Менделѣеву.

2.

26 Дек. 1846 г.

Любезнѣйшіе мои!

Не знаю, чѣмъ начать мнѣ письмецо мое. Благодарю и еще разъ благодарю васъ всѣхъ и цѣлую за подарки и за гостинцы. Родные мои, мнѣ совѣстно, что такъ много получая отъ васъ, сама ничѣмъ не плачу,—кромѣ истинной отъ всего сердца любовію и грѣшной молитвою, чтобы Господь Вамъ посылалъ Свою милость. — Родная моя Катенька, ты какъ ребенка меня лакомишь и такими

дорогими конфектами — совѣстно *ѣсть*. Цѣлую твою ручку, другъ мой. Можетъ еще случится мнѣ и побывать къ тебѣ—нынче каждый день вспоминаю, что прошлаго года была съ тобою. Я помню, какъ вы мнѣ много извиняли во всемъ, ты и добрый Яковъ Семеновичъ. Тоже не могу безъ слезъ благодарить тѣхъ, кто хоть немного дѣлитъ со мною мои чувства, или вѣритъ мнѣ. Но должна и обязана болѣе благодарить и всѣхъ тѣхъ, которые иначе думаютъ обо мнѣ. Разумѣется сердце наше видитъ одинъ Господь. *„Сердце человѣка глубоко и всѣмъ человѣкъ— ложь“*. Скажутъ, неумѣстны мои разсужденія, и я скажу одно: Благодарю за все. Особенно ботиночки мнѣ такъ кстати, дай Богъ вамъ здоровья. Николиньку благодарю за *носочки*. Олинька *, голубочка моя, тебѣ *скажу*, что была въ Абалацкомъ монастырѣ, гдѣ Господь сподобилъ пріобщиться Св. Тайнъ у Отца Анастасія. Въ Св. обитель ѣздила я съ папенькою, ночевала тамъ на субботу, завтра думаю ѣхать къ Екатеринѣ Ѳедоровнѣ **, а ужъ послѣ поѣду съ Лизою съ визитами въ нѣсколько домовъ, у Фонъ-Визиной не была съ *Августа мѣсяца*. Ванюша, я употребила твой денежный подарочекъ на многое, что мнѣ по сердцу, и еще за всѣми расходами есть немного. Катенька, *платьевъ* у меня теперь всѣхъ четыре: твое, что ты подарила въ Омскѣ, *сѣрое*, новое *черное* и *синее*. Прошу, пришлите мнѣ бумажки *простой* и сургуча палочку и Якова Семеновича прошу въ этомъ не отказать, у меня къ нему будетъ просьба важная съ будущею почтою. Простите. Цѣлую васъ и дѣтей милыхъ моихъ. Миша милый у насъ мальчикъ. Маша кланяется, здоровье ея, слава Богу. Прощайте. Ваша А.

---

* Сестра ея Басаргина. Николинька — Басаргинъ.

** Ея другъ и руководительница въ ея религіозныхъ увлеченіяхъ.

3.

14 Октября 1847 года.

Родные мои Оленька, Катенька, Ванюша, Яковъ Семеновичъ, Николай Васильевичъ, Оля, Дунечка и Ванечка!

Благословеніе, миръ — вамъ отъ роднаго нашего папеньки. Да, друзья мои, Господь удостоилъ его кончины христіанской. — Его смерть не есть смерть, а сонъ, онъ умеръ смертію праведника. И да успокоитъ Господь и душу его—*со Святыми*. О насъ, о маменькѣ что сказать? Скорбь наша должна быть равна съ Вашею. Милый родной нашъ за 10 минутъ не болѣе до кончины еще разъ благословилъ всѣхъ насъ и Васъ, и сказавъ *прощайте* съ этимъ скончался.—Мы были одни и съ нами одинъ отецъ Іаковъ, который его пріобщилъ Св. Тайнъ и читалъ отходную. Пишу Вамъ въ исходѣ 4-го часа. Маменька и всѣ легли. Я слышу чтеніе псалтыри, читаетъ *діаконъ*.

Будемъ писать, а теперь нѣтъ силъ. Пишите намъ.— Ванюша, есть-ли бы ты пріѣхалъ къ намъ, ты утѣшилъ-бы маменьку и насъ, князь отпуститъ. – Но прощайте. Мы всѣ уповаемъ на Господа и Ему предаемъ себя.—Помолитесь и за насъ. — Прощайте. А.

5.

26 Декабря 1847.

Не сѣтуйте на меня, мои друзья, что мало пишу.— Господь, посѣтивъ меня болѣзнею — даровалъ много радости духовной, — я благодарю Господа и предаю себя Его Святой волѣ. — Прошу одного терпѣнія. Грустно за милую маменьку и всѣхъ васъ, родные мои. Но прошу одного, не сѣтуйте на меня, а со мною грѣшною молитесь Господу—и его Святой Матери.—Въ самой болѣзни тяжелой для меня, я спокойна въ сердцѣ и весела.— Поздравляю съ праздникомъ. Цѣлую Олин., Кат., Ван.

и дѣтей. Як. Сем. и Ник. Вас. мое почтеніе. Карл. Каз., Екат. Яков. и *Сенъ* кланяюсь. Много теперь расходовъ на меня въ аптеку. Благодарю за терно на платье. Пришлите мнѣ полакомиться карамели — малиновой. А. *

---

2. ПИСЬМА ЕЛИЗАВЕТЫ ИВАНОВНЫ МЕНДЕЛѢЕВОЙ.

1.

Августа 8-го. Тобольскъ **.

Любезнѣйшая моя Катенька!

Много разъ цѣлую тебя за милыя твои письма, которыя получили мы сегодня. Какъ всегда ждемъ вторника съ нетерпѣніемъ, потому что и Московская почта приходитъ. Ты прислала Машѣ свой рисуночекъ, и я желала бы, чтобы ты мнѣ на память нарисовала то-же, я уже просила у нея, но она ни за что не отдаетъ, ты знаешь, когда ты и дома рисовала, то какъ мы берегли все, что ты нарисуешь. Но скажу тебѣ, какъ мы провели эти дни: *въ Пятницу* мы были у Марьи Михайловны и немного катались; *въ Субботу* были у всенощной, а утромъ у насъ были Жилины, посидѣли недолго; *въ Воскресенье* мы поѣхали къ обѣднѣ въ Богородицкую церковь, отъ обѣдни заѣхали къ Марьѣ Андреевнѣ, у нихъ сидѣли, пили чай, тутъ былъ Ершовъ, но сидѣлъ не долго; потомъ мы хотѣли ѣхать домой, только папинька говоритъ, я пойду къ Скерлетовымъ, вотъ только совсѣмъ забыли, что у нихъ полковой праздникъ! У нихъ нашли мы уже много мущинъ, вотъ и насъ оставили закусывать, мы и остались. Только къ нимъ, какъ они говорятъ, много наѣхало незваныхъ гостей, тутъ былъ

---

* Аполлинарія Ивановна скончалась въ 1848 г. 12-го Января.

** Елизаветѣ Ивановнѣ было 16 лѣтъ.

и генералъ Бухаринъ, много было, только мужчинъ все, и всѣ сѣли за столъ, сами придвинули стулья. И сколько мы смѣялись, потому что кушанья не доставало, мы человѣкъ по человѣку ушли въ другую горницу, хотя намъ и не достанетъ такъ ничего, и маминька къ намъ пришла. Но признаться сказать, что домой мы пріѣхали, такъ немного поѣли. Такъ право жаль было Александры Петровны, ей очень досадно было, что кушанья не достаетъ. Вотъ тебѣ описаніе, какъ мы пообѣдали, ты я думаю посмѣешься, когда будешь читать. Въ 7 часовъ мы опять поѣхали въ гости къ Плехановой, но ее не застали, отъ нея къ Пиленковымъ, тамъ очень весело провели вечеръ, гуляли въ саду, намъ много нарвали, Катинька, цвѣтовъ. *Въ Понедѣльникъ* мы съ Полинькой и папинькой ѣздили къ Марьѣ Михайловнѣ, потому что Венечкѣ было рожденье, у нихъ пообѣдали. Сегодня мы встали рано, потому что была заказана обѣдня въ Завалѣ, мы пріѣхали еще до начала. Послѣ обѣдни служили панихиду, ходили по кладбищу, но что-то скучно стало, вездѣ памятники, но подумаешь, и всѣмъ намъ придетъ такая участь. Оттуда заѣзжали къ Жилинымъ, они насъ съ Полинькой оставляли на весь день, только нельзя было Полинькѣ, вчера не успѣли сварить всѣхъ ягодъ, и вчера рѣшительно весь день отбирали смородину. Работаю, когда удается все еще разную мелочь, за пяльцы, не знаю, когда сяду, хотя очень хочется кончить. Что еще сказать тебѣ, родная безцѣнная Катинька! Часто, очень часто говоримъ обо всѣхъ васъ, родные мои. Но сегодня уже кончу. Прощай, родная моя, милая сердцу моему Катинька. Покойной ночи.

11-е Августа.

Любезная Катинька! Что-то ты дѣлаешь, родная моя? Поздравляю тебя съ новорожденной нашей Машей, она теперь у обѣдни съ Парасковьей Васильевной. Ей къ

сегодняшнему дню сшили мы вчера платье, что Олинька подарила, хорошенькое вышло. Она не думала вчера, что мы дошьемъ, а мы сидѣли до 2-хъ часовъ. Сегодня къ намъ хотѣли пріѣхать съ утра Скерлетовы и Прамонъ, будетъ днемъ очень весело. Вчера мы были у нихъ вечеромъ, собрались рано, только пришла бабушка Ан. Васильевна, и мы уже къ нимъ поѣхали въ 7 часовъ вечера. Что еще сказать тебѣ, родная Катинька, особеннаго ничего не было въ эти дни. Работа наша теперь ягоды отбирать, теперь уже бруснику, помнишь, какъ она намъ надоѣдала на фабрикѣ. Но пора кончить мое безтолковое письмо, писала много, только ничего не вышло хорошаго. Прощай, безцѣнная моя Катинька, прошу скажи мой искренній поклонъ Як. Семенов. Цѣлую тебя. Не забывай любящую тебя всей душой Елизавету М.

2.

Четвергъ, 4 Октября 1847 г.

Любезнѣйшіе мои родные! Папинька день ото дня все слабѣе, сердце замираетъ смотрѣть на его страданія. Господи, дай ему терпѣнія. О грусти нашей не стану и говорить. Каждаго изъ насъ, кого-бы ни увидѣлъ, спрашиваетъ, здоровы-ли вы. Мы перемѣняемся по очереди сидѣть около него, поэтому вы можете судить, каково намъ. Папенька теперь такъ слабъ, что его нужно поднимать, есть-ли ему нужно напиться, или принимать лекарство; днемъ я у папеньки подаю и дѣлаю, что ему нужно, а ночью Полинька, ей какъ-то это не очень изнурительно, а вы знаете, что я могу ночи три не спать, а потомъ уже не въ силахъ.

Добрые наши знакомые навѣщаютъ насъ, сейчасъ уѣхалъ Петръ Николаевичъ *.

* Свистуновъ, декабристъ.

Грустные слухи о холерѣ доходятъ до насъ, она такъ много уноситъ людей. По послѣднимъ письмамъ изъ Казани тамъ каждый день умираетъ до 300 человѣкъ.

Мы почти что ничего не работаемъ, я начала платокъ вязать, да и тотъ не вяжу. Вы спрашиваете о Машинькѣ, она и ея Миша здоровы, и живутъ, благодаря Бога, хорошо. Нынче они почти что у насъ все, какъ имъ свободно, и мы благодарны Михаилу Лонгиновичу, какъ онъ ухаживаетъ за папенькой, какъ родной сынъ. Вѣдь, Богъ дастъ, папенькѣ будетъ лучше, такъ и я буду болѣе вамъ писать, теперь не могу.

Прощайте! будьте здоровы и веселы. Всѣхъ цѣлую. Не забывайте насъ. Ваша Елизавета.

3.

15 Генваря 1848. Вечеръ 11 ч.

Любезнѣйшіе мои родные! Нѣтъ съ нами родной Полиньки, и такъ у насъ пусто, особенно на верху. Грусть не отходитъ отъ меня, послѣ папиньки я какъ-то не такъ скучала, а со смертію Полиньки мнѣ какъ будто и самой хочется умереть. Какъ она меня любила, особенно въ болѣзни, и когда я ей что подамъ, то она говорила *мнѣ* всегда: — *„какъ я рада, что ты мнѣ подала, а не другой кто“*. Слезы невольно льются изъ глазъ моихъ, мнѣ ужь теперь нѣтъ утѣшенія въ жизни моей, но да будетъ его Святая воля. Полиньку одѣвали во вторникъ, не знаю въ какое число, да 13 числа, ровно черезъ три мѣсяца послѣ смерти папеньки. Священники были: нашъ О. Іаковъ, съ фабрики, Сулитскій и отецъ Прохоръ, пѣвчіе соборные. Народу было такъ много, когда стали прощаться съ нею, то насъ просто сдавили: и гробъ такъ и двигали въ ту и другую сторону. Говорилъ отецъ Іаковъ слово, которое всѣхъ тронуло до слезъ, маменька хотѣла послать

его вамъ. Концертъ пѣли тотъ самый, который пѣли у насъ на фабрикѣ при освященіи церкви: *Какъ возлюбимъ селеніе твое, Господи*, и это такъ шло къ ней, съ радостію ей хотѣлось умереть, но жалѣя насъ не говорила объ этомъ. Какъ она была хороша, точно какъ живая и бѣла какъ мраморъ. Мысли мои какъ будто остановились на томъ, что я съ ней разсталась не надолго, но кто знаетъ объ этомъ. Жизнь ея съ моею такъ несходны; она жила для Господа, всею душею и сердцемъ любила Его и не жалѣла себя трудить для Господа, и сколько она переносила, это Ему одному извѣстно, Онъ теперь успокоитъ ея душу. Она хотя мало жила, но кто и долго живетъ, но съ нею сравниться не можетъ и съ ея добрыми дѣлами. И съ нею вмѣстѣ какъ-то иногда и я могла что нибудь сдѣлать для ближнихъ. Я пишу вамъ то, что у меня на сердцѣ, хоть вамъ и скучно будетъ читать. Что вамъ сказать еще о Полинькѣ? Она въ болѣзни своей была очень терпѣлива, иногда только говорила: „*Господи, долго-ли еще продолжится мое страданіе?*“, такъ ей тяжело было: жаръ у нея былъ всегда сильный, языкъ высохъ ужасно, просто какъ кожа, грудь сильно болѣла, и каждое дыханіе ея было такъ тяжело, что окружающіе ее безъ боязни не могли на нее смотрѣть, но она во всю болѣзнь свою не стонала, развѣ иногда, когда спала. У насъ многіе изъ знакомыхъ бывали каждый день, но докторъ запрещалъ пускать къ ней наверхъ. А съ новаго года у насъ гостила Евгенія Александровна и ея сестра, иногда бывала Марфа Аполлоновна. Всѣ онѣ ночевали и теперь у насъ были до сегодняшнего дня. Всѣ ночи съ новаго года мы не спали и сидѣли у ея кровати, потому что она поминутно просила пить и ей давали съ ложки, такъ пить у нея не было силъ. Я такъ теперь разстроила себя, что не могу спать вовсе ночами, но нашъ докторъ у насъ бываетъ каждый вечеръ со смерти

Полиньки, давалъ мнѣ капли, но онѣ не помогли, вчера далъ порошокъ, и сегодня, слава Богу, я спала. Сегодня опять приняла, не знаю, какъ усну. И безъ сна и не ѣмъ почти ничего, а голова моя бѣдная болитъ, но поправлюсь, какъ нѣсколько успокоюсь о томъ, что смерть Полиньки для нея есть покой, а для насъ хоть и тяжела разлука, но вѣдь ненадолго. Всѣ ея бумаги изъ стола я собрала, и теперь лежатъ до случая отослать вамъ. Не знаю, что-бы я вамъ послала изъ ея имущества, разбирала его, но почти ничего нѣтъ, есть у меня кисейные платочки, есть-ли хотите, то напишите, мы вамъ пришлемъ. Письма отъ Екатерины Ѳедоровны она при жизни отослала къ ней; крестикъ она надѣла на меня, чтобы отдать Екатеринѣ Ѳедоровнѣ. Книги и разныя бумаги тоже она меня просила отдать Екатеринѣ Ѳедоровнѣ, также и четки и проч., вѣдь это все ея имущество. Бѣлье она меня просила взять. Платья раздала тѣмъ, кто ходилъ за нею, два еще осталось. Нѣтъ, послѣ меня болѣе останется. Не знаю, куда она деньги свои послѣднія расходовала, послѣ нея не остались, но она умѣла употреблять на добро все, что у нея было. Шерсти и шелку оставила мнѣ, но съ уговоромъ, что-бы доктору вышить что нибудь, поэтому я и хочу вышить корзину, вашъ узоръ. Завтра хочу начать, потому что меня займетъ работа. Вы вѣрно теперь уже знаете о смерти Полиньки и вмѣстѣ съ нами поплачете и погрустите о насъ. Ахъ, какъ у насъ скучно. Маминька, слава Богу здорова, жаль ее, что такъ много горя ей въ жизни. Прощайте, пишите. Искренне кланяюсь Як. Сем. и Ник. Вас. Цѣлую васъ друзья мои, Олинька, Катинька, Ванечка. Олю, Дуню, Ваню, Мишу цѣлую. Не забывайте Елизавету.

ОТРЫВКИ ИЗЪ ЖУРНАЛА ЕКАТЕРИНЫ ИВАНОВНЫ КАПУСТИНОЙ,

УРОЖДЕННОЙ МЕНДЕЛѢЕВОЙ,

СЕСТРЫ ДМИТРІЯ ИВАНОВИЧА МЕНДЕЛѢЕВА *.

Екатерина Ивановна Менделѣева была третья дочь Ивана Павловича и Маріи Дмитріевны Менделѣевыхъ, родилась въ 1816 году въ г. Тобольскѣ, а Дмитрій Ивановичъ былъ младшій сынъ, четырнадцатый ребенокъ ихъ, и родился въ 1834 году, 27-го Января.

19-го Декабря 1836-го года Екатерина Ивановна выѣхала изъ Тобольска въ Москву. Она везла своего слѣпого отца для операціи и прожила тамъ съ нимъ семь мѣсяцевъ.

Иванъ Павловичъ съ Екатериной Ивановной жили въ Москвѣ у брата Марьи Дмитріевны Менделѣевой, у Василія Дмитріевича Корнильева, главнаго управляющаго князей Трубецкихъ. Онъ жилъ богато и открыто, на обѣдахъ его бывали у него писатели и ученые того времени: Дмитріевъ, Павловы, Глинка, Погодинъ, бывалъ и отецъ Пушкина. Екатерину Ивановну дядя и тетка ея вывозили на вечера, въ театры и на балы и переходъ отъ этой жизни къ жизни въ деревнѣ въ Сибири былъ рѣзокъ.

---

* Журналъ написанъ на старинной грубой желтоватой бумагѣ въ тетрадкѣ въ четвертую долю листа.

Екатерина Ивановна Капустина, урожденная Менделѣева,
сестра Дмитрія Ивановича, въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія.

1837 г. 19 Дек. Вечеръ, 11-й часъ. Село Аремзянка.

„Нынче ровно годъ, какъ мы выѣхали изъ Тобольска въ Москву, и вотъ послѣ поѣздки въ Москву остались только воспоминанія. Много было дней радости, но и были дни черные, правду сказалъ мой любимый писатель: *есть воспоминанія — цвѣты и воспоминанія — раны.* Что впереди, кто знаетъ?“

28-е Декабря.

Прошлаго года нынче мы были въ Перми, я тоже писала журналъ—и также довольно пустой. Вотъ былобы, что писать, живши въ Москвѣ семь мѣсяцевъ. Мы туда пріѣхали 16-го Генваря, выѣхали 9 Августа. Но тамъ мнѣ не хотѣлось писать, я ограничивалась письмами сюда. И вотъ все прошло, и радуетъ и еще много времени будетъ радовать, *то* хотя оставило воспоминанія, а *это* пойдетъ безъ слѣда въ душѣ. Жизнь наша здѣсь въ Аремзянкѣ покойна. Я живу безъ скуки, потому что провожу дни въ занятіяхъ: я клеила, писала, читала папенькѣ, читала сама. Что то будетъ впередъ. Какъ кончу я жизнь свою, одинъ Богъ знаетъ, а я всѣмъ довольна...

1838-й годъ. 1 Генваря, 1-й часъ ночи.

Вотъ встрѣтили и Новый годъ. Прошлаго года я писала журналъ въ дорогѣ и думала о томъ, какъ встрѣтимъ его чрезъ годъ. А вотъ я еще живу, и теперь опять въ мирной нашей Аремзянкѣ. Поздравили другъ друга мы, только папенька, маменька, Полинька, Лизанька, Маша и я, и еще няня, Пашенька и Митенька малы и спятъ. Вспоминали всѣхъ милыхъ близкихъ сердцу и отдаленныхъ отъ насъ.

Въ 1839-омъ году Екатерина Ивановна Менделѣева вышла замужъ за Капустина, уѣхала въ Омскъ и имѣла 9 человѣкъ дѣтей. Овдовѣла въ 1859 году.

1867 года Майя 13 числа, Суббота, утро, 11-й часъ.

Пароходъ *Иртышъ*.

Вотъ началась и дорога моя изъ Сибири. Ѣдемъ всей семьей прямо къ брату Митенькѣ въ его Боблово. Прощай Томскъ, не знаю, какой эпитетъ придать тебѣ, ты былъ прежде всего для меня злополучнымъ. Въ Томскѣ я осталась вдовой съ восьмерыми дѣтьми. Прощай, Томскъ, я не забуду тебя. Прощайте, друзья мои, не забуду и васъ.

Воскресенье вечеръ, 12-й часъ 28-го Майя,
за Тобольскомъ по рѣкѣ Тоболѣ.

Вчерась я была въ Тобольскѣ. Надо собрать много мыслей и чувствъ, чтобы хоть отчасти передать словами то, что я чувствовала, когда знала, что Тобольскъ близко. До пристани я ѣхала въ лодкѣ въ дождь. У пристани взяла извощичьи дроги. Что чувствовала я, проѣзжая знакомыя улицы, домъ гдѣ жила, гдѣ начала жить умомъ и сердцемъ, — всего этого пересказать нельзя, это все я перечувствовала, волнуясь воспоминаніями.

Вотъ я и на Волгѣ. Здравствуй, рѣка родная, рѣка моего перваго дѣтства, или вѣрнѣе рѣка моихъ первыхъ впечатлѣній и воспоминаній. Я вижу тебя опять, славная рѣка, но я не та уже, что была ребенкомъ, хотя все и живо въ моей памяти, что я помню о тебѣ, живши въ Саратовѣ.

1869-го года. Генваря 31-го, вечеръ.

Сегодня я невольно вспоминаю давно прошедшее. Въ моей жизни у насъ въ семействѣ до моего замужества я видѣла остатокъ тѣхъ, теперь отжившихъ слугъ, которые достойны полнаго уваженія. Прими же мою память и похвалу тебѣ, покойная наша няня *Прасковья Ѳерафон-*

товна *. Какъ ни мала была я тогда, какъ ты умерла, но я хорошо тебя помню: Старушка лѣтъ въ 70, высокая, худощавая, одѣтая всегда просто и чисто въ юбкѣ и длинномъ *шушунѣ* (теперешней кофтѣ), повязанная платкомъ на головѣ, она всегда ходила и держалась прямо, съ достоинствомъ, и оставила въ моемъ дѣтскомъ воспоминаніи что-то невольно внушающее послушаніе и уваженіе. Ей обязана я съ ранняго дѣтства любовью къ порядку, аккуратности и чистотѣ. Насъ была большая семья, я была третья дочь, мнѣ было 10 лѣтъ, двѣ другія сестры Машенька и Оленька были старше меня, и потомъ еще много моложе меня. На рукахъ няни было все наше бѣлье, она одѣвала насъ, она вообще была помощью матери въ уходѣ за дѣтьми; и сколько я сама помню, сколько потомъ слышала отъ матери, такой помощницы и няни трудно было найти лучше. Отецъ и мать наши были небогаты и она служила истинно безкорыстно. Отецъ матери, нашъ дѣдушка жилъ съ нами и въ Саратовѣ, онъ былъ старичекъ полуздоровый, когда то въ молодости еще онъ имѣлъ горячку и послѣ того потерялъ память, а черезъ это былъ неспособенъ къ какимъ нибудь дѣловымъ занятіямъ. Но объ дѣдушкѣ когда-нибудь потомъ, упомянула-же объ немъ къ тому, чтобы сказать, что наша няня Прасковья Ѳерафонтовна молодою дѣвушкою была взята изъ деревни смотрѣть за маленькимъ барченкомъ, это былъ нашъ дѣдушка. Съ той поры она оставалась при господскомъ домѣ, исправляя разныя домашнія должности, а когда дѣдушка женился и у него было трое дѣтей, въ томъ числѣ и наша мать, она водилась со всѣми ними. Жена дѣдушки умерла молодою, скоро онъ лишился памяти и былъ слабъ здоровьемъ. Дѣти росли сиротами, но и мать, и дядя, старшій ея братъ,

---

* Скончалась еще въ Саратовѣ до рожденія Дмитрія Ивановича.

оба выросли и умны, и толковы. Другой дядя молодымъ утонулъ на охотѣ, плывя за убитою уткою.

Когда мать вышла замужъ, няня поступила къ ней и начала водиться со всѣми нами. Понятно, что эта женщина не имѣла своей жизни, своихъ интересовъ, съ молодости отдалась она семьѣ своихъ господъ и съ нею сроднилась, выростила сироту, и потомъ ея дѣти были ей какъ внучата. Сберегая ихъ всѣхъ и трудясь съ ними, она учила ихъ одному добру. Мы не слышали отъ нея ни вздорныхъ сказокъ, не видѣли глупой строгости,—ничего, кромѣ простого исполненія своего долга и любви къ намъ, она пріучала насъ къ послушанію, къ правдѣ, къ порядку, къ труду.

И трудясь, и работая до глубокой старости, и умерла бѣдная няня съ ключемъ въ рукѣ, желая встать, чтобы самой выдать изъ шкафа бѣлье всѣмъ дѣтямъ. Поднялась, встала, пошла—но упала, ключъ выпалъ, она была безъ чувствъ. Послали за священникомъ, за докторомъ, но ни тотъ, ни другой не застали уже ее живою, такъ она и умерла, трудясь для своихъ. Вѣчная тебѣ память, добрая наша няня! Со всѣмъ усердіемъ и по возможнымъ средствамъ прилично схоронили нашу няню. Я помню, ее положили на столъ въ залѣ, помню, что мы плача часто приходили взглянуть на покойницу, помню даже, что было много народу, когда ее уносили, кто это именно былъ, уже не знаю, но также помню, что мать и отецъ горько плакали, провожая ее. И схоронили ее на кладбищѣ на берегу Волги, которую она такъ любила, эта славная рѣка напоминала ей родной Иртышъ, и живя въ Саратовѣ, она не такъ скучала по родинѣ, какъ тѣ пять лѣтъ, которыя до этого отецъ прожилъ въ Тамбовѣ; его она не любила, не любила Цну, — не любила того, что тамъ было мало рыбы, а она была по старому времени большая постница и послѣдніе годы совсѣмъ не ѣла мяса.

Саратовъ-же она полюбила, и тамъ привелось похоронить ее, старушку. Нѣтъ, и нѣтъ теперь подобныхъ слугъ, какъ няня и каковъ былъ *Петръ Григорьичъ* — тоже жившій съ нами въ Россіи, также сибирякъ и также преданный и вѣрный. Когда я выходила замужъ, онъ оставался еще у насъ въ домѣ. Уѣзжая съ фабрики, я прощалась со всѣми, и конечно болѣе грустно было проститься съ нимъ, котораго помнила, какъ начала помнить себя, и знала какъ слугу преданнаго, честнаго. Онъ пожелалъ счастья и благополучія *„тебѣ Ка́тюшка“*, какъ онъ всегда называлъ меня, съ дѣтства привыкнувъ всѣмъ намъ говорить ты. Давно нѣтъ уже и его на свѣтѣ. Вѣчная тебѣ память, добрый Петръ Григорьевичъ, ты жилъ и трудился честно, и память о тебѣ дорога мнѣ, какъ человѣку, знающему тебя со многихъ сторонъ, теперь уже не встрѣчаемыхъ въ слугахъ. Ты былъ преданъ, стоялъ за господскій грошъ, болѣе чѣмъ за свой, ты не боялся упрековъ и осужденій отъ другихъ, которые не умѣли быть такими, какъ былъ ты. Безкорыстно добрый, ты любилъ всѣхъ насъ дѣтей, и только одно доброе оставилъ въ памяти. Господь да упокоитъ твою душу.

1870-го года 2-го Марта вечеромъ.

Читала о Пушкинѣ М. И. Семевскаго. Тутъ было нѣсколько подробностей о *Сергѣѣ Львовичѣ Пушкинѣ*. Я знала въ Москвѣ этого старика.

Въ самый годъ смерти поэта Пушкина въ 1837 году я была съ отцомъ въ Москвѣ, гдѣ отцу дѣлали глазную операцію. Мы жили у дяди *Василія Дмитріевича Корнильева*, брата моей матери. Онъ жилъ на Покровкѣ, въ домѣ князя Трубецкого. Дядя жилъ хорошо, въ прекрасной обстановкѣ, у него было большое знакомство, и я встрѣчала тамъ нѣкоторыхъ литераторовъ, начиная съ старца Дмитріева, Погодина, Θед. Ник. Глинку, Баратын-

скаго, Бороздина. У дяди были назначены по вторникамъ обѣды, довольно парадные, и иногда собиралось довольно много въ эти дни. Тутъ я увидѣла и отца Пушкина, какъ часто видѣла и брата поэта Козлова. Первое время, когда Пушкинъ былъ еще живъ и когда меня познакомили съ Сергѣемъ Львовичемъ, я разъ его спросила, не ждетъ-ли онъ къ себѣ сына изъ Петербурга. — „Не думаю, чтобы онъ скоро пріѣхалъ“, — было отвѣтомъ. А вскорѣ получилась и ужасная вѣсть о его кончинѣ. Понятно, что тогда, вѣроятно, всякій былъ занятъ этой грустной исторіей; у насъ-же въ домѣ она отразилась на всемъ, кажется ни о чемъ болѣе не говорилось, какъ объ этомъ. Дядя, понятно, навѣщалъ старика и привозилъ отъ него подлинныя письма къ нему Жуковскаго, Вяземскаго и все это читалось у насъ вслухъ. Въ одинъ изъ вторниковъ Ѳед. Ник. Глинка привезъ свои стихи на смерть поэта, гдѣ часто упоминалось: *„А рокъ его подстерегалъ“*. Послѣ обѣда жена Ѳедора Николаевича Авдотья Павловна читала ихъ вслухъ, читала громко, съ возгласами, читала, какъ мнѣ не нравилось и тогда, а теперь вѣрно уже никто такъ не читаетъ. Она читала въ гостиной, черезъ одну комнату, черезъ столовую была библіотека; тамъ уединился Ѳеодоръ Николаевичъ; мнѣ случилось проходить мимо, а онъ сидѣлъ и дремалъ, по привычкѣ послѣ обѣда заснуть. Читалъ у дяди стихи и Бороздинъ. Я живо помню высокую видную фигуру Бороздина, онъ былъ малороссъ, богатый помѣщикъ, добрый и внимательный. Онъ былъ часто мой кавалеръ, когда шли къ обѣду, онъ почти всегда подавалъ мнѣ свою руку. Лѣто мы жили въ Сокольникахъ, и опять по вторникамъ старикъ Сергѣй Львовичъ ѣздилъ къ намъ, и иногда на мою долю приходилось занимать его. Разъ онъ пріѣхалъ, когда тетка была еще не одѣта къ обѣду, а дядя не пріѣхалъ изъ конторы, я просила его погу-

Дмитрій Васильевичъ Корнильевъ, дѣдъ Дмитрія Ивановича.

Со стариннаго рисунка, переснятаго А. И. Менделѣевой.

лять въ садъ и должна была разговаривать съ нимъ, но какъ онъ былъ глухъ, то и надо было говорить громко, что было утомительно.

Потомъ къ осени уже онъ пріѣхалъ проститься, отправляясь въ деревню, чтобы повидать жену и дѣтей Александра Сергѣевича. Въ этотъ разъ я помню грустный случай. За день или за два дядя привезъ изъ Москвы большой бюстъ А. С. Пушкина и поставилъ его въ гостиной на тумбочку. Сергѣй Львовичъ сначала не обратилъ на него вниманія и сѣлъ, но вдругъ увидѣлъ бюстъ, всталъ, подошелъ къ нему, обнялъ и зарыдалъ. Мы всѣ прослезились. Это не была аффектація, это было искреннее чувство его, и потому въ памяти моей сохранилось о старикѣ только сожалѣніе изъ за его потери такого сына.

12 Іюля 1873 г.

Съ именемъ Дмитрій соединено воспоминаніе моего дѣтства и юности, воспоминаніе о добромъ дѣдушкѣ *Дмитріи Васильевичѣ Корнильевѣ*, отцѣ моей матери. Какъ теперь вижу сѣдого старичка, невысокаго роста, худощаваго, въ длинномъ стариковскомъ сюртукѣ, всегда тихаго, спокойнаго, добраго. Мы дѣти знали, что дѣдушка послѣ сильной болѣзни еще въ молодыхъ годахъ потерялъ память, и отъ этого не могъ заниматься никакими дѣлами, память ему измѣнила, и онъ велъ спокойную, праздную жизнь. Каждый день онъ ходилъ къ обѣднѣ, потомъ въ своей комнатѣ занимался чтеніемъ и любилъ переписывать, что вздумается. Онъ складывалъ листъ обыкновенной писчей бумаги въ восьмушку, сшивалъ такую тетрадку и писалъ и прозу, и стихи, однимъ словомъ, что захочется; потомъ эти тетрадки сшивалъ въ довольно толстые томики и укладывалъ ихъ на полочку въ своей комнатѣ. Почеркъ у него былъ старин-

ный, церковный, какъ-то особенно интересный, и къ сожалѣнію я не сохранила у себя ни одной его тетрадки, это непростительно. Не знаю, куда, при отъѣздѣ изъ Сибири, маменька передала всѣ эти тетрадки, а когда я выходила замужъ, онѣ еще были цѣлы и хранились въ книжныхъ шкафахъ нашей библіотеки, или складывались и прятались въ сундукѣ съ книгами, не очень нужными.— Чай пилъ и обѣдалъ дѣдушка всегда за общимъ столомъ, но чай пилъ *съ прикускою*, т. е. сахаръ не былъ положенъ въ чашку, а онъ всегда для себя раскалывалъ кусокъ сахару на очень мелкіе, и оставшіеся отъ чаю кусочки всегда пряталъ и иногда давалъ намъ какъ лакомство. Такъ, если подавали что нибудь сладкое, онъ всегда бралъ себѣ, но никогда не ѣлъ самъ, а потомъ подѣлитъ намъ внучатамъ. Добрый былъ, тихій и невозмутимый старичокъ. Послѣ обѣда онъ всегда ложился отдохнуть, потомъ опять почитаетъ, а вечеръ всегда проводилъ въ молитвѣ, онъ читалъ молитвы въ полголоса, и долго слышалось его чтеніе. Я помню, когда онъ скончался и уже лежалъ на столѣ, и надъ нимъ по обычаю читали псалтырь, то мнѣ все казалось, что это чтеніе не въ залѣ, а въ противуположной сторонѣ, т. е. въ его комнатѣ. Онъ не былъ боленъ, а просто сталъ слабѣе и не ходилъ день или два къ обѣднѣ, но дома выходилъ къ чаю и дѣлалъ обычный обходъ вечеромъ. У него была привычка передъ сномъ уже, когда всѣ въ домѣ улягутся и онъ кончитъ чтеніе молитвъ, со свѣчею обходить всѣ двери и окна и осматривать, затворены-ли они, потомъ выходить на крыльце и смотрѣть, запертъ-ли чердакъ, и сѣни, и кладовыя. Такъ выходилъ онъ и въ послѣднюю субботу, хотя тотъ день онъ болѣе все лежалъ. Утромъ онъ перемѣнилъ бѣлье и попросилъ послать къ обѣднѣ за священникомъ, чтобы исповѣдаться и пріобщиться Св. Тайнъ. Когда обрядъ этотъ кончился, онъ по-

звалъ всю семью, благословилъ всѣхъ и каждаго, попросилъ чашку чая, выпилъ ее, сказалъ всѣмъ: прощайте, и началъ спокойно кончаться, прошло нѣсколько минутъ и душа его отлетѣла. Тихо, какъ жилъ, такъ и умеръ онъ истиннымъ христіаниномъ. — Воспоминаніе о дѣдушкѣ всегда соединяется у меня съ добрымъ, утѣшительнымъ чувствомъ, какъ помнили мы его, онъ никогда не въ силахъ былъ никого обидѣть и безропотно переносилъ все.

Рядомъ съ воспоминаніемъ о святомъ старичкѣ хочется сказать о внукѣ его, т. е. о братѣ Дмитріи Ивановичѣ. Это любимый братъ мой, гордость и отрада семьи нашей. Сердце мое переполнено благодарностію къ нему за его участіе ко мнѣ всегда и къ дѣтямъ моимъ. И если кто либо прочтетъ эти строки, пусть знаетъ, что я много и искренно любила этого брата моего.

14 ч. Іюля, вечеромъ.

Я хочу записать мое воспоминаніе о св. иконѣ *Знаменія Божіей Матери.* Икона эта была старинная, дѣдушки Дмитрія Васильевича, а какъ онъ жилъ всегда у дочери, т. е. у нашихъ отца и матери, то и икона была всегда съ нами. И когда отецъ служилъ въ Тамбовѣ и Саратовѣ, то и туда возили съ собою эту икону, несмотря на то, что она была большая, болѣе аршина вышиною и почти квадратная. Риза была старинная серебряная съ позолотой, которая уже сошла почти отъ времени; убрусъ св. иконы былъ вышитъ жемчугомъ, и посрединѣ былъ вставленъ большой брилліантовый перстень, какъ звѣздочка среди убруса. Дѣдушка всегда говорилъ, что эта икона родовая, Корнильевская, и должна передаваться старшему сыну, а какъ дядя у насъ былъ одинъ и когда онъ женился въ Москвѣ, то дѣдушка и написалъ ему, что благословляетъ его семейною чтимою иконою. Но до тѣхъ поръ пока мать жила въ Тобольскѣ, икона была

у нея, а когда она поѣхала изъ Сибири, то увезла икону къ дядѣ въ Москву, а потомъ, когда мать и дядя скончались, тетенька отдала эту икону въ Алексѣевскій монастырь въ Москвѣ, гдѣ похороненъ дядя. Мы привыкли съ самаго младенчества благоговѣйно относиться къ этой иконѣ. Для вѣрующаго это понятно, что Богъ проявляетъ Свою милость, гдѣ Ему благоугодно, и освящаетъ мѣсто и вещь, прославленную во имя угодившихъ Ему. Я не знаю, когда и кѣмъ писана эта икона, только живопись была старинная и это вѣрная копія съ Абалацкой Божіей Матери. Я какъ себя стала помнить, такъ помню эту икону съ всегда теплившеюся лампадою. У насъ было домашнее повѣрье, что икона издавала иногда какъ-бы трескъ, и это было всегда не къ добру, или же лампада начинала гаснуть, и это было какъ будто предостереженіе.

У меня сохранилось воспоминаніе о канунѣ смерти моей старшей сестры Машеньки. Ей былъ тогда 15-й годъ, она была больна чахоткой и знала, что она уже не жилица на бѣломъ свѣтѣ, но конечно бѣдная мать вѣрно все надѣялась. Машенькѣ было какъ будто лучше, она сидѣла на диванѣ въ угловой комнатѣ у насъ въ казенной квартирѣ въ Саратовѣ, называвшейся диванной, гдѣ стоялъ Образъ Знаменія Божіей Матери. Около Машеньки была мать и еще нѣсколько лицъ, вдругъ образъ затрещалъ, всѣ переглянулись, но никто ничего не сказалъ. Ночью лампадка погасла, Машенька стала звать маменьку затеплить лампадку, и когда сдѣлали это, она спокойно сказала, чтобъ послали за священникомъ, что она умираетъ. Потомъ велѣла разбудить насъ, со всѣми простилась, и я помню, что она потомъ начала вслухъ молиться за мать и за всѣхъ насъ, а потомъ стала тоскливо звать:—скорѣе, скорѣе!.. какъ будто она что-то видѣла... и наконецъ она смолкла и умерла. Мать была въ

отчаяніи до того, что не могла видѣть другихъ дѣтей. Всѣ мы имѣли длинные волосы, которые мать завивала намъ на ночь, а днемъ они лежали сзади длинными локонами, такъ было у Машеньки, и Оленьки, и у меня. Схоронили Машеньку, маменька велѣла обрѣзать намъ волосы, и не могла уже завивать насъ и вообще долго не успокоивалась.

13 Ноября, вечеромъ.

Сегодня была на Волковомъ кладбищѣ, гдѣ схоронены маменька и Лизанька.

Умерла маменька почти одна, имѣя столько дѣтей. При ней были только больная Лизанька и Митинька, еще мальчикъ. Лизанька же умерла въ больницѣ, гдѣ Митинька не могъ оставаться долѣе 10 ч. вечера, а она умерла въ ночь совсѣмъ одна въ чужомъ городѣ.

ВОСПОМИНАНІЯ
О ДМИТРІИ ИВАНОВИЧѢ МЕНДЕЛѢЕВѢ

ПЛЕМЯННИЦЫ ЕГО

НАДЕЖДЫ ЯКОВЛЕВНЫ КАПУСТИНОЙ-ГУБКИНОЙ.

I.

ВОСПОМИНАНІЯ ДѢТСКІЯ.

12-го Іюня 1867-го года, на разсвѣтѣ теплой лѣтней ночи два тарантаса медленно поднимались по старинной вязовой аллеѣ къ старому одноэтажному помѣщичьему дому, стоящему въ глубинѣ обширнаго парка изъ вѣковыхъ дубовъ, кленовъ, развѣсистыхъ березъ и высокихъ сторожевыхъ елей, скрывающихъ домъ на Бобловской горѣ. Колокольчики ясно звенѣли въ утреннемъ воздухѣ. Пахло березами и влажной землей, а изъ сада доносилось благоуханіе резеды, жонкилей и розъ.

Тарантасы свернули съ аллеи на мостовую двора въ усадьбѣ, колокольчики громко звякнули, лошади остановились у дома.

Съ крыльца, съ большой стеклянной галлереи сбѣжалъ высокій и бодрый, немного сутуловатый человѣкъ въ сѣрой курткѣ съ русой бородой и длинными развивающимися надъ высокимъ лбомъ волосами. Онъ подбѣжалъ къ тарантасу, въ которомъ сидѣла моя мать Екатерина Ивановна Капустина, мой братъ-мальчикъ и я, двѣнадцатилѣтняя дѣвочка.

— Катенька! услышала я пріятный взволнованный низкій голосъ.

— Митенька! Они обнялись, мать заплакала. Этотъ высокій человѣкъ былъ мой дядя Дмитрій Ивановичъ Менделѣевъ.

Въ другомъ тарантасѣ сидѣли двѣ мои взрослыя сестры и шестилѣтняя внучка матери.

Насъ сейчасъ же уложили спать и уже позднимъ утромъ я увидѣла жену дяди, маленькую, граціозную женщину, уже немолодую, какъ мнѣ показалось, и двухъ моихъ старшихъ братьевъ: студента и гимназиста. Они жили уже въ Петербургѣ и гостили у Дмитрія Ивановича въ ожиданіи насъ.

За нѣсколько мѣсяцевъ до пріѣзда къ Дмитрію Ивановичу, мать моя, овдовѣвшая уже нѣсколько лѣтъ и жившая съ нами въ Томскѣ, гдѣ отецъ мой былъ Управляющимъ Казенной палатой, — получила отъ Дмитрія Ивановича письмо, въ которомъ онъ совѣтовалъ ей перебраться въ Петербургъ для воспитанія дѣтей, и съ пріѣзда приглашалъ ее остановиться и прожить лѣто у него въ имѣньи въ Московской губ. Клинскаго уѣзда въ сельцѣ Бобловѣ. И вотъ вся наша семья въ восемь человѣкъ: мать, ея три сына, три дочери и внучка поселились у Дмитрія Ивановича на все лѣто.

Мнѣ тогда, на мой дѣтскій взглядъ, Дмитрій Ивановичъ, имѣвшій свой домъ, поля и лѣса, своихъ лошадей, коровъ, молотильную машину, много рабочихъ и двухъ управляющихъ, — казался богачемъ. Но понятно, что средства его, какъ профессора университета, тогда были не велики, а онъ взялся кормить еще все лѣто такую большую семью, какъ наша.

Дмитрій Ивановичъ былъ женатъ уже года четыре на своей первой женѣ, урожденной Лещовой, ему было, когда мы пріѣхали, 33 года. У нихъ былъ въ это время двух-

лѣтній сынъ Володя, который уже хорошо говорилъ и бойко бѣгалъ. Дмитрій Ивановичъ былъ не только нѣжный, но горячо любящій отецъ. Какъ-бы онъ ни былъ занятъ, но если онъ слышалъ крикъ или плачъ ребенка, онъ бросался съ мѣста, прибѣгалъ испуганный, кричалъ громко и рѣзко нянѣ: — Въ чемъ дѣло? Въ чемъ дѣло? и очень ласково и нѣжно говорилъ мальчику:—Володичка! Что ты, объ чемъ?...

Нянѣ почти всегда доставалось, а Володѣ никогда.

Имѣнье свое Дмитрій Ивановичъ пріобрѣлъ года за два передъ нашимъ пріѣздомъ пополамъ съ профессоромъ Технологическаго Института Ильинымъ, заплативъ за свою часть въ 360 десятинъ 8.000 р. Имѣнье это принадлежало прежде князю Дадьяну, умершему въ годъ эмансипаціи. Дмитрію Ивановичу достался по раздѣлу его старый домъ, садъ, и часть парка, расположеннаго на нѣсколькихъ десятинахъ.

Въ каждомъ домѣ всегда чувствуется невольно, кто душа его, и я какъ-то скоро поняла, что душа дома былъ Дмитрій Ивановичъ, въ его сѣрой неподпоясанной широкой курткѣ, въ бѣлой панамской соломенной шляпѣ, съ его быстрыми движеніями, энергичныхъ голосомъ, хлопотами по полевому хозяйству, увлеченіемъ въ каждомъ дѣлѣ и всегдашней лаской и добротой къ намъ дѣтямъ, и особенно ко мнѣ. Мнѣ, при моей тогдашней нѣкоторой начитанности — я увлекалась тогда Майнъ-Ридомъ и Куперомъ — онъ казался похожимъ на американскаго плантатора, не на янки, янки я считала хитрыми и жадными, а именно онъ походилъ на плантатора — піонера въ какихъ нибудь Пампасахъ или Сильвасахъ.

Я знала, что Дмитрій Ивановичъ ученый и профессоръ, и что онъ химикъ. Но это мнѣ тогда не казалось ни интереснымъ, ни важнымъ. А было важно и интересно, что Дмитрій Ивановичъ такъ любилъ поля, лѣсъ, луга.

Первые годы, какъ Дмитрій Ивановичъ купилъ себѣ имѣнье, онъ очень увлекался своими сельскохозяйственными опытами. Для этихъ опытовъ у него и былъ еще второй прикащикъ. У него было отдѣлено такъ называемое *опытное поле* съ пробами различныхъ удобреній, и Дмитрій Ивановичъ на своемъ гнѣдомъ жеребцѣ часто ѣздилъ осматривать это поле. При этомъ иногда бывало, что я, маленькая ростомъ и худенькая, но бойкая, оказывалась, по приглашенію дяденьки, сидящей съ нимъ вмѣстѣ верхомъ на лошади, впереди его казацкаго сѣдла. И счастью, и гордости моей не было конца.

Опыты Дмитрія Ивановича дали блестящій результатъ. Урожай получился такой, что крестьяне поражались. Ихъ поля дали самъ четыре, самъ пять, а у него было самъ десять, самъ двѣнадцать.

Хорошо помню, какъ разъ во дворъ къ Дмитрію Ивановичу пришли нѣсколько мужиковъ по какому-то дѣлу, и кончивъ его, спросили его:

— Скажи-кася ты, Митрій Иванычъ, хлѣбъ-то у тебя какъ родился хорошо за Аржанымъ прудомъ... Таланъ это у тебя, али счастье?

Я стояла тутъ-же и видѣла, какъ весело и ясно сверкнули синіе глаза Дмитрія Ивановича, онъ хитро усмѣхнулся и сказалъ:

— *Конешно*, братцы, таланъ. Съ мужиками Дмитрій Ивановичъ любилъ иногда поговорить на *о* и простонародной манерой, что очень шло къ его русскому лицу.

Потомъ за обѣдомъ онъ, смѣясь, разсказалъ это большимъ, и прибавилъ:

— Зачѣмъ-же я скажу, что это только мое счастье. Въ таланѣ заслуги больше.

За обѣдомъ Дмитрій Ивановичъ не любилъ, чтобы мы дѣти болтали и совались въ разговоръ, и часто повторялъ намъ:—Когда я ѣмъ, я глухъ и нѣмъ. Класть

на столъ локти онъ тоже не позволялъ намъ, и мы его побаивались и слушались.

Онъ говорилъ не разъ при мнѣ: — Надо тогда только дѣлать замѣчанія, когда увѣренъ, что тебя послушаютъ, а то скажешь: — Молчи! а не замолчатъ, и выйдетъ глупо...

Впослѣдствіи я помню Дмитрія Ивановича почти всегда сидящимъ въ его кабинетѣ, занятымъ и серьезнымъ, какъ лѣтомъ въ деревнѣ, такъ и зимой въ такъ называвшейся *лабораторіи* въ его казенной университетской квартирѣ, гдѣ теперь шинельныя студентовъ. Но это первое лѣто, какъ я знала Дмитрія Ивановича, онъ еще часто бывалъ веселъ и разговорчивъ. Большіе читали съ нимъ вмѣстѣ вслухъ по вечерамъ, кажется Тургенева, и разговаривали, а днемъ мы, дѣти, часто сопровождали его и торчали тамъ, гдѣ бывалъ онъ по своимъ хозяйственнымъ дѣламъ.

Вотъ онъ съ старшимъ моимъ братомъ у дождемѣра, поставленнаго въ огородѣ, рядомъ съ громаднымъ ртутнымъ барометромъ. Я тутъ-же, и поражаюсь, какъ это ученые придумали узнавать, какъ смѣрить, насколько дождя выпало на землю.

Вотъ я гуляю съ Дмитріемъ Ивановичемъ за паркомъ по оврагамъ, называемыми Стрѣлицами, потому что поля между ними идутъ какъ-бы стрѣлами. У первой Стрѣлицы стоитъ теперь новый, выстроенный Дмитріемъ Ивановичемъ домъ. Я рву цвѣты, а онъ говоритъ мнѣ ихъ названія.

Онъ сорвалъ самъ одинъ красивый цвѣтокъ съ липкимъ стеблемъ и мелкими малиновыми цвѣточками, и говоритъ:

— Это дрема. Вотъ, не будешь спать, сорви, и положи подъ подушку, уснешь. И я не знаю, шутитъ онъ, или это правда.

Съ нами красивый желтоватой масти догъ, Бисмаркъ, Бишка, котораго Дмитрій Ивановичъ очень любилъ, за то, что онъ былъ умный песъ, а я за то, что онъ такъ смѣшно улыбался, морщивъ въ бокъ свою верхнюю губу.

Иногда Дмитрій Ивановичъ въ хорошую погоду любилъ ѣздить надолго въ лѣсъ со всей семьей: съ женой, съ сыномъ, няней и нами, дѣтьми. Мы усаживались въ телѣгѣ и въ двухколесной таратайкѣ и съ чайниками, чаемъ и провизіей уѣзжали съ утра въ лѣсъ.

Сына и жену Дмитрій Ивановичъ скоро отправлялъ домой, а со мной и съ младшимъ братомъ оставался въ лѣсу до вечера. Мы раскладывали костеръ, варили чай, Дмитрій Ивановичъ посылалъ насъ за грибами, пекъ ихъ въ угляхъ и ѣлъ. Ѣли и мы, и намъ казалось это необыкновенно вкуснымъ.

Дмитрій Ивановичъ, сидя у костра, читалъ что-то въ принесенныхъ имъ книгахъ, что-то записывалъ и какъ будто вычислялъ. А я смотрѣла на него и думала: И охота дядѣ Митѣ заниматься, искалъ бы лучше грибы!

Къ вечеру намъ привозили обѣдъ, и потомъ мы съ сожалѣніемъ ѣхали домой.

Когда стала поспѣвать земляника, мы забрались разъ на лугъ на Стрѣлицахъ, гдѣ по оврагамъ была густая, высокая трава, напали на крупную спѣлую ягоду, наѣлись сами и набрали ягодъ для большихъ, и вернувшись домой съ гордостью подали крупныя ягоды Дмитрію Ивановичу. Мы думали, что насъ похвалятъ за усердіе, а намъ отъ него попало за то, что мы помяли траву, собирая ягоды на лугахъ. Тутъ только я поняла, какъ все серьезно въ сельскомъ хозяйствѣ.

Поспѣла рожь. Ее сжали и снопы поставили въ суслоны. По утрамъ, съ суслоновъ снимали верхніе снопы, чтобы зерно скорѣе сохло на солнцѣ, а къ вечеру надѣвали ихъ снова, спасая зерно отъ росы.

Разъ во время обѣда пошелъ сильный дождь. Дмитрій Ивановичъ увидѣлъ это въ окно и вдругъ оживленно крикнулъ намъ: — Дѣти! Бѣжимъ закрывать суслоны. Рожь намочитъ!

Мы всѣ вскочили, бросились черезъ паркъ въ поле и съ хохотомъ и криками принялись перебѣгать по большому полю отъ суслона къ суслону и закрывать ихъ снопами. Дмитрій Ивановичъ руководилъ нами и бѣгалъ, также какъ и мы, быстро и весело. Бѣгалъ онъ, немного нагнувшись впередъ и размахивая согнутыми въ локтяхъ руками. Какъ сейчасъ вижу его красивое оживленное лицо, намокшую шляпу и куртку и веселыя движенія.

По утрамъ старшій братъ и сестра учили насъ по русски и по французски. Я что-то запуталась съ переводомъ, и сестра долго держала меня за урокомъ. Дмитрій Ивановичъ проходилъ черезъ гостиную, гдѣ мы учились и вскользь бросилъ сестрѣ:

— Ну, что ты ее моришь надъ книгой, Анюта? Пусти ты ее гулять, успѣетъ.

Я сейчасъ же убѣжала, но почти сорокъ лѣтъ помню, какъ добръ онъ былъ къ дѣтской душѣ.

Настала пора молотьбы. Дмитрій Ивановичъ купилъ новую тогда молотильную машину, съ коннымъ приводомъ, самъ былъ при сборкѣ ея, и первые разы самъ опускалъ развязанные снопы въ барабанъ. Мы, конечно, присутствовали тутъ-же. Какъ сейчасъ вижу его высокую фигуру за молотилкой и то вниманіе и сосредоточенный видъ, съ какимъ онъ слѣдилъ, какъ съ легкимъ хрустомъ барабанъ втягиваетъ колосья, зерна сыплятся внизъ и вбокъ, а освободившаяся, но помятая солома по длиннымъ шевелящимся клавишамъ спускается на землю.

Пришелъ конецъ нашей лѣтней жизни въ деревнѣ. Дмитрій Ивановичъ уѣхалъ читать лекціи въ Петербургъ, а мы поступили въ гимназіи.

Нѣсколько лѣтъ подъ рядъ тянулась по зимамъ эта жизнь. Дмитрій Ивановичъ сказалъ матери, что будетъ платить за меня въ гимназію и покупать нужныя для насъ учебныя книги.

По праздникамъ я ходила иногда въ гости къ Дмитрію Ивановичу на его квартиру въ Университетѣ. Мнѣ нравились огромныя комнаты казенной квартиры въ нижнемъ этажѣ, полукруглыя большія, какъ ворота, окна, выходившія въ университетскій садъ, широкій темный коридоръ, весь заставленный учеными сочиненіями Дмитрія Ивановича, гдѣ связанными пачками виднѣлись все больше „Основы химіи", тогда еще небольшого формата. Скромная обстановка комнатъ, полосатая, сѣрая съ краснымъ, тиковая мебель казалась какой-то мелкой въ огромныхъ комнатахъ. Я находила красивыми большіе ковры на полу и уже тогда висѣвшія на стѣнахъ хорошія гравюры и картины. Особенно загадочно смотрѣла на меня женская головка съ рыжеватыми волосами и какъ будто-бы ручкой кинжала въ рукѣ; заставляла пугаться Фортуна изъ старинной гравюры въ костюмѣ Folie и съ завязанными глазами. Она потрясала бубенцомъ и мчалась въ даль, а люди стояли передъ ней на колѣняхъ и молились на нее. Лучшее же и всегда новое удовольствіе для меня было вертѣть валикъ большого стоячаго стереоскопа и любоваться ледниками и страшными пропастями видовъ Швейцаріи, купленныхъ Дмитріемъ Ивановичемъ во время его путешествій за-границей.

Но самое интересное и таинственное для меня во всей квартирѣ Дмитрія Ивановича былъ его кабинетъ-лабораторія, тоже съ большими полукруглыми окнами, вся заставленная шкафами и полками съ книгами, съ лѣсомъ стеклянныхъ высокихъ и низкихъ, прямыхъ и изогнутыхъ трубокъ и трубочекъ, колбъ, ретортъ, пробирокъ, высокихъ банокъ, съ многими горлышками и разноцвѣтными жидкостями, плита подъ стекляннымъ колпакомъ, газовые рожки, желѣзныя подставки, вѣсы, три винта, проволочныя сѣтки...

Самъ Дмитрій Ивановичъ серьезный и важный, въ своей сѣрой широкой курткѣ или стоялъ и писалъ за высокой

конторкой, стоявшей у газоваго рожка посреди комнаты, или сидѣлъ въ углу дивана, обитаго также сѣрымъ съ коричневымъ тикомъ, и читалъ или также писалъ.

Зимой Дмитрій Ивановичъ уже мало разговаривалъ со мной. Онъ всегда былъ занятъ, и ему всегда было некогда. Выходилъ въ семью онъ только къ обѣду, торопливо ѣлъ два блюда и уходилъ опять въ свой кабинетъ.

Къ нему я всегда входила только здороваться и прощаться. И онъ всегда находилъ все-таки два-три ласковаго слова сказать мнѣ. При уходѣ моемъ онъ всегда давалъ мнѣ мелочи на извощика, и навѣрное зналъ, что изъ этихъ денегъ у меня оставался еще капиталъ на лакомства или карандаши. Онъ всегда съ серьезнымъ видомъ давалъ мнѣ, а я также серьезно принимала и заранѣе разсчитывала на эту главную статью дохода въ своемъ дѣтскомъ бюджетѣ.

Въ первый годъ жизни въ Петербургѣ я захворала тифомъ съ осложненіями и долго поправлялась. Дмитрій Ивановичъ посылалъ мнѣ для подкрѣпленія дорогого рейнвейна. Во время этой-же болѣзни онъ самъ привезъ мнѣ, сибирячкѣ, красивую куклу съ настоящими волосами и нѣжнымъ фарфоровымъ лицомъ, и я, не смотря на свой солидный двѣнадцатилѣтній возрастъ, очень ей была рада.

Лѣто 1868-го года мы провели въ Гатчинѣ, гдѣ старшая сестра моя вышла замужъ. Дмитрій Ивановичъ пріѣзжалъ на свадьбу, былъ посаженымъ отцемъ у сестры, привезъ ей подарки и былъ на свадьбѣ очень веселъ и милъ. Весною этого года у него родилась дочь Ольга.

Съ весны 1869-го года, Дмитрій Ивановичъ, зная, что средства матери невелики, сталъ приглашать ее на лѣто оставлять квартиру и переѣзжать къ нему въ казенную квартиру въ университетъ, а насъ, младшихъ дѣтей, онъ

бралъ къ себѣ на лѣто въ имѣнье. Меня онъ нѣсколько разъ самъ возилъ туда съ собою, и я очень любила эти поѣздки.

Дорогой онъ по прежнему всегда бывалъ веселъ и ласковъ. Ѣздили мы въ третьемъ классѣ въ общемъ вагонѣ.

Тогда въ вагонахъ 3-го класса были коротенькія лавочки съ высокими спинками и проходъ посерединѣ вагона. Самъ Дмитрій Ивановичъ занималъ одну лавочку, меня устроивалъ на другую. Мы пили чай по домашнему въ вагонѣ изъ своихъ чайниковъ и стакановъ. Кондукторъ, щедро получая за труды, очень ухаживалъ за Дмитріемъ Ивановичемъ и не лѣнился ходить за кипяточкомъ.

На каждой большой станціи Дмитрій Ивановичъ ходилъ закусывать въ буфетъ, а мнѣ присылалъ горячее блюдо съ лакеемъ, и я гордо чувствовала себя какой-то важной дамой. На маленькихъ станціяхъ онъ приносилъ мнѣ самъ сладкаго или фруктовъ.

Въ вагонѣ, когда не спалъ—онъ любилъ отсыпаться дорогой—Дмитрій Ивановичъ былъ разговорчивъ съ сосѣдями и всегда затѣвалъ какія нибудь интересныя бесѣды. Кто его зналъ, знаетъ его увлекающую живую манеру говорить обо всемъ, обо всякихъ мелочахъ, его вибрирующій голосъ, то высокій, то низкій, его оригинальныя сравненія и вѣсскія опредѣленія однимъ словомъ сути,—и потому обыкновенно около нашихъ мѣстъ всегда бывала у него цѣлая аудиторія слушателей: тутъ и мужикъ въ сермягѣ, и купецъ въ поддевкѣ, и дьячекъ, и студентъ, и монахиня, и барышня средней руки, и попъ въ старенькой выгорѣвшей рясѣ. Часто слышался веселый открытый смѣхъ Дмитрія Ивановича и общій хохотъ то визгливый, то басистый его слушателей.

Мы ѣздили по Николаевской желѣзной дорогѣ до станціи Клинъ. На станціи сторожа подобострастно встрѣ-

чали Митрія Ивановича. Онъ входилъ въ вокзалъ въ своей широкополой мягкой сѣрой шляпѣ, изъ подъ которой виднѣлись его развѣвающіеся волосы, и въ длинномъ пальто-сакъ. Такъ онъ неизмѣнно одѣвался лѣтомъ, осенью и весной до самой своей кончины.

Мы опять закусывали на станціи и пили чай, пока ямщикъ Засоринъ запрягалъ свою сѣрую тройку, и потомъ съ колокольцемъ и бубеньчиками быстро мчались 18 верстъ до Бобловской горы, съ ея чуднымъ паркомъ, садомъ и тихой деревенской жизнью. Дмитрій Ивановичъ всегда любилъ ѣздить въ деревнѣ сломя голову, въ этомъ тоже сказывалась его чисто русская черта.

Сосѣди мужики любили Дмитрія Ивановича и называли его простымъ бариномъ, хотя онъ не былъ мякишемъ съ ними, наоборотъ строговатъ и рѣзокъ. Онъ не злился, но кричалъ на нихъ частенько, считая нужнымъ *пужнуть*. Они, хотя и побаивались его, но и цѣнили, и любили, въ особенности за то, что съ весны, когда хлѣба почти всегда не хватало, онъ давалъ имъ работу за деньги; то городить его поля, то чистить лѣсъ, то возить камень съ полей! Онъ говорилъ, что и поля очищаются отъ камня, и камень ему пригодится для стройки, и мужикамъ заработокъ.

Въ 1869 г. я нашла въ Бобловѣ на мѣстѣ стараго Дадьяновскаго деревяннаго дома—новый каменный домъ, съ деревяннымъ верхомъ, въ красивомъ чуть-ли не голландскомъ стилѣ съ высокой красной желѣзной крышей, съ балконами, бельведеромъ и галлереей. На верху Дмитрій Ивановичъ жилъ самъ съ своими книгами, приборами и инструментами, а внизу, въ шести комнатахъ помѣщались его семья, няни и гувернантки, впослѣдствіи, и гости — родные.

Старинный садъ съ сиреневой длинной аллеей, съ розами, піонами и жонкилями остался тотъ-же. Такіе-же

Дмитрій Ивановичъ Менделѣевъ съ сыномъ Владиміромъ Дм. и дочерью Ольгой Дм. въ деревнѣ въ 1878 г.

стояли ароматныя, развѣсистыя липы, старые дубы и клены и шумѣли широкими вѣтками темныя сторожевыя ели.

Осенью 1867-го года пріѣхала изъ Сибири другая сестра Дмитрія Ивановича Марія Ивановна Попова съ семьей и мужемъ, бывшимъ директоромъ Томской гимназіи. Они поселились въ Москвѣ, тамъ мужъ Марьи Ивановны по несчастному случаю потерялъ скопленные имъ трудомъ 10 тысячъ рублей и остался съ семерыми дѣтьми, изъ которыхъ старшей дочери было 18 лѣтъ, а младшей $^1/_2$ года, на одну пенсію. Дмитрій Ивановичъ пришелъ имъ на помощь. Онъ далъ имъ отдѣльный кусокъ плодородной земли на Стрѣлицахъ, съ родникомъ, всего 8 десятинъ, далъ матеріалу для постройки дома и службъ и новое хозяйство устроилось на этой землѣ.

Дмитрій Ивановичъ, за неимѣніемъ времени, уже оставилъ свои хозяйственные опыты въ деревнѣ, онъ сдалъ все на руки управляющему, и въ Бобловѣ отдыхалъ и занимался, сидя больше у себя наверху. Изрѣдка онъ еще ѣздилъ съ нами въ лѣсъ или на покосъ, а иногда игралъ съ нами, дѣтьми и подростками, въ крокетъ.

Крокетная площадка была разбита въ саду, между яблонями. Дмитрій Ивановичъ ничего не дѣлалъ вполовину и, когда игралъ въ крокетъ, то такъ увлекался, что не шелъ домой, пока не кончитъ партіи. Я очень любила играть съ нимъ въ одной партіи: тогда всегда выиграешь. Онъ руководилъ планомъ игры, училъ, какъ лучше цѣлиться, и въ азартѣ игры прилегалъ головой къ землѣ, провѣряя, вѣрно-ли наставленъ молотокъ для удара о шаръ. Если темнѣло, а партія не была окончена, онъ посылалъ за фонарями, и мы при свѣтѣ фонарей кончали игру. Мы очень гордились, что Дмитрій Ивановичъ, значеніе котораго какъ извѣстнаго ученаго мы понимали уже, играетъ съ нами въ крокетъ, и горячится такъ-же какъ и мы, если противникъ крокетируетъ удачно его шаръ.

Иногда, въ дождливые вечера, Дмитрій Ивановичъ игралъ съ нами въ московскіе дурачки, въ шесть картъ. И ни разу не случилось, чтобы онъ проигралъ.

Помню разъ зимой жена Дмитрія Ивановича взяла меня на университетскій актъ 8-го февраля. Меня больше всего поразило на этомъ актѣ, что когда читали о научной дѣятельности профессоровъ за истекшій годъ, то чаще всѣхъ слышалось имя профессора Менделѣева. Сдѣлалъ то-то... профессоръ Менделѣевъ. Напечаталъ то-то... профессоръ Менделѣевъ. Производилъ опыты профессоръ Менделѣевъ и т. д., и т. д.

— Слушай, Наденька, и помни это, сказала мнѣ тетка.

Въ 1872 году я кончила курсъ въ гимназіи и пришла сказать объ этомъ Дмитрію Ивановичу.

Онъ поздравилъ меня и сталъ спрашивать, что я намѣрена дѣлать послѣ гимназіи.

— Я хочу рисовать, сказала я неувѣренно. И хотѣла бы учиться дальше. Я ничего не знаю.

— Вотъ видишь, то рисовать хочешь, то учиться, сказалъ онъ протяжно, и быстро прибавилъ: Чему учиться?

— Я люблю... науки. Я бы все хотѣла знать.

Дмитрій Ивановичъ разсмѣялся.

— Все хотѣла знать... Науки любитъ... Разобраться тебѣ надо въ себѣ, матушка, что ты любишь и чего хочешь. Всему учиться сразу нельзя. Надо что-нибудь одно дѣлать. Разобраться надо...

Это *разобраться* я помню до сихъ поръ. И хорошо-бы, если бы въ юности всякій получалъ этотъ совѣтъ разобраться въ себѣ и слѣдовалъ ему.

— Я бы хотѣла быть развитой, дяденька.

Дмитрій Ивановичъ усмѣхнулся.

— Развитой? Бѣды!... Да, вотъ столяръ развитой.

Лицо мое выразило величайшее недоумѣніе.

— Столяръ?! Развитой?!

— Да, матушка, столяръ развитой человѣкъ, потому что онъ знаетъ вполнѣ свое дѣло, до корня. Онъ и во всякомъ другомъ дѣлѣ, поэтому, пойметъ суть и будетъ знать, что надо дѣлать.

А я думала тогда, что развитой человѣкъ тотъ, кто Милля и Спенсера понимаетъ.

Дмитрій Ивановичъ точно читалъ въ душѣ у меня.

— Онъ, матушка, и Милля пойметъ лучше, чѣмъ ты, если захочетъ, потому что у него есть основа... Ну, ступай... мнѣ некогда... Съ Богомъ... Подожди. Постой. Вотъ еще что тебѣ скажу. Самолюбива не будь, если хочешь дѣло дѣлать. Самолюбивый человѣкъ все будетъ вертѣться на своемъ „я“ и не пойдетъ впередъ, а не самолюбивый будетъ прогрессировать быстро, потому что не будетъ обижаться, а мотать всѣ замѣчанія себѣ на усъ... Ну... съ Богомъ!.. Христосъ съ тобой.

II.

ВОСПОМИНАНІЯ ЮНОШЕСКІЯ.

1872—1882 г.

Теперь перехожу къ воспоминаніямъ о жизни Дмитрія Ивановича въ дни моей молодости, которая вся прошла вблизи него. Лѣтомъ я гостила у него въ деревнѣ, въ Бобловѣ, весной мы жили въ университетѣ съ нимъ, когда семья его уѣзжала въ деревню. Зимой я часто бывала у него на вечерахъ, которые онъ устраивалъ для молодежи и по средамъ, когда у него собирались ученые и художники. Въ этотъ же періодъ произошла и важная перемѣна въ его жизни: его женитьба во второй разъ. Но прежде я хочу коснуться общей характеристики Дмитрія Ивановича: его наружности, характера и образа

жизни. Здѣсь будутъ умѣстны, записанныя мною въ разговорахъ съ нимъ, нѣкоторыя его мнѣнія и мысли.

НАРУЖНОСТЬ И ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА ДМИТРІЯ ИВАНОВИЧА.

Наружность его извѣстна многимъ по его портретамъ. Самое характерное въ немъ было: грива длинныхъ пушистыхъ волосъ вокругъ высокаго бѣлаго лба, очень выразительнаго и подвижного, и ясные, синіе проникновенные глаза. Студенты, слушавшіе его, когда онъ былъ профессоромъ университета до 1891 года, разсказывали, что, когда приходили на экзаменъ, то Дмитрій Ивановичъ, прежде всего, внимательно и остро окидывалъ ихъ взглядомъ, точно въ душу заглядывалъ, и потомъ уже начиналъ спрашивать. При этомъ отмѣтки онъ ставилъ не за знаніе на память, а за то, понимаетъ-ли, и за способности, какъ онъ самъ говорилъ.

Глаза Дмитрія Ивановича были до послѣднихъ дней его жизни яркосиніе, и иногда послѣдніе годы смотрѣли такъ ясно и добро, какъ глаза человѣка не отъ міра сего.

Въ фигурѣ его, при большомъ ростѣ и немного сутоловатыхъ широкихъ плечахъ, выдѣлялась тонкая длинная рука психическаго склада, съ прямыми пальцами, съ красивыми крѣпкими ногтями, и съ выразительными жестами. Походка у него была быстрая, и движенія тѣла, головы и рукъ были живыя и нервныя и въ разговорѣ, и въ дѣлѣ: при отыскиваніи книгъ, инструментовъ, справокъ.

Черты лица его, особенно носъ, были правильны. Въ формѣ носа, въ правильномъ профилѣ, въ мягкихъ усахъ, въ русой, слегка раздвоенной бородѣ, въ чистомъ цвѣтѣ лица и гладкой кожѣ сказывалась его великорусская порода изъ Тверской губ. Губы у него были крупныя, полныя и красиво очерченныя. Самое лучшее въ нихъ былъ разрѣзъ рта, линія разрѣза была твердая, но сочная. Это

былъ складъ губъ человѣка съ добрымъ сердцемъ, но съ характеромъ и волей.

И ротъ, и разрѣзъ губъ у него очень похожи на портретѣ И. Н. Крамского, написанномъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ, но глаза на портретѣ не похожи совсѣмъ, въ нихъ что-то больное и вялое, и взглядъ не его, какой-то косой.

Несмотря на то, что у Дмитрія Ивановича было такое типичное русское лицо, въ немъ многіе находили сходство съ Гарибальди, хотя тотъ былъ сициліецъ, а онъ на половину тверитянинъ, на половину сибирякъ. Сходство это подмѣчено было и итальянскимъ профессоромъ Назини.

Манеры, разговоръ и жесты Дмитрія Ивановича были очень оригинальны и своеобразны. При разговорѣ онъ всегда жестикулировалъ. Широкія, быстрыя и нервныя движенія рукъ отвѣчали всегда его настроенію. Когда его что нибудь разстраивало и внезапно огорчало, онъ обѣими руками хватался за голову, и это дѣйствовало на очевидца сильнѣе, чѣмъ если бы онъ заплакалъ. Когда же онъ задумывался, то онъ прикрывалъ глаза рукой, что было очень характерно.

Тембръ голоса у него былъ низкій, но звучный и внятный, но тонъ его очень мѣнялся и часто переходилъ съ низкихъ, глухихъ нотъ на высокія почти теноровыя. И эта измѣнчивость и жестовъ, и самого голоса придавала много живости и интереса его словамъ, разговорамъ и рѣчи. Самое выраженіе его лица и глазъ мѣнялось, смотря по тому, о чемъ онъ говорилъ. Когда онъ говорилъ про то, чего не любилъ, то морщился, нагибался, охалъ, пищалъ, напр. въ словахъ: церковники, латынщина, тенденція. Но когда напр. онъ говорилъ о Богѣ, какъ о верховной стихіи, о движеніи, голосъ его звучалъ ясно и низко, голова поднималась, глаза сверкали.

Дома Дмитрій Ивановичъ всегда носилъ широкую суконную куртку безъ пояса, самимъ имъ придуманнаго фасона, нѣчто среднее между блузой и курткой, всегда темно-сѣраго цвѣта.

Мнѣ рѣдко приходилось видѣть его въ мундирѣ или во фракѣ. Лентамъ и орденамъ, которыхъ у него было очень много, до Александра Невскаго включительно, онъ не придавалъ никакого значенія, и всегда сердился, когда получалъ звѣзды, за которыя надо было много платить.

Мнѣ больно было видѣть его въ гробу въ шитомъ золотомъ мундирѣ. Это такъ не шло къ нему, эта бюрократическая форма, хотя спокойное, но строгое и величавое выраженіе лица его въ гробу заставляло забывать обо всемъ внѣшнемъ, житейскомъ.

Одеждѣ и такъ называемымъ приличіямъ въ томъ, что надѣть, онъ не придавалъ никакого значенія во всю свою жизнь.

Въ день обрученія его старшаго сына ему сказали, что надо непремѣнно надѣть фракъ.

— Коли фракъ надо, надѣнемъ, сказалъ онъ добродушно, и надѣлъ фракъ на сѣрыя домашнія брюки.

Но фракъ шелъ къ нему вообще, синяя и красная ленты звѣздъ выдѣляли его сѣдые въ послѣдніе годы волосы и бѣлое, чистое лицо.

Разсказывали, что передъ представленіемъ Дмитрія Ивановича покойному Государю Александру III, Государь очень интересовался, обстрижетъ-ли Менделѣевъ свои длинные волосы, но онъ не обстригъ. Онъ стригся только разъ въ году весной, передъ тепломъ.

Въ обращеніи Дмитрій Ивановичъ былъ очень оригиналенъ и своеобыченъ и, когда былъ въ духѣ, то бывалъ очень любезенъ и милъ.

По старинному обычаю, прежде еще по приказанію моей матери, когда я приходила поздравлять его съ днемъ

именинъ, рожденья, съ новымъ годомъ, если онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, онъ говорилъ, улыбаясь: И васъ также... Не стоитъ благодарности.—А, если не въ духѣ, то бормоталъ: Ну, чего тамъ поздравлять. Не съ чѣмъ, матушка... Пустяки все толкуете... И морщился при этомъ.

Кто мало зналъ Дмитрія Ивановича и судилъ поверхностно, считалъ характеръ его невыносимо тяжелымъ. Онъ не любилъ противорѣчій, это правда, и не любилъ, чтобы перебивали рѣчь, потому что перебивалась нить его мысли. Какъ очень нервный человѣкъ, онъ легко раздражался и кричалъ даже, но и раздраженіе, и крикъ этотъ больше всего были похожи на береговой вѣтеръ у моря, который только сверху рябитъ морскую поверхность, а въ глубинѣ море остается тихо, ясно и спокойно.

Разсказываютъ, что разъ, когда Дмитрій Ивановичъ былъ уже управляющимъ Палатой мѣръ и вѣсовъ, онъ пришелъ въ Палату нервный и раздраженный, и всѣхъ сильно разбранилъ, придираясь къ случаю, начиная со старшихъ служащихъ и кончая сторожами, причемъ далеко раздавался его громкій голосъ. Всѣ были смущены, многіе боялись его, и присмирѣли. А Дмитрій Ивановичъ, придя въ свой рабочій кабинетъ въ Палатѣ, сказалъ, добродушно улыбаясь, какъ ни въ чемъ не бывало: Вотъ, какъ я сегодня въ духѣ.

Иногда случалось, что бывавшіе у него по дѣлу, служившіе или работавшіе у него, выскакивали отъ него изъ кабинета, какъ мячики, и точно ошпаренные, такъ имъ попадало. Дмитрій Ивановичъ не любилъ неувѣренности, необдуманности, торопыжничества въ работѣ и, какъ самъ строго относился къ своей работѣ, такъ требовалъ и отъ другихъ. Отъ лаборантовъ, на своихъ лекціяхъ, онъ требовалъ чистоты работы и точности при опытахъ. На его лекціяхъ, когда онъ читалъ ихъ на

Высшихъ Женскихъ Курсахъ, мнѣ было всегда интересно видѣть, какъ по мѣрѣ его чтенія опыты, постепенно подготовлявшіеся лаборантомъ, выходили какъ по волшебству. Онъ говорилъ, напр.: „Можетъ и кислородъ горѣть въ водородѣ“, — оборачивался и кислородъ горитъ. Трудный опытъ происходилъ блистательно у кудесника-лаборанта, которому, конечно, для такого волшебства приходилось много трудиться и проходить строгую школу у своего профессора.

Разъ при мнѣ одинъ изъ лаборантовъ принесъ къ Дмитрію Ивановичу на просмотръ свою написанную работу, въ которой сдѣлалъ какія-то ошибки.

Дмитрій Ивановичъ распекъ его жестоко, такъ что тотъ весь раскраснѣлся, но когда хотѣлъ уходить, то Дмитрій Ивановичъ сказалъ ему мирнымъ тономъ и самымъ добродушнымъ голосомъ:

— Куда же вы, батюшка? Сыграемте-же партію въ шахматы.

Одно время я занималась у Дмитрія Ивановича корректурой и нѣкоторыми доступными мнѣ вычисленіями, когда онъ работалъ надъ своимъ „Толковымъ тарифомъ“. Я приходила каждый день и работала до вечера. И тутъ мнѣ часто сильно доставалось то за ошибки, то за невѣрные пріемы работы, то за то, что спрашиваю о томъ, о чемъ сама могу догадаться.

Помню, разъ онъ самъ засмѣялся, когда сказалъ мнѣ:

— Я съ тобой не разговариваю, матушка, я браню тебя.

Но всегда всѣ, работавшіе подъ руководствомъ Дмитрія Ивановича, не смотря на его окрики и рѣзкости иногда, любили его потому именно, что это не была злоба мелкой натуры, а нервность и впечатлительность большого ума, который самъ-то все такъ быстро и широко схватывалъ и только потому искалъ сотрудниковъ, что

на все у него не хватало времени и возможности. Помню, разъ ему нужны были какія-то перемноженія на многозначныя цифры и онъ предложилъ мнѣ дѣлать ихъ наперегонки съ нимъ, кто скорѣе — онъ или я, и пока я дѣлала два, онъ сдѣлалъ семь умноженій.

Иногда въ дурномъ духѣ онъ накричитъ на лаборанта, на работающаго у него, на прислугу, а потомъ сейчасъ-же идетъ мириться и улыбается своей мягкой, доброй улыбкой.

Дмитрій Ивановичъ при своей всегдашней серьезной дѣятельности очень не любилъ, когда его отрывали отъ дѣла, и безцеремонно высказывалъ это тѣмъ, кто имѣлъ несчастіе ему помѣшать; особенно же доставалось репортерамъ.

Его пріемъ репортеровъ бывалъ часто забавенъ: онъ ворчалъ на нихъ, иронизировалъ, ругался иногда, и это бывало такъ комично, что семья сбѣгалась въ сосѣднюю комнату послушать вѣжливые и робкіе вопросы репортера и ворчливо-сердитыя, но часто остроумныя реплики Дмитрія Ивановича.

Во время такъ нашумѣвшаго забаллотированія Дмитрія Ивановича въ нашу Академію Наукъ говорили, что нѣмецкая партія Академіи его не выбрала именно изъ-за его безпокойнаго для нихъ, энергичнаго характера.

Нервность, горячность, подчасъ раздражительность — это черты, детали его характера, но основа его, фонъ — было широкое, любящее сердце. Онъ сердечно привязывался ко всѣмъ своимъ лаборантамъ и многимъ сотрудникамъ по работамъ въ его лабораторіи въ университетѣ, а впослѣдствіи къ сослуживцамъ въ Палатѣ мѣръ и вѣсовъ. Онъ входилъ въ интересы ихъ личной жизни и старался каждому помочь, чѣмъ могъ. Онъ особенно былъ привязанъ къ покойному Л. Л. Кирпичеву, который работалъ у него, когда онъ дѣлалъ изслѣдованія надъ

упругостью газовъ. У него работали тогда нѣсколько лѣтъ подрядъ Н. Н. Каяндеръ, Е. К. Гутковская, а также В. А. Гемиліанъ, Ѳ. Я. Капустинъ, Богусскій, г-жа Гросманъ. Дмитрій Ивановичъ всегда любилъ также постепенно смѣнявшихъ другъ друга лаборантовъ своихъ: Г.Г. Густавсона, Г. А. Шмидта, Д. П. Павлова, уже покойнаго, В. Е. Тищенко. Печатая свои многочисленныя работы, онъ въ предисловіи всегда упоминалъ обо всѣхъ своихъ сотрудникахъ и всѣхъ благодарилъ. Даже про меня онъ упоминалъ раза два въ „Толковомъ тарифѣ“ и въ „Завѣтныхъ мысляхъ“.

Здѣсь будетъ кстати сказать, что Дмитрій Ивановичъ относился всегда съ большимъ сочувствіемъ къ такъ называемому женскому вопросу: къ женскому высшему образованію и труду, и доказывалъ это на дѣлѣ. Еще въ концѣ 60-хъ годовъ онъ читалъ лекціи по химіи на первыхъ Высшихъ Женскихъ Курсахъ на Владимірской, и устроилъ первую химическую лабораторію для практическихъ занятій слушательницъ у князя Кочубея.

Въ его университетской лабораторіи работали: Е. К. Гутковская и Гросманъ.

Въ Палатѣ мѣръ и вѣсовъ у него работали на штатныхъ мѣстахъ нѣсколько женщинъ съ высшимъ и среднимъ образованіемъ, и онъ очень цѣнилъ ихъ работоспособность.

Нечего и говорить о томъ, какъ сильно и глубоко любилъ Дмитрій Ивановичъ свою семью, своихъ дѣтей. Онъ говорилъ часто: „Чѣмъ бы, и какъ бы серьезно я ни былъ занятъ, но я всегда радуюсь, когда кто-нибудь изъ нихъ войдетъ ко мнѣ“. Онъ говорилъ также: „Много я въ моей жизни испыталъ, но лучшаго счастья не знаю, какъ видѣть около себя своихъ дѣтей“.

Но Дмитрій Ивановичъ всегда любилъ, о чемъ я уже писала, и чужихъ дѣтей всѣхъ возрастовъ. Дѣти служа-

щихъ и сторожей въ Палатѣ мѣръ и вѣсовъ всегда бѣжали къ нему, какъ только видѣли его во дворѣ; они знали, что у него найдется для нихъ и ласка, и гостинцы въ карманѣ: яблоки или конфеты. Каждое Рождество въ продолженіе многихъ лѣтъ Дмитрій Ивановичъ на свой счетъ устраивалъ для дѣтей служащихъ, сторожей и рабочихъ въ Палатѣ мѣръ и вѣсовъ, красивую елку съ игрушками всѣмъ дѣтямъ.

Къ служащимъ въ домѣ его, гувернанткамъ и прислугамъ онъ тоже относился заботливо и сердечно. Они всѣ долгими годами жили у него. Онъ всегда принималъ къ сердцу и невзгоды, и радости ихъ.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, какъ-то при мнѣ Дмитрій Ивановичъ пришелъ къ обѣду и сказалъ женѣ:

— А у насъ семейная радость. Михайла (его слуга) женится. Онъ, вообще, любилъ больше семейныхъ служащихъ и семейнымъ въ Палатѣ мѣръ и вѣсовъ прибавлялъ по нѣсколько рублей жалованья.

Дмитрій Ивановичъ любилъ также и животныхъ: кошекъ, собакъ и птицъ. Младшая дочь, когда была маленькая, чтобы доставить ему удовольствіе, на время дарила ему свою любимую канарейку, и онъ забавлялся съ птичкой и слѣдилъ за тѣмъ, что она дѣлаетъ. Онъ очень любилъ также бѣлаго попугая, привезеннаго его сыномъ морякомъ изъ Индіи. Онъ любилъ кормить его кедровыми орѣхами и разговаривать съ нимъ о чаѣ.

Нѣкоторые считали Дмитрія Ивановича скуповатымъ, но онъ не былъ ни скупъ, ни жаденъ, онъ только понималъ цѣну деньгамъ, былъ бережливъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже разсчетливъ. Онъ съ дѣтства видѣлъ, какъ бились его мать и отецъ съ маленькими средствами, какъ работала мать для добыванія денегъ для семьи и, конечно, заработавъ все своимъ трудомъ, понималъ и цѣнилъ трудъ и деньги; но ни у него, ни

въ семьѣ ихъ не было никогда скопидомства и грошевыхъ разсчетовъ. Покупать вещи, книги, картины, рисунки, посуду, одежду, все это онъ любилъ хорошее, первосортное, но терпѣть не могъ ни въ чемъ такъ называемаго мѣщанства и буржуазнаго вкуса.

Очень характерной чертой Дмитрія Ивановича во все время, какъ я его знала, было то, что онъ не любилъ, когда при немъ про кого нибудь говорили дурно, и всегда прекращалъ этотъ разговоръ. Онъ не любилъ еще, чтобы его благодарили, и убѣгалъ отъ выраженій благодарности или кричалъ на благодарившаго: — Да перестань... Глупости это все... И что тамъ благодарить. Глупости, глупости!..

Нѣкоторые говорили про Дмитрія Ивановича: „У него тяжелый характеръ". Другіе говорили: „У него безпокойный характеръ". И третьи называли его львомъ въ берлогѣ, который рычитъ, когда къ нему войдешь. Но кто зналъ его близко и любилъ, тотъ зналъ, сколько доброты и мягкости было въ душѣ этого большого человѣка.

ОБРАЗЪ ЖИЗНИ ДМИТРІЯ ИВАНОВИЧА.

Съ тѣхъ поръ, какъ я знаю Дмитрія Ивановича, и до самыхъ его послѣднихъ дней онъ приблизительно велъ дома все одинаковый, простой и труженическій образъ жизни.

Сонъ у него былъ вполнѣ въ зависимости отъ работы въ данное время. Иногда онъ всю ночь работалъ и вставалъ тогда очень поздно, иногда рано ложился, но и вставалъ рано.

Спалъ Дмитрій Ивановичъ очень крѣпко и почти безъ сновидѣній, и крѣпкій сонъ очень возстановлялъ его силы. Онъ разсказывалъ, что разъ заграницей, ночью въ поѣздѣ случился пожаръ; началась бѣготня, шумъ, крики, поѣздъ остановили, но Дмитрій Ивановичъ спалъ такъ крѣпко,

что ничего не слышалъ. Когда онъ проснулся утромъ, его сосѣдъ англичанинъ разсказалъ ему про пожаръ.— Что же вы меня не разбудили? сказалъ Дмитрій Ивановичъ. — Зачѣмъ? Наше купэ еще не горѣло, отвѣтилъ англичанинъ.

Въ общемъ Дмитрій Ивановичъ вставалъ поздно; когда не читалъ лекцій въ университетѣ, — часовъ въ 11—12, а иногда и позже, потому что часто ложился не ранѣе 3—4 часовъ ночи. Онъ любилъ работать ночью, когда тихо, дѣти и семья спятъ и ничто его не безпокоитъ. Утромъ еще въ кровати онъ неизмѣнно выпивалъ кружку теплаго молока, которую ему ставили на столикъ около него, и потомъ вставалъ съ постели.

Когда Дмитрій Ивановичъ жилъ въ университетѣ, онъ спалъ въ большой комнатѣ, на деревянномъ желтомъ лакированномъ диванѣ съ тоненькимъ тюфякомъ, а позднѣе, на частной квартирѣ на Кадетской линіи и на казенной квартирѣ въ Палатѣ мѣръ и вѣсовъ, онъ спалъ уже на кровати, но съ однимъ волосянымъ матрацомъ. Въ обѣихъ послѣднихъ квартирахъ спальни его были маленькія квадратныя комнатки: онъ любилъ маленькія комнаты. Вставъ и умывшись, онъ уходилъ сейчасъ-же въ свой кабинетъ и тамъ пилъ одну, двѣ, а иногда три большихъ, въ видѣ кружки, чашки крѣпкаго постнаго, не очень сладкаго чаю. Съ чаемъ онъ съѣдалъ или серединку подковы съ макомъ, намазанной масломъ, или два, три бутерброда съ икрой, сыромъ, съ ветчиной или колбасой. Поздоровавшись съ семьей, онъ сразу садился работать и работалъ часовъ до 5—$5^1/_2$. Послѣднее время онъ никогда почти не завтракалъ. Если погода была порядочная, онъ выходилъ погулять на $^1/_4$, или на $^1/_2$ часа. Онъ не любилъ гулять безъ цѣли и всегда ходилъ купить что нибудь: сладкаго, фруктовъ, рыбу, которую онъ любилъ, или игрушки, когда дѣти были малы, или книги для нихъ.

Обѣдалъ онъ неизмѣнно въ 6 часовъ. Онъ любилъ всегда, если у нихъ бывалъ кто нибудь за обѣдомъ изъ родныхъ или близкихъ знакомыхъ. Онъ былъ очень радушный хозяинъ.

Ѣлъ Дмитрій Ивановичъ всегда необыкновенно мало: немного бульона, или ухи, кусочекъ рыбы или котлету, нѣсколько ложекъ какой нибудь каши. У него были свои излюбленныя кушанья, имъ самимъ для себя придуманныя: отварной рисъ съ краснымъ виномъ, ячневая каша, гречневая каша крутая, или размазня, поджаренныя на маслѣ лепешки изъ варенаго риса или геркулеса. И этотъ пищевой режимъ, эта умѣренность продлила его жизнь почти до 73-хъ лѣтъ. Вина онъ пилъ всегда мало: по полъ-стаканчика легкаго краснаго кавказскаго вина или бордо. Иногда онъ пилъ немного сидру, иногда любилъ пить домашній квасъ. Послѣднее время онъ совсѣмъ почти не пилъ вина.

За обѣдомъ Дмитрій Ивановичъ бывалъ иногда очень милъ и разговорчивъ, часто говорилъ о томъ, надъ чѣмъ работалъ въ это время. Сладкаго блюда онъ никогда почти не ѣлъ и часто уходилъ изъ за стола ранѣе конца обѣда. Онъ цѣловалъ жену въ лобъ и шелъ къ себѣ въ кабинетъ, откуда присылалъ съ приходившими къ нему дѣтьми сладкаго или фруктовъ для всѣхъ. У него всегда были запасы дессерта для семьи. Если въ гостяхъ бывалъ мужчина, Дмитрій Ивановичъ ждалъ, но довольно нетерпѣливо надо сказать, когда тотъ кончитъ третье блюдо, и говорилъ, забавно морщась, если былъ въ духѣ:— Ну, пойдемте ко мнѣ... Довольно вамъ съ дамами тутъ любезничать. Пойдемте, пойдемте, батюшка.

Послѣ обѣда, для отдыха Дмитрій Ивановичъ любилъ читать, или ему читали вслухъ романы съ приключеніями, особенно изъ жизни краснокожихъ Индѣйцевъ, а также уголовные романы, изъ которыхъ всѣхъ выше онъ ста-

вилъ Рокамболя. „Терпѣть я не могу этихъ психологическихъ анализовъ, говорилъ онъ. То ли дѣло, когда въ Пампасахъ Индѣйцы скальпы снимаютъ съ бѣлыхъ, слѣды отыскиваютъ, стрѣляютъ безъ промаха... Интересъ есть... Или Рокамболь... Думаешь, онъ убитъ... А онъ, глядишь, воскреснетъ, и опять новыя приключенія... Фантазія какая богатая"... Любилъ онъ также Жюля Верна, котораго перечитывалъ по многу разъ.

Но конечно, какъ человѣкъ пытливый и не узкій спеціалистъ ученый, онъ читалъ и Шекспира, котораго высоко ставилъ, и Шиллера, и Гете, и Гюго, и Байрона, и нашихъ всѣхъ классиковъ, начиная съ Жуковскаго и Пушкина. Изъ иностранныхъ поэтовъ онъ болѣе всѣхъ любилъ Байрона, и особенно *„Тьму"*, которую иногда перечитывалъ, а изъ русскихъ—Майкова и Тютчева. Вѣроятно эти два спокойные созерцательные поэта отвѣчали часто его настроенію. У Майкова онъ болѣе всего любилъ и перечитывалъ иногда *„Три смерти"*, а у Тютчева любимымъ его стихотвореніемъ было *Silentium*. которое онъ зналъ даже наизусть и къ случаю иногда недурно декламировалъ. Вотъ оно:

SILENTIUM.

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои!
Пускай въ душевной глубинѣ
И всходятъ и зайдутъ онѣ,
Какъ звѣзды ясныя въ ночи;
Любуйся ими и молчи!

* * *

Какъ сердцу высказать себя?
Другому какъ понять тебя?
Пойметъ-ли онъ, чѣмъ ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи:
Питайся ими и молчи!

* * *

Лишь жить въ самомъ себѣ умѣй:
Есть цѣлый міръ въ душѣ твоей
Таинственно волшебныхъ думъ;
Ихъ заглушитъ наружный шумъ,
Дневные ослѣпятъ лучи:
Внимай ихъ пѣнью и молчи!

Ѳ. Тютчевъ.

Иногда Дмитрій Ивановичъ раскладывалъ пасьянсъ, пока ему читали вслухъ. Онъ всегда сердился, если ему указывали, куда лучше положить карту, онъ во всемъ любилъ самостоятельность.

Отдохнувъ послѣ обѣда, онъ опять садился заниматься и работалъ до глубокой ночи.

Иногда по вечерамъ Дмитрій Ивановичъ любилъ съ приходившими къ нему партнерами поиграть въ шахматы. Онъ игралъ очень хорошо, но проигрывать не любилъ. и очень рѣдко получалъ матъ. Онъ игралъ обдуманно и весь уходя въ игру. Моя мать Екатерина Ивановна Капустина любила разсказывать, что, когда она была уже замужемъ и жила въ Омскѣ, мать ихъ пріѣзжала къ нимъ погостить съ шестилѣтнимъ тогда Дмитріемъ Ивановичемъ. Занимая ребенка, Екатерина Ивановна играла съ нимъ иногда въ модную тогда игру въ карты „*тинтере*“ или „*палки*“, гдѣ главную роль игралъ счетъ, и маленькій будущій ученый всегда обыгрывалъ свою замужнюю сестру.

Часовъ въ 9 вечера Дмитрій Ивановичъ пилъ чай въ кабинетѣ у себя изъ своей большой чашки, какъ всегда, очень крѣпкій, съ кускомъ булки съ масломъ или поджаренными лепешками изъ геркулеса, или изъ ячневой, или рисовой крупы. Лепешечки эти ставились ему въ кабинетѣ на столъ на тарелкѣ подъ стекляннымъ колпакомъ. А на ночь, въ постели, Дмитрій Ивановичъ опять выпивалъ кружку теплаго молока.

И такъ шла его труженическая жизнь изо дня въ день, изъ года въ годъ.

Когда Дмитрій Ивановичъ еще читалъ лекціи въ университетѣ, то выбиралъ для нихъ всегда утренніе часы, чтобы осталось больше времени для его научныхъ работъ. Только въ послѣдніе годы онъ сталъ читать лекціи среди дня и позднѣе.

Изъ дома Дмитрій Ивановичъ выѣзжалъ изрѣдка только по дѣлу. Въ гости онъ не ѣздилъ почти никогда. Прежде бывалъ только на ежегодныхъ обѣдахъ Передвижниковъ и на университетскихъ обѣдахъ 8-го февраля.

Въ театры онъ ѣздилъ очень рѣдко. Помню, что ѣздилъ смотрѣть Сальвини и Стрепетову и слушать Тангейзера. Былъ онъ также на „Евгеніи Онѣгинѣ“ и на „Игорѣ“ Бородина, главнымъ образомъ потому, что авторъ „Игоря“ былъ другъ его юности. Поѣхалъ онъ разъ слушать Зембрихъ, но убѣжалъ послѣ перваго акта.

Онъ не любилъ частыхъ выѣздовъ въ театры, потому что считалъ разсѣяніе помѣхой въ работѣ. Онъ находилъ, что привычка часто ѣздить по театрамъ мѣшаетъ сосредоточиться, пріучаетъ искать развлеченій извнѣ и заставляетъ наполнять жизнь „пустяками и глупостями“. Мнѣ часто доставалось въ моей молодости за театръ.

— Опять въ театръ!.. сердито ворчалъ онъ. Глупости это, матушка. Пустяками занимаешься...

На выставкахъ картинъ Дмитрій Ивановичъ наоборотъ очень любилъ бывать и посѣщалъ почти всѣ.

Онъ любилъ картины и изобразительное искусство, понималъ живопись и цѣнилъ ее.

Чтобы показать, какъ Дмитрій Ивановичъ серьезно и глубоко относился къ живописи и къ изобразительному искусству, я приведу здѣсь замѣтку его о пейзажѣ по поводу картины А. Куинджи *Днѣпровская ночь*, напечатанную въ газетѣ *Голосъ* 13-го ноября 1880 г. въ № 314:

Передъ картиною А. И. Куинджи.

Предъ Днѣпровскою ночью А. И. Куинджи, какъ я думаю, забудется мечтатель, у художника явится невольно своя новая мысль объ искусствѣ, поэтъ заговоритъ стихами, въ мыслителѣ-же родятся новыя понятія—всякому она дастъ свое. Позвольте-же и мнѣ, естествоиспытателю, передать внушенное этою картиною. Мысли мои изложены отрывочно, но стройно уложились въ моей головѣ и отвѣчаютъ давно занимающему меня вопросу—о причинѣ вліянія пейзажа на зрителя. Сперва казалось мнѣ, что это дѣло личнаго вкуса, какъ пониманіе или чувство красотъ природы. Полное убѣжденіе въ несостоятельности такого толкованія, давно уже отвергнутаго мною, получилось, когда я услышалъ отзывы о картинѣ г. Куинджи: они всѣ однородны; и красоту ночи, луннаго блеска на рѣкѣ и воздушной синевы поняли въ картинѣ даже тѣ, кто въ дѣйствительности не примѣтилъ-бы красотъ днѣпровской лунной ночи. Рождались въ головѣ не разъ и другія толкованія, но не перечисляю ихъ—они не удовлетворяли. Теперь сложилось что-то удовлетворяющее, и думаю, что можно подѣлиться имъ.

Въ древности пейзажъ не былъ въ почетѣ, хотя существовалъ. Даже у великановъ живописи XVI-го столѣтія пейзажъ, если былъ, то служилъ лишь рамкою. Тогда вдохновлялись лишь человѣкомъ, даже боговъ и Бога выражали человѣкомъ; въ человѣкѣ одномъ находили безконечное и божественное, вдохновляющее; тогда поклонялись уму и духу людскому. Въ наукѣ это выразилось тѣмъ что ея вѣнцомъ служили математика, логика, метафизика, политика. Въ искусствѣ людское самообожаніе выражено въ томъ, что художниковъ занималъ и вдохновлялъ только человѣческій образъ. Думаю и пишу, однако, не противъ математики, метафизики или классической живо-

писи, а за пейзажъ, которому въ старинѣ не было мѣста. Время смѣнилось. Люди разувѣрились въ самобытной силѣ человѣческаго разума, въ возможности найти вѣрный путь, лишь углубляясь въ самихъ себя, въ людское, становясь аскетомъ, или метафизикомъ, или политикомъ, и было понятно, что, направляя изученіе на внѣшнее, попутно станутъ лучше понимать и себя, достигнутъ полезнаго, спокойнаго и яснаго, потому что къ внѣшнему можно отнестись и правдивѣе.

Стали изучать природу, родилось естествознаніе, котораго не знали ни древніе вѣка, ни эпоха возрожденія. Наблюденіе и опытъ, индукція мысли, покорность неизбѣжному, его изученіе и пониманіе скоро оказались сильнѣе и новѣе, и плодотворнѣе чистаго, абстрактнаго мышленія, болѣе доступнаго и легкаго, но нетвердаго, свертывающаго поминутно даже съ вѣрной дороги на лживую. Стало понятно, что человѣкъ, его сознаніе и разумъ—только для цѣлаго, легче постигаемаго во внѣшней, чѣмъ во внутренней людской природѣ. Пришлось изъ царскаго своего величія потерять кое-что, выгадывая въ правдѣ и силѣ. Природа стала не рабомъ, не рамкой — подругой, равной человѣку, женою мужу. И мертвая, безчувственная ожила предъ глазами людей. Началось вездѣ движеніе, во всемъ запасъ энергіи, вездѣ высшій, естественный разумъ, простота и цѣлесообразность, или красота внутренняго смысла. Вѣнцомъ знанія стали науки индуктивныя, опытныя, пользующіяся знаніемъ внѣшняго и внутренняго, помирившія царственную метафизику и математику съ покорнымъ наблюденіемъ и съ просьбою отвѣта у природы.

Единовременно,—если не раньше,— съ этою перемѣною въ строѣ познанія родился пейзажъ. И вѣка наши будутъ когда нибудь характеризовать появленіемъ естествознанія въ наукѣ и пейзажа въ искусствѣ. Оба чер-

паютъ изъ природы, внѣ человѣка. Старое не умерло, не брошено и не забыто, а новое родилось и усложнило число понятій, упростивъ и уяснивъ пониманіе прежняго. Безконечное, высшее, разумнѣйшее, божественное и вдохновляющее нашлось внѣ человѣка, въ пониманіи, изображеніи, изученіи и образѣ природы. Самопознаніе отъ этого возросло. Еще крѣпка, хотя и шатается старая вѣра въ абсолютный человѣческій разумъ, еще не выросла новая — въ цѣлое, гдѣ человѣкъ есть часть законная, оттого и кажется инымъ, что исчезающее ничѣмъ не замѣняется, но сила естествознанія и пейзажа убѣждаютъ въ могуществѣ народившагося. Какъ естествознанію принадлежитъ въ близкомъ будущемъ еще высшее развитіе, такъ и пейзажной живописи между предметами художества. Человѣкъ не потерянъ, какъ объектъ изученія и художества, но онъ является теперь не какъ владыка и микрокосмъ, а какъ единица въ числѣ.

Д. Менделѣевъ".

У Дмитрія Ивановича было еще одно любимое занятіе для отдыха — это клеить. Клеилъ онъ очень хорошо чисто и аккуратно. Онъ наклеивалъ собранныя имъ коллекціи фотографій и гравюръ съ русскихъ и иностранныхъ извѣстныхъ картинъ на листы бристольскаго картона или толстой бумаги, клеилъ футляры для альбомовъ и брошюръ, коробки, шкатулки, маленькіе дорожные ящики, которые онъ заказывалъ изъ фанерокъ, потомъ обклеивалъ самъ кожей, и выходили очень прочные ящики. У меня есть склеенная имъ дорожная складная доска для шахматовъ, гдѣ фигурки картонныя и устроены такъ, что вставляются въ квадратики и ни отъ какой тряски выпасть не могутъ. Въ 1902—1903 г. передъ снятіемъ катаракты, когда Дмитрій Ивановичъ очень плохо видѣлъ, и одно время не различалъ даже фигурокъ на игральныхъ кар-

тахъ, онъ клеилъ на ощупь, оклеивалъ коробки и футляры матеріей, и работа выходила очень чистая, лучше, чѣмъ бы у другого зрячаго.

Рамки для всѣхъ почти портретовъ знаменитыхъ людей, которые висѣли въ его кабинетѣ, онъ обдѣлалъ и оклеилъ самъ, начиная съ изображенія Іисуса Христа въ профиль, считающагося историческимъ. Всѣ эти геніальные люди въ его кабинетѣ смотрятъ изъ рамокъ, сдѣланныхъ руками тоже геніальнаго человѣка *.

Изображеніе Іисуса Христа (старинная гравюра) было помѣщено Дмитріемъ Ивановичемъ выше всѣхъ портретовъ на задней стѣнѣ кабинета въ Палатѣ мѣръ и вѣсовъ, налѣво отъ входа, сзади его кресла и письменнаго стола, за которымъ онъ работалъ такъ много лѣтъ. Подъ Спасителемъ висѣла большая гравюра на мѣди: Петръ Великій съ медальономъ внизу Александра II. Направо отъ этой гравюры помѣщены: Дидеро, военный геній Суворовъ, художникъ Рафаэль, Бетховенъ и прекрасный портретъ карандашемъ химика Лавуазье, работы второй жены Дмитрія Ивановича Анны Ивановны Менделѣевой. На лѣво висѣли: Декартъ и Жераръ, тоже ея работы, Шекспиръ, Данте и Глинка. Съ двухъ сторонъ всей этой группы портретовъ висѣлъ рисунокъ соусомъ подъ стекломъ: сосна Шишкина — „На сѣверѣ дикомъ стоитъ одиноко сосна“... и итальянскій этюдъ масляными красками Иванова.

Надъ дверью по этой-же стѣнѣ помѣщены портреты, все работы А. И. Менделѣевой: молодого Ньютона, налѣво отъ него Галилей, направо: Коперникъ, Грагамъ, Мичерлихъ, Розе, Шеврель и Ньютонъ позднѣйшаго времени.

* Вдова Дмитрія Ивановича Менделѣева, Анна Ивановна Менделѣева устроила теперь кабинетъ Дмитрія Ивановича на новой квартирѣ своей, какъ онъ былъ. Она съ строгой точностью сохранила все, какъ стояло и висѣло при немъ.

Направо отъ двери на фанеркахъ большого книжнаго стекляннаго шкафа, справа висѣли портреты ученыхъ: Вёлера, физика Краевича, друга Дмитрія Ивановича по Педагогическому институту, Воскресенскаго, его профессора тамъ-же, котораго онъ очень цѣнилъ и уважалъ. Слѣва висѣли портреты химиковъ: Фарадея, Бертело и Дюма.

Надъ столомъ на высокихъ полкахъ краснаго дерева висѣли фотографіи жены, дѣтей и внучки Дмитрія Ивановича въ разныхъ возрастахъ и положеніяхъ, и фотографическая группа ученыхъ, между которыми находился и онъ самъ.

На стѣнѣ противъ стола слѣва висѣли копіи, работы А. И. Менделѣевой, со старинныхъ портретовъ отца и матери Дмитрія Ивановича. Мать изображена въ старинной прическѣ съ букольками на вискахъ, съ короткой таліей и въ чепцѣ съ голубыми бантами, отецъ написанъ въ профиль. Чертами лица Дмитрій Ивановичъ походилъ на отца, выраженіемъ глазъ и лица на мать.

Подъ этими портретами висѣли семейныя группы и группа художниковъ Передвижниковъ, друзей Дмитрія Ивановича. По серединѣ стѣны помѣщался портретъ А. И. Менделѣевой масляными красками, работы Браза, въ натуральную величину, но мало похожій. Надъ нимъ портретъ тоже масляными-же красками, работы А. И. Менделѣевой, ея отца Донского казака И. Е. Попова, который готовился быть докторомъ, но попалъ на дѣйствительную службу ни Кавказъ, и масляными-же красками, ея же работы портретъ въ профиль Дмитрія Ивановича. Она писала его одновременно съ художникомъ Ярошенко въ 1883-мъ году.

На этой-же стѣнѣ налѣво висѣла большая фотографическая группа профессоровъ физико-математическаго факультета, періода до новаго устава 1884-го года, самой блестящей поры С.-Петербургскаго университета, когда профессорами были такіе ученые, какъ Менделѣевъ,

Бутлеровъ, Меншуткинъ, Чебышевъ, Сомовъ, Фаминцынъ, Петрушевскій, Богдановъ, Бекетовъ, Вагнеръ и ректоромъ былъ Андреевскій. Подъ этой группой висѣлъ большой портретъ масляными красками, работы Ярошенко, второго сына Дмитрія Ивановича ребенкомъ пяти лѣтъ. Онъ въ бѣлой русской рубашкѣ сидитъ въ большомъ креслѣ и весело и задумчиво смотритъ большими свѣтлыми глазами.

Подъ этимъ портретомъ вдоль двухъ большихъ оконъ кабинета между шкафами съ книгами стоялъ все тотъ же когда-то тиковый диванъ, обитый теперь зеленымъ трипомъ. На этомъ диванѣ Дмитрій Ивановичъ отдыхалъ иногда въ послѣдніе годы передъ обѣдомъ и на немъ-же лежалъ первые дни своей смертельной болѣзни. Противъ дивана была дверь въ его спальню, гдѣ онъ скончался. Около письменнаго стола стояло еще кресло, обитое трипомъ, для посѣтителей, а самъ Дмитрій Ивановичъ сидѣлъ на обыкновенномъ буковомъ вѣнскомъ креслѣ, на спинкѣ котораго висѣлъ вышитый коврикъ. На столѣ лежали и стояли книги всѣхъ форматовъ и величинъ, корректуры, бумага, стеклянная чернильница, нѣсколько ручекъ для пера, карандаши, стеклянная съ серебряной крышкой коробка для табаку съ кусочками сырого картофеля, чтобы табакъ не сохъ. Дмитрій Ивановичъ курилъ крученыя папиросы, свертывалъ ихъ самъ и не употреблялъ мундштука, такъ что второй и третій пальцы его правой руки всегда были желтые отъ табачной копоти. Табакъ онъ курилъ хорошій и дорогой. Онъ часто повторялъ, что ни за что не броситъ куренья. — „Все равно умрешь, кури, не кури, говорилъ онъ. Такъ ужъ лучше курить“.

Любилъ онъ еще хорошій чай, который выписывалъ цибиками прямо изъ Китая.

Первое впечатлѣніе, при входѣ въ его кабинетъ, были книги, книги и книги. Онѣ стояли въ строго системати-

ческомъ порядкѣ и всѣ почти были у него переплетены. Уже послѣ его кончины на одной изъ полокъ я замѣтила переплетенные тома Протоколовъ засѣданій 1-й Думы. До созыва второй онъ не дожилъ. Книги и портреты геніальныхъ людей—вотъ все, что украшало и наполняло эту большую заставленную комнату. Когда приходившіе смотрѣли на портреты всѣхъ человѣческихъ геніевъ, собранныхъ Дмитріемъ Ивановичемъ, то ясно бросалось въ глаза, кого изъ нихъ онъ больше любилъ и цѣнилъ.

Такъ жилъ Дмитрій Ивановичъ, безъ малѣйшихъ буржуазныхъ привычекъ. Только въ гостиной и въ столовой у семьи была красивая рѣзная и стильная мебель, но и то вся роскошь состояла главнымъ образомъ въ картинахъ и эскизахъ художниковъ.

Не было у него никакой избалованности въ привычкахъ, никакихъ дорогихъ прихотей: и жилъ, и умеръ онъ въ строгой простотѣ.

МЫСЛИ И МНѢНІЯ Д. И. МЕНДЕЛѢЕВА.

Часто живя у Дмитрія Ивановича, работая у него и бывая на средахъ, гдѣ собирались художники и ученые, я много слышала его мнѣній и мыслей по разнымъ вопросамъ. Одно время у него бывали еще по пятницамъ собранія молодежи, на которыхъ спорили, говорили, читали рефераты. Дмитрій Ивановичъ давалъ имъ высказываться, а потомъ говорилъ и свое мнѣніе. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ я записывала эти разговоры и въ особенности мысли Дмитрія Ивановича. Многіе разговоры начинались случайно по поводу книги, чтенія, вопроса. Говоря съ нами, молодежью, Дмитрій Ивановичъ, конечно, примѣнялся къ нашимъ малымъ знаніямъ, но всегда онъ говорилъ искренне, правдиво и просто, такъ какъ думалъ и вѣрилъ въ данную минуту.

Записывая, я старалась, гдѣ могла, сохранить выраженія Дмитрія Ивановича, но конечно много живости и интереса придавала всѣмъ его рѣчамъ его выразительная манера говорить, его измѣнчивое подвижное лицо, гибкій голосъ, то громкій и звучный, то тихій и низкій. Иногда онъ читалъ намъ какъ-бы маленькія лекціи.

Многіе считали Дмитрія Ивановича правымъ монархистомъ, почти черносотенцемъ, а онъ въ сущности былъ мирный эволюціонистъ и самъ себя называлъ постепенновцемъ.

Эти мнѣнія и мысли его я раздѣлю по слѣдующимъ рубрикамъ: I. *О религіи* и *соціальномъ устройствѣ.* II. *О наукѣ.* III. *Объ искусствѣ.* IV. *Объ аграрномъ вопросѣ.* V. *О вопросахъ нравственности.* VI. *О женщинѣ.* VII. *О вопросахъ изъ психологіи человѣка.*

I.

О РЕЛИГІИ И О СОЦІАЛЬНОМЪ УСТРОЙСТВѢ.

1. О Христѣ.

Іисусъ Христосъ былъ геніальный человѣкъ. Онъ называлъ Себя Сыномъ Божіимъ, но Онъ никогда никого не обманывалъ, Онъ не былъ обманщикомъ. А послѣдователи Его и, главное, церковники не поняли и исказили Его ученіе. Христосъ Самъ вѣрилъ въ Бога, Онъ говорилъ о Немъ какъ о Верховной стихіи, о движеніи. Себя Онъ называлъ Сыномъ Божіимъ, какъ человѣка, проникнутаго Духомъ Божіимъ. Духомъ Святымъ Онъ называлъ то, что Онъ творилъ, чему училъ и что безсознательно понималъ Самъ.

Рай и адъ конечно внутри человѣка. Христосъ такъ и говорилъ всегда, и это одинаково у всѣхъ четырехъ Евангелистовъ. Они, рыбаки, это одинаково поняли.

То, что называлось чудесами, которыя Онъ творилъ, — такъ это Онъ просто лечилъ, лечилъ и бѣсноватыхъ, то есть, больныхъ душей.

2. О Новой религіи.

I.

Христосъ училъ о *внутреннемъ мірѣ человѣка*, Сократъ объ отношеніи человѣка къ *государству*, а Новая религія будетъ учить *объ отношеніи человѣка къ обществу*.

Главный принципъ Новой религіи слѣдующій: человѣкъ *одинъ* — нуль, частица, клѣточка. Одинъ человѣкъ есть часть организма, а организмъ есть общество, и потому человѣкъ сознательно долженъ жить для общества, и это есть главная разумная связь отдѣльнаго человѣка съ обществомъ. Конечно, каждый человѣкъ работаетъ для себя, какъ клѣточка мозга живетъ для себя, а не для человѣка, сознательно, но въ то-же время служитъ человѣку и ничто безъ него. Только человѣкъ на низкой степени развитія живетъ для себя одного, какъ микрокосмъ, какъ инфузорія.

Религію будущаго, какъ и всякую религію, можно подраздѣлить на три части: 1) На религію по отношенію къ *Началу всего*, т. е. *къ Богу*. 2) По отношенію *къ общественной жизни* и 3) *къ семьѣ и близкимъ*.

Іисусъ Христосъ въ христіанской религіи по отношенію къ Богу понималъ Бога отвлеченно, какъ начало всего. Онъ называлъ Себя Сыномъ Божіимъ въ смыслѣ того, что Онъ безсознательно понялъ Бога, и каждый можетъ быть названъ сыномъ Божіимъ, когда онъ творитъ, т. е. дѣйствуетъ безсознательно.

Отношеніе къ общественной жизни Іисусъ Христосъ выразилъ въ словахъ: „Люби ближняго, какъ самого

себя". Онъ это сказалъ евреямъ, которые больше всего любятъ себя самихъ и понимаютъ общественную пользу въ смыслѣ пользы для себя. Почему они и распались.

Третьей части религіи, отношенія къ семьѣ и близкимъ, Іисусъ Христосъ почти не касался, Онъ почти не трогалъ этого вопроса.

Въ магометанской вѣрѣ и почти во всѣхъ другихъ вѣрахъ первыя части сходятся съ христіанскою религіею, только въ остальныхъ двухъ различны. Во всѣхъ этихъ религіяхъ общественная жизнь подчиняется рамкамъ религіи, тогда какъ въ христіанской вѣрѣ предполагается полная свобода жизни. Въ третьей части: отношеніе къ семьѣ и близкимъ остальныя религіи тоже рѣзко различаются съ христіанской.

Главное различіе Новой религіи отъ христіанской въ томъ, что Новая религія говоритъ: живи и работай не для того, что получишь награду въ загробной жизни (христіанскій принципъ), а работай для общества, потому что безъ него ты *нуль*, *ничто*. Одинъ человѣкъ это все равно, что человѣкъ въ одиночномъ заключеніи.

При Новой религіи должно измѣниться 1) *отношеніе къ государственной экономіи* и 2) *къ семьѣ*.

Если мы представимъ себѣ общественный организмъ въ видѣ тѣла человѣка, то какъ для отдѣльной части тѣла, рукъ и ногъ требуется своя отдѣльная одежда, которая нужна въ то же время и для всего человѣка, такъ и каждый можетъ имѣть собственность, составляющую общее достояніе. Т. е. это есть *общинное устройство*, какъ у крестьянъ, но дѣло въ томъ, что вся земля должна быть *общиннымъ достояніемъ*, а не помѣщичьимъ.

Какъ это практически устроить, еще неясно, неопредѣленно, но *такъ должно быть*. Тогда не будетъ и отдѣльныхъ накопленій богатствъ такъ, какъ теперь, да

и ненужны они будутъ. И театръ будетъ общинный, и Академіи Художествъ и т. д.

Что касается до отношенія Новой религіи къ семьѣ, то, во первыхъ, тутъ вопросъ чисто животно-физическій. Какъ у животныхъ есть семья, такъ и у человѣка, который тоже животное, только высшаго типа, тоже всегда будетъ *своя семья*. А во вторыхъ, что касается до матеріальнаго обезпеченія семьи, то понятно, что, съ рѣшеніемъ матеріальнаго государственнаго устройства, этотъ семейный вопросъ опредѣлится самъ собою.

Третій вопросъ, вопросъ нравственности въ семьѣ зависитъ вполнѣ отъ идеаловъ человѣка, напр. у мормоновъ и у магометанъ многоженство, но нравственность стоитъ высоко. Когда будутъ установлены общіе нравственные идеалы, то измѣнится, конечно, и отношеніе къ семьѣ.

II.

Христіанство старо тѣмъ, что касается только личности, относится только къ отдѣльному лицу, къ благосостоянію его, и это потому, что оно было противодѣйствіемъ идеѣ древняго міра о государствѣ. Слѣдовательно польза христіанства была въ томъ, что оно сдѣлало человѣка индивидуальнымъ, создало его личность. Но теперь оно привело къ развитію духа меркантилизма. Явились *англичане* съ ихъ торгашествомъ, *нѣмцы* — купцы, все для себя, ничего для другихъ — у *янки*. Именно яснѣе всего это выразилось въ Америкѣ. Тамъ является полное развитіе личности, и личнаго интереса.

Теперь-же надо Новую религію, новое ученіе на смѣну, необходимо понятіе объ общемъ интересѣ, о томъ, что человѣкъ рожденъ не для себя, а какъ атомъ организма — для организма.

Левъ Толстой до этого не додумался, хотя видно, что его мучитъ религіозный вопросъ. Левину нужна вѣра.

Онъ говоритъ: *„Если я не знаю, что есть жизнь и зачѣмъ жизнь, то не надо жить“*. Положеніе это неправильное, это софизмъ, какъ софизмъ задача про Ахиллеса съ черепахой, гдѣ сначала говорится о пространствѣ, а слѣдуетъ выводъ о времени. Такъ и тутъ: если я не знаю, зачѣмъ живу, надо умереть.

Напротивъ, *жизнь мнѣ дана*, слѣдовательно я живу, и если не знаю зачѣмъ, то *долженъ узнавать* это.

Левинъ послѣ всего приходитъ къ ученію чистаго христіанства. Живи для добра, поступай согласно вѣрованію въ правду, а не *въ нужду* и, конечно, не изъ за награды будущаго, но для своего внутренняго міра. И все таки дѣлай это *для себя*, а не для другихъ, не для общихъ интересовъ. Слѣдовательно Толстой приходитъ къ тому-же ученію Христа только о личности.

Обрадованный Левинъ рѣшаетъ, что нашелъ *вѣру* и хочетъ перемѣниться, поступать иначе, сознательно, лучше Но, конечно, не можетъ. Не все доступно нашей сознательной волѣ.

Толстой говоритъ, что надо поступать согласно убѣжденіямъ массы. А между тѣмъ масса воспринимаетъ въ себя истины, уже выработанныя, сдѣлавшіяся доступными всѣмъ, — какъ то, что земля не изъ воды, какъ главныя истины христіанства, которыя вошли уже въ понятія всякаго. Но дѣло въ томъ, что новыя истины должны являться все таки у отдѣльныхъ личностей, не должно брать только старое, должно идти дальше и вновь открытое дѣлать мало по малу, историческимъ путемъ,—доступнымъ массѣ, иначе не было бы прогресса.

Внѣшнее выраженіе идеи, т. е. форма необходима и всегда будетъ. Позитивисты говорятъ: и пусть обрядомъ Новой религіи будетъ то, что каждый долженъ обрабатывать землю. Такъ другіе выработали всеобщую воинскую повинность для защиты отечества. Христіане при-

думали всеобщую молитву въ храмахъ. Русскій народ
въ почитаніи святыхъ, конечно формальномъ, выражает
собственно поклоненіе идеѣ нравственной жизни по правдѣ
для блага другихъ. Будетъ навѣрное придумано внѣшне
выраженіе и для Религіи будущаго.

3. О душѣ и о вѣрѣ въ будущую жизнь.

Про такъ называемую душу можно сказать, что он
есть *сила*, а такъ какъ сила не можетъ пропасть ил
исчезнуть, то слѣдовательно и сила—душа не исчезаетъ

Душа есть совокупность ума, разсудка и всѣх
чувствъ внутренняго міра человѣка. Слѣдовательно она—
сила и слѣдовательно исчезнуть не можетъ. Со смертік
человѣка пропадаетъ только индивидуальность души в
отдѣльномъ лицѣ. Она дѣлится какъ бы на части дл
каждаго отдѣльнаго лица и затѣмъ послѣ смерти ег
снова возвращается къ цѣлому.

II.

О наукѣ.

1. Что такое наука.

Наука есть просто исторія, сводъ какого нибудь дѣла
знанія. Напримѣръ говорятъ: *сапожная наука*, и вѣрн
говорятъ, потому что сапожникъ передаетъ *систему
знанія*.

А у насъ въ гимназіяхъ теперь не наука, потому чт
не даютъ *цѣльности знанія*. Теперешнее ученье въ гим
назіяхъ только вредно для здоровья. Сидятъ много. Эт
вредно тѣлу, оставляетъ даже дурной слѣдъ на наруж
ности. Придумываютъ гимнастику, но это пустяки, н
помогаетъ. А вотъ со временемъ, когда крыши будут

алюминіевыя, легкія, тогда и ученье дѣтей будетъ легкое, вотъ какъ дѣвочекъ шить учатъ, танцовать. А потомъ, когда выучатъ всему слегка, то большой и учись серьезно, и дѣлай, что знаешь. Теперешнее же ученье портитъ здоровье, и красоту физическую портитъ.

2. О сущности знанія.

Если въ какой нибудь спеціальности достигнешь сути дѣла, результата, взберешься по лѣстницѣ всѣхъ предварительныхъ знаній, а потомъ самостоятельно поработаешь самъ, то и достигнешь того, что все будетъ легко даваться и сущность всякой другой науки будетъ легко усваиваться.

III.

ОБЪ ИСКУССТВѢ.

1. О прекрасномъ.

Прекрасное есть гармонія, т. е. соотвѣтствіе между идеей и формой. Напр. Мадонна Рафаэля прекрасна, Лаокаонъ прекрасенъ, сами по себѣ. А если-бы на статую Лаокаона поставить голову Венеры Милосской, вышло-бы безобразіе: хотя сама по себѣ голова Венеры красива, но тогда не было-бы соотвѣтствія между идеей страданія и формой.

2. О тенденціи въ искусствѣ.

У русскихъ есть черта: дурное часто обозначаютъ иностраннымъ словомъ, не всегда конечно; напр. буржуазный, виртоузность, тенденція.

Тенденція гораздо уже мысли. Когда въ художественномъ произведеніи проведена мысль, то все реально

представлено: и худое, и хорошее. А въ тенденціозномъ произведеніи факты притянуты за волосы, все подведено подъ тенденцію и хорошія стороны замалчиваются.

IV.

ОБЪ АГРАРНОМЪ ВОПРОСѢ.

1. Что нужно мужику сейчасъ.

Сейчасъ мужику надо дать свободное выселеніе и образованіе, а не земли еще, потому что, по статистикѣ, зе́мли въ средней, удобной для земледѣлія Россіи сильно населены, и если раздѣлить между крестьянами даже *всю* эту землю, и то будетъ недостаточно для обезпеченія ихъ. Нѣкоторыя губерніи населены у насъ такъ густо, какъ Бельгія. Слѣдовательно, свободное и разумное выселеніе необходимо.

Затѣмъ образованіе мужику необходимо также 1) для болѣе выгоднаго веденія хозяйства: онъ больше будетъ имѣть прибыли; 2) чтобы дать возможность зарабатывать хлѣбъ на маломъ пространствѣ земли, т. е. *умственнымъ трудомъ*.

Въ идеалѣ, конечно, должна стоять всеобщая община, когда всѣ подробности установленія ея будутъ выработаны.

V.

О ВОПРОСАХЪ НРАВСТВЕННОСТИ.

1. О справедливости.

Справедливостью я называю *поступки для блага другихъ*. Справедливость должна быть и во всѣхъ поступкахъ, и во всѣхъ дѣйствіяхъ, а не *въ идеѣ* только. Т. е.

это значитъ *для идеи* справедливости не слѣдуетъ употреблять дурныхъ средствъ. Однимъ словомъ, поступать *справедливо* это значитъ такъ, чтобы и цѣль была *благая* и *средства благія*, а не такъ, чтобы цѣль оправдывала средства. Революціонеры, напр., въ идеѣ имѣютъ справедливую *цѣль*, а между тѣмъ средства ихъ: заговоры, убійства, насилія—*это зло*. Также и *казни* всегда *зло*, и *война*.

2. О добрѣ.

Добромъ я называю одно, *благомъ* — другое. Добро есть въ сущности добрыя дѣла, т. е. поступки, совершенные не подъ вліяніемъ разсудка или разсчета, а съ инстинктивнымъ желаніемъ помочь. Добро можетъ разсматриваться только въ поступкахъ. Благо-же можетъ быть совершено и сознательно, или вытекать изъ инстинктивныхъ дѣйствій, но оно сознательно должно имѣть цѣлью не одного человѣка, а цѣлое общество или же *идеалъ человѣка*, что будетъ все равно. Благо всегда дѣлается изъ принципа, съ цѣлью, даже съ разсчетомъ.

Напр. добро есть спасеніе отъ смерти приговореннаго къ казни преступника, разбойника или грабителя, но оно не благо, а зло для общества. А благо есть въ жестокомъ поступкѣ Петра Великаго, который для пользы родины убилъ своего сына.

3. О секретахъ.

Секретовъ не должно быть. Должно говорить все прямо и секретовъ не имѣть для того, чтобы всѣ дѣйствія были прямы и люди были всѣ друзья. Это идеалъ.

Секретовъ три рода: 1) грѣхи свои, которые, конечно, рано или поздно раскроются, 2) чужіе секреты, которые слѣдуетъ хранить, и 3) свои собственныя чувства и мысли, которыя должно говорить, потому что, если

ихъ хранить, то это будетъ безслѣдно и безполезно — для *общества.*

4. Заповѣдь человѣку.

Правда, трудъ и прощеніе.

5. О правѣ на пенсіи.

Каждый работникъ по всякой отрасли труда имѣетъ безусловное право на пенсію, потому что, работая, потратилъ силы и здоровье: человѣкъ не машина и затрачиваетъ силы. Поэтому, хотя онъ за свой трудъ и получалъ плату, но имѣетъ право и въ старости требовать вознагражденія отъ общества или частныхъ лицъ, какъ *пенсіи*, что только справедливо.

VI.

О женщинѣ.

1. О женщинѣ и о женскомъ вопросѣ.

Если мужчину по шерсткѣ не погладить, ему это полезно, а женщину нельзя, ничего тогда не выйдетъ изъ нея, потому что въ нравственномъ уровнѣ женщина пасуетъ, и неизвѣстно, отъ природы, или отъ воспитанія.

Женщины равной по дѣлу мужчинѣ теперь въ сущности нѣтъ. Въ идеалѣ нѣтъ. Есть и для женщинъ академіи, гимназіи, курсы, но пока женщина ниже мужчины и въ умственномъ уровнѣ.

А со стороны любви между мужчиной и женщиной — женщина уже король. Зато въ несчастной любви женщина тоже пасуетъ, мужчина нѣтъ.

Мужчина въ сущности всегда подпадаетъ подъ вліяніе женщины, которую любитъ, а ее не передѣлаешь.

Сначала она какъ будто поддается, а потомъ она уже по своему состроитъ его.

Женщина такова, что когда ее по шерсткѣ гладятъ, она все — плюсъ, плюсъ, плюсъ, а потомъ, чуть противъ шерсти начнешь, она сейчасъ О! А!.. а потомъ—минусъ, минусъ, минусъ!!!. (Тутъ Дмитрій Ивановичъ перемѣнилъ тонъ, и сказалъ протяжно и тихо). — Но конечно, это вопросъ, отъ природы ли женщина такова, или временно.

Въ женскомъ вопросѣ больше всего заинтересованъ мужчина, потому что, трудясь, женщина потеряетъ *ореолъ* или *корону слабости* и власть. И мужчина, и женщина должны сознавать это и рѣшить, слѣдуетъ-ли женщинѣ сдѣлаться подругой мужа и трудиться самой, или быть самкой только, за то съ ореоломъ слабости.

Мужчина интеллигентъ $^{2}/_{3}$ сутокъ посвящаетъ отдыху, и только $^{1}/_{3}$ дѣлу. Отдыхъ составляютъ искусство, чаепитіе и проч. Женщина въ настоящее время при научныхъ занятіяхъ дѣлается *не человѣкомъ*, не умѣетъ распорядиться собой, не интересуется ничѣмъ остальнымъ, посвящаетъ все время занятіямъ, мужчина же всегда имѣетъ больше возможности удовлетворять другимъ потребностямъ, перемѣнить работу и т. д. и остается *человѣкомъ*. Напр., вотъ химикъ Волкова была научный талантъ, а ничего не вышло, превратилась въ аскета, заболѣла психически, но натура была талантливая. Л—ва вотъ тоже аскетъ, ничего большого не выйдетъ. Изъ Софьи Ковалевской * тоже толку не будетъ въ жизненномъ смыслѣ, жизнь себѣ сгубила и мужу тоже.

Въ Америкѣ вотъ, говорятъ, женщины стремятся къ равноправію, но это ни къ чему хорошему тоже не приведетъ! Поэтому, какъ выводъ, моя мысль такова, для будущаго говорю, какъ *общій законъ:*

---

* Слова эти относятся къ концу семидесятыхъ годовъ. С. Ковалевская кончила свою жизнь самоубійствомъ въ 1891 году.

Женщина должна заниматься *искусствомъ*, какъ и исторически всегда занималась. Актеры и актрисы равны поэтому по силѣ таланта. Тутъ женщина не потеряетъ человѣческаго, потому что искусство *обще-человѣчно*, всѣмъ доступно, а наука узка, спеціальна; прежде же всего женщинѣ надо развивать въ себѣ обще-человѣческое.

Если есть талантъ, то онъ одинаковъ во всемъ, пригоденъ ко всему. Призванія нѣтъ, это вздоръ. Есть склонности, влеченія, благодаря обстоятельствамъ. Талантливый человѣкъ при терпѣніи и волѣ во всѣхъ отрасляхъ выдѣлится, изъ человѣка тупого ничего не выйдетъ. Вотъ теперь мода на научныя занятія, на химію напр. проходитъ у насъ въ Россіи, занимаются политикой, искусствомъ.

Впослѣдствіи должно быть такъ. Мужчина, который рожденъ для интеллигентнаго труда, будетъ $^1/_3$ сутокъ заниматься дѣломъ *политико-публицистическимъ*, женщина возьметъ искусства. Между занятіями искусствами и наукой существуетъ большая связь. Болѣе связи между искусствами и естественно-математическими науками, чѣмъ между послѣдними и филологическими, но не отъ силы творческой, *а почему?* Вѣроятно, *по фантазіи*, одинаково природа влечетъ къ себѣ.

Дай Богъ этому стремленію женщины къ искусствамъ развиться. Теперь нѣтъ женскихъ талантовъ, потому что женщины учатся еще больше для забавы, нѣтъ серьезной школы.

Если женщина займетъ современемъ всѣ мѣста и права мужчинъ, то не будетъ гармоніи, потому что по самой различности природы мужской и женской занятія ихъ не могутъ быть одинаковы. Но *дѣло* каждому необходимо. Люди родятся для дѣла. Противны мужчины *шелопаи*, противны также и женщины шелопаи. Вмѣсто тасканія по гости-

нымъ дворамъ, лучше заняться *семейнымъ дѣломъ*, т. е. искусствомъ, дающимъ удовольствіе людямъ. По самой природѣ мужчины, занимающіеся искусствомъ, подходятъ къ женщинамъ; Рафаэль напр. былъ женоподобенъ.

Извѣстно всякому, что человѣку для жизни необходимо 1) ремесло, 2) интересъ къ дѣлу какому нибудь, и тогда онъ человѣкъ.

Мужчину въ этомъ воспитывать не надо, самъ природно и исторически идетъ по этому пути, а женщину необходимо начать такъ воспитывать и направлять на искусство. Напр. на островѣ Явѣ женщинъ учатъ искусствамъ, и успѣшно.

Исключенія понятно будутъ и въ ту, и въ другую сторону, но въ общемъ вмѣстѣ съ различіемъ половъ, несмотря на отклоненія, будетъ *стройное различіе занятій*, болѣе свойственныхъ каждому полу. У всякой женщины спрашиваютъ теперь, играетъ-ли она на роялѣ. Впослѣдствіи будутъ факультеты мужскіе: юристъ, математикъ, и женскіе: живописецъ, музыкантъ.

Истинно серьезные люди видятъ въ женскомъ вопросѣ не стремленіе къ равноправію, а желаніе *не шелопайничать, работать*. Въ этомъ все и хорошее въ женскомъ вопросѣ.

2. О простотѣ и кокетствѣ.

Человѣкъ—это скотина, и потому Руссовское стремленіе къ природѣ фальшь. Человѣкъ потому сдѣлался человѣкомъ, что родился голый и мягкій, безъ копытъ и роговъ. Ему надо было достать себѣ и рога, и копыта, и шерсть. Онъ долженъ былъ думать, и явился у него и умъ, и разумъ. Нѣкоторые говорятъ: чѣмъ человѣкъ натуральнѣе, тѣмъ лучше. (Тутъ Дмитрій Ивановичъ дѣлаетъ смѣшную мину, передразнивая „нѣкоторыхъ“). На-

турально, значитъ похоже на внѣшнюю природу. Натуральное-же въ человѣкѣ всегда бываетъ выработано, можетъ быть безсознательно. Простота въ человѣкѣ не природна, а выработана, и является, такъ сказать, *индивидуальная простота*. Это происходитъ безсознательно. Въ одной части мозга идетъ работа сознательная, въ другой безсознательная. Все и безсознательное, и сознательное должно быть *цѣлесообразно*.

Такъ даже кокетство можетъ быть сознательное и безсознательное—цѣлесообразное. Кокетство напр. Наташи Ростовой безсознательное и цѣлесообразное, а Ирины въ „Дымѣ“ кокетство искусственное.

3. Дамскія убѣжденія.

Женщины многія убѣждены, что все на свѣтѣ должно дѣлаться только для нихъ, для ихъ радости, счастья, спокойствія. Конечно, женщины-барыни, женщины-дамы такъ думаютъ. Онѣ думаютъ, что всѣ мужчины не по нихъ, что онѣ имѣютъ право выбирать мужей и ничего не дѣлать самимъ. „Пусть, подлецъ, кормитъ, одѣваетъ, обуваетъ“... Дѣтей сдастъ нянькамъ и боннамъ, и ладно, а сама въ гостиный дворъ, въ театръ.

Нѣтъ, надо женщинамъ разобраться въ себѣ, выбрать себѣ трудъ тоже.

4. О женской красотѣ.

Красота портитъ женщину. Красивая женщина или дѣвушка рано теряетъ чистоту изъ за того, что видитъ на себѣ нечистые взоры мужчинъ и начинаетъ понимать мужское вождѣленіе, начинаетъ кокетничать, терять стыдливость и невинность ребенка. И въ этомъ виноватъ мужчина, который самъ испорченъ съ малолѣтства. Отношеніе мужчины къ красивой женщинѣ, конечно, не эстетика,

это нѣчто грубое, тутъ дѣйствуетъ физическое чувство. Некрасивая и красивая женщина это все равно, что просто-бы жареное мясо, или-же приправленное тонкими соусами жаркое.

VII.

О ВОПРОСАХЪ ИЗЪ ПСИХОЛОГІИ ЧЕЛОВѢКА.

1. Объ успѣхѣ и не успѣхѣ и о талантливыхъ людяхъ.

Внутреннее сознаніе успѣха никого никогда не испортитъ, а напротивъ. Внѣшній-же успѣхъ можетъ испортить только *ненастоящій талантъ*. Неуспѣхъ-же всегда полезенъ, потому что возвышаетъ внутренній міръ человѣка, заставляетъ его уходить въ себя, сочувственно относиться къ другимъ, и хотя онъ и мучителенъ, но идетъ на пользу, возвышаетъ, будитъ.

2. Объ исповѣди.

Исповѣдь внутреннихъ чувствъ и мечтаній, хотя-бы посторонніе и не поняли ихъ, всегда облегчитъ, потому что человѣку будетъ легче, когда онъ выскажется. Онъ сдѣлается спокойнымъ и слѣдовательно способнѣе для работы и полезнѣе для общества.

3. О писателяхъ.

Есть писатели, жертвующіе *правдой* для *истины*, и есть соединяющіе въ своихъ писаніяхъ *правду* и *истину*. Великій писатель всегда соединяетъ. Первый писатель *субъективный* или *личный*, второй — *объективный* или *безличный*, и слѣдовательно *реальный*.

4. О страстности.

Страстность—порочное начало, и потому именно, что страстный человѣкъ *слишкомъ, излишне* горячо ко всему относится. Въ томъ его и порокъ. Напр. Анна Каренина любила Вронскаго страстно и этимъ и для себя, и для него худо сдѣлала. Ему жизнь разбила и себѣ. Любила и мучила его, морфиномъ себя отравляла и дошла до гибели подъ поѣздомъ.

Надо отличать страстность отъ *глубины чувства*. Русскій солдатъ не страстенъ, французскій да. Русскій просто идетъ, просто умираетъ, но съ глубокимъ чувствомъ любви къ странѣ. Корделія не страстная, а глубокая, и была способна на какіе подвиги любви къ отцу! Была-бы страстная, портила-бы дѣло излишнимъ пыломъ. Вотъ простыя сравненія, а ясно доказываютъ, что такое *страстность*, и что такое *глубина чувства*, и то, что отъ страстности надо излечиваться. При порывахъ страстности воля уже не дѣйствуетъ. И собственно говоря, подавленіе страстности легко, она глубоко въ душѣ не бываетъ. Это чувство ходульное.

У насъ часто смѣшиваютъ понятія пылкости, страстности и глубины чувства и часто идеализируютъ страстность.

Христосъ не былъ страстенъ, а глубокъ. Иначе Онъ возбудилъ-бы народъ, народныя страсти и не сдѣлалъ-бы того, что сдѣлалъ.

5. О сложившихся и несложившихся людяхъ.

Бываютъ такіе моменты въ жизни, въ которые надо рѣшать *„быть или не быть“*. Надо выбирать не только между хорошимъ, но и между только худымъ, и выбирать надо не одну только карьеру, не путь жизни,—это-то пустяки.

Рѣшать такіе вопросы жизни приходится и сложившемуся и несложившемуся человѣку. Сложившійся человѣкъ это тотъ, который уже былъ на войнѣ жизни и потому дѣлается остороженъ и въ мнѣніяхъ, и въ поступкахъ, во всемъ. Иногда онъ одерживаетъ побѣду, а борьба и побѣда привлекаютъ и манятъ. Несложившійся человѣкъ живетъ въ мирѣ со всѣмъ и можетъ такъ прожить всю жизнь. У несложившагося только слагаемыя, а не вся сумма, не весь итогъ. Есть такіе люди, которые только отчасти складываются.

Сложившійся человѣкъ знаетъ, кто онъ, куда идетъ, что будетъ дѣлать. Онъ опредѣлился. Сложившійся уже готовъ для дѣла, а несложившійся еще ученикъ, можетъ быть на всю жизнь. Вотъ въ чемъ вся суть.

6. О любви идеальной и физической.

Разница между идеальной и только физической любовью, хотя и она приходитъ къ тому-же, въ томъ, что при идеальной любви чувство связано, человѣкъ видитъ и любитъ и душу того, кого любитъ, боится оскорбить малѣйшимъ неосторожнымъ словомъ, движеніемъ и приноситъ всѣ жертвы. Въ физической-же любви важно и нужно только тѣло, хотя и для него дѣлаютъ глупости.

ВТОРАЯ ЖЕНИТЬБА ДМИТРІЯ ИВАНОВИЧА.

Въ 1875 году я одновременно поступила и въ Академію художествъ (еще не преобразованную въ Высшее училище) въ Головной классъ, и въ Рисовальную школу Общества поощренія, во II-й классъ. Въ Рисовальной школѣ я познакомилась и быстро сошлась съ молодой, 17-ти лѣтней, донской казачкой Анной Ивановной Поповой, будущей второй женой Дмитрія Ивановича. Этой-же

зимой она училась еще музыкѣ въ Консерваторіи. Я была на три года старше ея, но ея даровитость, пытливость, любовь къ искусству какъ-то очень скоро сблизили насъ и мы подружились. Про нее, что очень рѣдко, можно сказать однимъ словомъ: — она была очаровательна.

Это была высокая, стройная и статная дѣвушка съ граціозной походкой, густыми золотистыми косами, которыя она носила скромно подвязанными черными лентами у затылка, но онѣ украшали ея красивую голову. Всего-же болѣе украшали ее большіе свѣтлые глаза съ недѣтскимъ серьезнымъ выраженіемъ на дѣтски - округленномъ лицѣ съ нѣжнымъ румянцемъ и густыми красивыми бровями. Голосъ у нея былъ тоже нѣжный и пріятный.

Мы часто встрѣчались съ ней въ Кушелевской галлереѣ, гдѣ съ большимъ интересомъ разсматривали и изучали картины: Рѣпина, Полѣнова, Гуна, Брюллова, Поля Делароша: Кромвель у гроба Карла I, и разговорамъ нашимъ объ искусствѣ не было конца. Мы стали бывать другъ у друга. Анна Ивановна понравилась моей матери. На слѣдующій 1876-й годъ и Анна Ивановна поступила въ Академію художествъ и быстро догнала и перегнала меня. Рисовала она сильно, что технически называлось у насъ по мужски. Жить съ осени она, сговорившись съ моей матерью, стала у насъ. На ея долю мать моя взяла квартиру съ лишней комнатой для нея. Платила Анна Ивановна за столъ и комнату моей матери въ тѣ благодатныя времена 25 рублей въ мѣсяцъ. Консерваторію она оставила, играла только дома, и исключительно занялась рисованіемъ и живописью.

Эту зиму мы провели въ серьезныхъ занятіяхъ. Утро проводили на лекціяхъ въ Академіи: по анатоміи, архитектурѣ, исторіи искусства; возвращались домой, обѣдали и шли опять въ Академію, гдѣ отъ 5 до 7 ч. рисовали съ гипса. Вечерами иногда мы ходили въ театръ, слушали

Патти и Нильсонъ изъ райка въ Большомъ театрѣ, ходили на концерты, литературные вечера. Никогда не забуду, какъ мы попали на тотъ литературный вечеръ въ пользу Литературнаго фонда, гдѣ читали Тургеневъ, Достоевскій, Салтыковъ, Полонскій и Плещеевъ. Дешевыхъ билетовъ уже не было, но намъ очень хотѣлось попасть; мы стояли на лѣстницѣ и медлили уходить. Вдругъ, видимъ, бѣжитъ распорядитель Дм. Вас. Григоровичъ, веселый, оживленный, котораго мы знали по портретамъ и имени. Мы протянули каждая по рублевой бумажкѣ и умоляли пустить насъ постоять гдѣ-нибудь. — Дмитрій Васильевичъ! намъ такъ хочется послушать Тургенева... Достоевскаго... Пустите насъ. Возьмите деньги.

Онъ, улыбаясь, взялъ деньги и провелъ насъ прямо въ ту залу, гдѣ собирались уже Тургеневъ, Достоевскій, Щедринъ и другіе писатели. Мы съ большимъ интересомъ благоговѣйно разсматривали ихъ, и потомъ вблизи съ эстрады ихъ слушали.

Исторію искусства въ Академіи художествъ читалъ намъ тогда Адр. Викт. Праховъ. Онъ читалъ такъ талантливо и интересно, что мы увлеклись искусствомъ древнихъ Египтянъ, и храмы въ Филе, Луксорѣ и богиня Гаторъ—всѣ стали намъ близки и дороги. У проф. Прахова бывали jour fix'ы, онъ приглашалъ иногда на нихъ нѣкоторыхъ учениковъ и ученицъ; пригласилъ и меня съ А. И. Поповой. Молодая жена А. В. Прахова очень мило и радушно относилась къ намъ. Тутъ мы въ первый разъ видѣли вблизи уже извѣстныхъ художниковъ: И. И. Шишкина, Полѣнова, Максимова и слушали прекрасную игру на роялѣ ученика Листа, Михаила Иванова. Мы присутствовали на бесѣдахъ о живописи, о музыкѣ, о литературѣ, и горизонты наши расширялись, и взгляды на искусство дѣлались глубже и шире.

Иногда у моихъ родныхъ бывали танцовальные и

костюмированные вечера, на которыхъ мы веселились и танцовали. Помню, на одномъ изъ вечеровъ Анна Ивановна была очень красива въ голубомъ костюмѣ русской боярышни, въ повязкѣ съ поднизью. Она танцовала русскую такъ хорошо и пластично, что очаровала всѣхъ присутствующихъ. Разъ мы разъигрывали экспромтомъ Фауста въ сценахъ, и Анна Ивановна была прелестной Маргаритой.

Пишу все это для того, чтобы показать, какъ жила Анна Ивановна Попова до встрѣчи съ Дмитріемъ Ивановичемъ. Родомъ она была съ Кавказа, росла на Дону, воспитывалась въ третьей Московской женской гимназіи.

Весной 1877-го года Дмитрій Ивановичъ по обыкновенію отправилъ семью свою, кромѣ сына, который учился въ приготовительномъ пансіонѣ къ Морскому корпусу, въ имѣнье свое въ Боблово, а мать мою съ дѣтьми пригласилъ, какъ всегда, оставить квартиру и для экономіи переѣхать къ нему въ университетъ. Анна Ивановна не имѣла ничего противъ этого переѣзда и радовалась, что мы будемъ ближе къ Академіи художествъ. Всѣ мы, моя мать, ея внучка — гимназистка, братъ, студентъ университета, и я съ Анной Ивановной размѣстились очень удобно въ огромной квартирѣ Дмитрія Ивановича. Я и Анна Ивановна поселились вмѣстѣ въ большой гостиной, выходящей окнами на парадный подъѣздъ университета. Кровать Анны Ивановны отгородили ширмами, а для меня поставили большой диванъ.

И вотъ очаровательная, бѣлокурая девятнадцатилѣтняя дѣвушка поселилась въ домѣ ученаго и сразу сдѣлала на него неотразимое впечатлѣніе и своей красотой, и юностью, и своими наивными и пытливыми вопросами, и выразительной, красивой игрой на роялѣ; онъ все просилъ ее играть Бетховена, котораго любилъ и понималъ.

Анна Ивановна Менделѣева, урожденная Попова.

Съ фотографіи, снятой въ 1881 г.

Къ намъ часто приходила товарка наша по Академіи Ольга Антоновна Лагода, пейзажистка, красивая брюнетка итальянскаго типа. Она вышла потомъ замужъ за художника Шишкина и умерла безвременно черезъ годъ послѣ свадьбы.

Дмитрій Ивановичъ сталъ часто приходить въ нашу комнату. Онъ слушалъ музыку, игралъ съ Анной Ивановной въ шахматы и бесѣдовалъ съ нами всегда о чемъ нибудь новомъ и интересномъ.

Мы скоро разобрали всѣ три, что Дмитрій Ивановичъ увлекся Анной Ивановной, но не придавали этому особенно большого значенія. А увлеченіе это оказалось такъ серьезно, что не могло не произвести важной перемѣны въ жизни Дмитрія Ивановича.

Въ домѣ ученаго, жившаго давно только наукой, въ этихъ комнатахъ со сводами, среди книгъ, ретортъ, колбъ и ученыхъ изслѣдованій, — появилось вдругъ юное талантливое, красивое существо, которое невольно и незамѣтно для него разбудило въ немъ что-то новое, неиспытанное. Много лѣтъ прожилъ онъ, весь отдавшись наукѣ, и вдругъ увидѣлъ этотъ свѣтлый лучъ въ сумеркахъ своей личной жизни. Понятно и естественно, что онъ полюбилъ Анну Ивановну со всею страстностью своей горячей натуры.

И любовь его вскорѣ нашла откликъ въ сердцѣ молодой казачки. Между родными и знакомыми ихъ стали называть: Фаустъ и Маргарита. Дмитрій Ивановичъ и походилъ даже на Фауста до превращенія его въ юношу, въ особенности на Фауста Шеффера съ чашей, въ его кабинетѣ-лабораторіи съ химическими приборами, въ его 43 года, съ длинными волосами и бородой, темной курткой и горящими, сверкающими глазами. А она юная и бѣлокурая очень походила на Маргариту. Но только онъ поступилъ не такъ, какъ Фаустъ. Онъ принесъ и отдалъ

за свою любовь всего себя и пережилъ, перестрадалъ и боролся много.

Наступило лѣто. Анна Ивановна уѣхала къ своимъ родителямъ въ Урюпинскую станицу, Дмитрій Ивановичъ къ себѣ въ Боблово. Но во время разлуки чувство его не уменьшилось, а окрѣпло и выросло. Осенью онъ сталъ бывать иногда у Анны Ивановны и кромѣ, того, желая чаще видѣть ее, устроилъ у себя въ квартирѣ по пятницамъ вечера для молодежи, о чемъ я писала выше, и на нихъ приглашалъ насъ, трехъ подругъ: Анну Ивановну, О. А. Лагоду и меня, моихъ братьевъ студентовъ и ихъ товарищей. Дмитрій Ивановичъ всегда бывалъ очень оживленъ и интересенъ на этихъ вечерахъ.

А между тѣмъ чувство его все росло, какъ ни боролся онъ съ собою, какъ ни хотѣлъ любовь свою обратить только въ дружбу къ юной Аннѣ Ивановнѣ. Съ каждымъ днемъ и съ каждымъ часомъ онъ любилъ ее все сильнѣе и бороться съ любовью дѣлалось ему все труднѣе и труднѣе.

Онъ не могъ и не хотѣлъ скрывать отъ нея своего чувства и прямо говорилъ ей о немъ.

Но въ то-же время онъ сильно и глубоко страдалъ, борясь съ собой, съ своимъ чувствомъ, котораго не въ силахъ былъ побѣдить. Онъ зналъ, что онъ человѣкъ несвободный, зналъ молодость Анны Ивановны, разницу лѣтъ, положенія, жизни. Когда нибудь, если будутъ напечатаны письма его къ его будущей женѣ, всѣ увидятъ, какъ боролся, мучился и страдалъ этотъ сильно чувствовавшій человѣкъ. Всѣ увидятъ, что это была не минутная прихоть, не страсть, а то рѣдкое глубокое чувство, которое становится вопросомъ жизни.

Не буду больше писать объ этомъ, скажу только, что Дмитрій Ивановичъ считалъ дурнымъ скрывать отъ отца Анны Ивановны про свою любовь къ его дочери. Отецъ

Дмитрій Ивановичъ Менделѣевъ.
Съ фотографіи, снятой въ 1881 г.

ея пріѣхалъ и просилъ его порвать все, и Дмитрій Ивановичъ пересталъ видѣть Анну Ивановну, а на слѣдующую осень уѣхалъ на всю зиму въ Біарицъ и Парижъ. Тамъ онъ старался забыть и побороть свое чувство въ работѣ и въ развлеченіяхъ. Добрые друзья его, жившіе тамъ, развлекали его всякими способами, но чувство его все было неизмѣнно.

Такъ длилось около четырехъ лѣтъ. Анна Ивановна, измученная нравственно, любившая сама Дмитрія Ивановича, чтобы положить конецъ всему, рѣшила уѣхать заграницу и тамъ продолжать свои занятія живописью. Это было въ концѣ 1880-го года, а въ началѣ 1881-го жена Дмитрія Ивановича дала ему свое согласіе на разводъ.

И Дмитрій Ивановичъ, начавъ дѣло о разводѣ, уѣхалъ въ Римъ, гдѣ въ это время жила Анна Ивановна.

Послѣ свадьбы Дмитрій Ивановичъ поселился съ женой въ университетской квартирѣ, гдѣ у него родились его младшія дѣти: дочь Любовь, сынъ Иванъ и послѣдніе близнецы Марія и Василій, въ честь матери и дяди его Корнильева. Крестными матерями близнецовъ были двѣ сестры Дмитрія Ивановича: моя мать Екат. Ив. Капустина и Мар. Ив. Попова.

Дмитрій Ивановичъ повелъ свою прежнюю труженическую жизнь ученаго и профессора, а Анна Ивановна сама кормила дѣтей и въ свободное время занималась живописью.

Для развлеченія своей молодой жены Дмитрій Ивановичъ устроилъ у себя среды. На нихъ собирались ученые, художники, а изъ дамъ хозяйка дома, художницы—Михальцева и Иванова—и я. Вечера эти были очень интересны и оригинальны. Изъ ученыхъ на нихъ часто бывали: Анд. Ник. Бекетовъ, Н. А. Меншуткинъ, Вагнеръ, Петрушевскій, Воейковъ, Фаминцынъ, Совѣтовъ, Краевичъ. Изъ художниковъ бывали почти всѣ Передвижники,

и между ними выдѣлялись остроуміемъ, живостью и горячностью въ спорахъ Ярошенко, Крамской, Куинджи, Мясоѣдовъ, Шишкинъ. Болѣе молодые или менѣе блестящіе начитанностью или талантами, какъ Савицкій, Максимовъ, Волковъ, бар. Мих. Петр. Клодтъ, болѣе слушали и помалкивали, какъ и мы, дамы.

Говорили обо всемъ. Немного перефразируя слова поэта А. Толстого, можно сказать, что у нихъ была:

„Ничѣмъ бесѣда не стѣснима.
Они свободно говорятъ
О ненавистномъ игѣ Рима *,
О томъ, какъ царствуетъ развратъ,
О выставкѣ картинъ ихъ новыхъ,
Торговлѣ, мирѣ и войнѣ“...

Иниціаторомъ и душой этихъ бесѣдъ былъ Дмитрій Ивановичъ. Глаза его блестѣли, рѣчь лилась свободно и горячо, громко звучалъ его ясный, низкій голосъ и часто раздавался веселый, непринужденный смѣхъ. Часть этихъ разговоровъ у меня тогда же была записана и вошла въ *мнѣнія и мысли* Дмитрія Ивановича.

Иногда ему приходила идея мирить на разговорахъ объ искусствѣ непримиримыхъ тогда профессоровъ старой Академіи художествъ, Чистякова, бар. Мих. Конст. Клодта и Орловскаго, тоже бывавшихъ у него,—съ Передвижниками, ярыми представителями правды и реальности въ искусствѣ. Споры эти были горячи, язвительны и часто забавны. И сведя враговъ изъ разныхъ лагерей, Дмитрій Ивановичъ и забавлялся, и пытливо искалъ, не родятся-ли проблески истины изъ фейерверка жгучихъ репликъ, горячихъ убѣжденій и ѣдкихъ словъ.

---

* Латинская наука, которую такъ ненавидѣлъ Дмитрій Ивановичъ.

Воспоминанія послѣднихъ 25-ти лѣтъ.

(1882—1907 г.).

Здѣсь я не буду говорить о томъ, какъ изъ года въ годъ шла трудовая жизнь Дмитрія Ивановича. Я намѣчу только главные эпизоды изъ его жизни, богатой не внѣшними событіями, а его разносторонней научной дѣятельностію.

1. Полетъ на воздушномъ шарѣ. 1887 г.

Въ 1887 г. во время полнаго солнечнаго затменія, которое должно было быть хорошо видно изъ Клина, Московской губ., за 17 верстъ откуда было имѣніе Бобловo Дмитрія Ивановича, онъ, какъ многимъ извѣстно, захотѣлъ подняться на воздушномъ шарѣ для наблюденія надъ солнечной короной. Онъ самъ описалъ этотъ свой полетъ, разсказъ о немъ былъ имъ помѣщенъ въ Сѣверномъ Вѣстникѣ и потомъ изданъ отдѣльно. Я-же хочу коснуться нѣкоторыхъ болѣе легкихъ подробностей, касающихся полета.

Дмитрію Ивановичу было уже 53 года, но онъ былъ еще очень бодръ, живъ и энергиченъ. Его младшія дѣти близнецы были еще грудныя тогда, и дѣвочку кормила Анна Ивановна сама. Старшей дочери ихъ въ это время было 5 лѣтъ, сыну 3 года.

Наканунѣ дня затменія, 6-го августа, Дмитрій Ивановичъ съ своимъ старшимъ сыномъ Владиміромъ Дмитричемъ, тогда мичманомъ флота, поѣхалъ въ Клинъ и остановился у тогдашняго городского головы Воронова. Женѣ же и всѣмъ намъ онъ не велѣлъ ѣздить смотрѣть на полетъ, чтобы ему не волноваться; но жена и мы, родные его, жившіе тогда въ Бобловѣ, рѣшили его не послушать

и поѣхали всѣ въ четырехъ тарантасахъ съ ночи, потому что затменіе должно было начаться въ 5 часовъ утра. Дома остались только дѣти, прислуга и старушки: мать моя и мать Анны Ивановны.

Едва начало разсвѣтать, когда мы выѣхали въ осеннюю, уже холодную ночь. Когда же мы подъѣхали къ пустырю въ городѣ, среди котораго колыхался громадный желтоватый, на половину наполненный газомъ шаръ, было уже совсѣмъ свѣтло.

Огромная площадь глухого городка была сплошь полна народомъ: горожанами, дачниками, крестьянами и зрителями, пріѣхавшими изъ Петербурга и Москвы въ экстренныхъ поѣздахъ смотрѣть затменіе и полетъ. Мы стояли въ большой толпѣ, и Дмитрій Ивановичъ насъ не видѣлъ. Около него былъ его сынъ, воздухоплаватель Кованько, тогда молодой офицеръ, и художникъ Рѣпинъ.

Было около 5 ч. утра, но солнце скрывалось за тучами, было сыро, холодно и какъ-то жутко. Дмитрій Ивановичъ былъ веселъ и спокоенъ. Шаръ надувался все больше и больше и походилъ на большую гору, веревки напрягались.

Въ толпѣ около меня стояло нѣсколько мужиковъ. Вдругъ слышу, какъ одинъ изъ привезшихъ насъ Бобловскихъ мужиковъ, Степанъ, котораго Дмитрій Ивановичъ любилъ за обстоятельность и добродушіе, говоритъ съ свойственной ему шутливостью:

— А я ему братъ, Митрію Ивановичу-то.

— Ну, что врешь?

— Ей Богу, правда. Вотъ пойдетъ мимо, сейчасъ меня братомъ назоветъ.

Дмитрій Ивановичъ въ своемъ темномъ драповомъ пальто и круглой шляпѣ, изъ подъ которой развѣвались его волнистые волосы, проходилъ какъ разъ мимо Степана и замѣтилъ его.

— Ну, что, братъ Степанъ? И ты смотрѣть, какъ полечу, — сказалъ онъ.

— Надо поглядѣть, Митрій Иванычъ. Дай вамъ Богъ... Часъ добрый!..

— Вотъ видите, рази не братъ? — торжествующе сказалъ Степанъ, когда Дмитрій Ивановичъ прошелъ. Кругомъ засмѣялись.

Шаръ былъ готовъ. На небѣ стало зловѣще темнѣть. Толпа стояла молча. Кованько отдалъ послѣднія приказанія мужикамъ съ топорами, когда рубить канаты, и влѣзъ въ корзинку, Дмитрій Ивановичъ послѣдовалъ за нимъ. Но шаръ не поднимался.

Дмитрій Ивановичъ что-то сказалъ Кованько. Кованько молча выпрыгнулъ изъ корзины, мы думали еще за какимъ нибудь распоряженіемъ, но канаты обрубили, и шаръ плавно сталъ подниматься въ воздухъ. Дмитрій Ивановичъ, стоя у борта корзины, улыбаясь и кланяясь, махалъ шляпой.

Шаръ сталъ быстро уменьшаться, Дмитрія Ивановича уже не видно. Вотъ шаръ уже маленькая точка, вотъ уже исчезъ въ облакахъ. И въ эту минуту настала зловѣщая коричневая, мутная тьма. На большой площади было тихо, слышенъ былъ только чей-то испуганный вскрикъ и потомъ плачъ. Съ женой Дмитрія Ивановича сдѣлалось дурно, она испугалась, что онъ, не умѣя обращаться съ шаромъ, поднялся одинъ.

Успокоившись немного, она поспѣшила уѣхать домой, къ дѣтямъ. А я и другъ Дмитрія Ивановича, физикъ Краевичъ, остались у городского головы ждать извѣстій.

Въ 5 ч. вечера только была получена телеграмма съ какой-то станціи Николаевской жел. дор. Шаръ видѣли, Менделѣева нѣтъ.—Когда получилась это страшное для насъ извѣстіе и К. Д. Краевичъ прочелъ его, онъ вдругъ зашатался и упалъ въ обморокъ, такъ любилъ онъ друга

своей юности: они вмѣстѣ учились въ Педагогическомъ институтѣ. Въ 7 час. веч. получилась наконецъ телеграмма отъ самого Дмитрія Ивановича:—Спустился благополучно въ 9 ч. утра въ Калязинскомъ уѣздѣ Ярославской губ.

Я сейчасъ-же поѣхала въ Боблово успокоить жену Дмитрія Ивановича. Тамъ опять пришлось пережить тяжелыя минуты. Аннѣ Ивановнѣ тоже сдѣлалось дурно уже отъ радости, что живъ и благополученъ ея мужъ и отецъ ея маленькихъ дѣтей.

Старшій сынъ Дмитрія Ивановича поѣхалъ встрѣчать отца въ Москву и на другой день къ вечеру привезъ его. Звонъ колокольца и бубенчиковъ тройки мы услышали издалека и выбѣжали на крыльцо встрѣчать. Потрясенные нервы Анны Ивановны опять не выдержали, когда Владиміръ Дмитріевичъ первый вбѣжалъ на крыльцо и сказалъ:—Вотъ, привезъ вамъ воздухоплавателя. Аннѣ Ивановнѣ опять сдѣлалось дурно. Двоюродные братья унесли ее поскорѣе въ маленькую столовую, и тамъ я съ трудомъ привела ее въ себя.

Дмитрій Ивановичъ вошелъ въ переднюю, и былъ слышенъ его взволнованный голосъ:

— Гдѣ Анна Ивановна? Гдѣ она?...

Въ Клину мѣстные жители сдѣлали Дмитрію Ивановичу овацію на станціи и по улицамъ, когда онъ ѣхалъ, и хотѣли было выпрячь лошадей и везти его городомъ на себѣ, но онъ не позволилъ.

По сосѣднимъ деревнямъ потомъ бабы любили разсказывать, какъ „Митрій Ивановичъ на пузырѣ леталъ и эту *самую небу* проломилъ, за это вотъ его химикомъ и сдѣлали".

2. Болѣзнь маленькаго сына. 1889 г.

Зимой 1888-го года младшій сынъ Дмитрія Ивановича, двухлѣтній Вася, серьезно заболѣлъ гнойнымъ плевритомъ.

Ему была сдѣлана операція, но ребенокъ все плохо поправлялся.

Весною 1889-го года семья переѣхала въ свое имѣнье Боблово, и дѣти остались на моемъ попеченіи, а Дмитрій Ивановичъ Менделѣевъ съ женой поѣхали въ Англію, гдѣ должна была происходить церемонія посвященія его въ доктора Кембриджскаго университета, и затѣмъ онъ имѣлъ намѣреніе прочесть двѣ публичныхъ лекціи въ Лондонѣ.

Безъ нихъ маленькому Васѣ сдѣлалось вдругъ хуже. Призванный земскій врачъ Орловъ нашелъ, что гнойный плевритъ повторился, на лѣвомъ легкомъ образовался абцессъ и ребенку грозитъ піэмія, гнойное зараженіе крови. Докторъ немедленно телеграфировалъ Дмитрію Ивановичу о необходимости операціи, получилъ его согласіе и, пригласивъ двухъ ассистентовъ, въ дезинфецированномъ кабинетѣ Дмитрія Ивановича въ новомъ его домѣ, очень удачно произвелъ операцію.

Дмитрій Ивановичъ съ женой, получивъ это тяжелое извѣстіе, оставилъ чтеніе лекцій и поспѣшилъ вернуться къ своему смертельно больному сыну.

Въ ночь послѣ операціи родители вернулись домой. Узнавъ отъ меня о томъ, что все благополучно, Дмитрій Ивановичъ на цыпочкахъ вошелъ въ кабинетъ, освѣщенный заставленной лампой, и со слезами на глазахъ издали, чтобы не потревожить ребенка, сталъ крестить его. Видя, что мальчикъ не спитъ, онъ подошелъ ближе и повторилъ нѣсколько разъ:

— Папа пріѣхалъ... Папочка твой пріѣхалъ... Было столько любви, нѣжности и печали въ голосѣ Дмитрія Ивановича, что я никогда этого не забуду.

Вася остался живъ и сталъ медленно, но правильно поправляться. Только въ іюлѣ началъ онъ опять учиться ходить.

Въ этомъ же году осенью была свадьба старшей дочери Дмитрія Ивановича Ольги Дмитріевны, вышедшей замужъ за моряка А. В. Трирогова, а вся семья его и я съ ними оставались для поправлявшагося Васи въ деревнѣ до конца октября.

Дмитрій Ивановичъ такъ любилъ своихъ дѣтей, что всякую небольшую услугу или заботу о нихъ ставилъ очень высоко, онъ все не зналъ, чѣмъ отблагодарить меня за то, что я ходила за больнымъ его ребенкомъ, и на слѣдующій годъ съумѣлъ широко это сдѣлать. Онъ далъ средства на поѣздку моей заболѣвшей племянницы со мной въ Крымъ, въ Гурзуфъ, на всю зиму, гдѣ она и поправилась.

У меня хранится экземпляръ его „Основъ Химіи“ въ золотообрѣзномъ переплетѣ съ его надписью, который онъ подарилъ мнѣ на память въ этомъ же году.

3. Выходъ Дмитрія Ивановича изъ Университета. 1890 г.

Въ 1890 году Дмитрій Ивановичъ пересталъ навсегда читать лекціи въ Университетѣ. Случилось это такимъ образомъ.

Въ Университетѣ начались студенческія волненія. Дм. Ив., желая успокоить студентовъ, согласился взять отъ нихъ петицію для передачи Министру, графу И. Д. Делянову. Не заставъ его дома, оставилъ петицію, а на слѣдующій день получилъ выговоръ. Не считая возможнымъ оставаться послѣ этого профессоромъ Университета, онъ подалъ въ отставку и, не смотря на настойчивыя просьбы Факультета и Совѣта, своего рѣшенія не измѣнилъ. Оставивъ Университетъ, онъ переѣхалъ на частную квартиру въ Кадетскую линію.

Въ это-же время Дмитрій Ивановичъ задумалъ изда-

вать свою газету и подалъ куда слѣдуетъ прошеніе, но и тутъ онъ почему-то казался тогда опаснымъ и получилъ отказъ. Я думаю, газета его была-бы очень интересна, оригинальна и правдива, и навѣрное онъ подобралъ бы талантливыхъ сотрудниковъ.

Вскорѣ Дмитрій Ивановичъ занялся по приглашенію морского вѣдомства работами надъ бездымнымъ порохомъ, который и былъ имъ изобрѣтенъ.

4. Палата мѣръ и вѣсовъ. 1893—1907 г.

Въ 1893 г. Дмитрій Ивановичъ получилъ мѣсто управляющаго Палатой мѣръ и вѣсовъ, которое и занималъ до своей кончины. Онъ построилъ при Палатѣ по своимъ планамъ два дома для помѣщенія служащихъ. Себѣ квартиру онъ выбралъ въ 3-мъ этажѣ, чтобы не ходили надъ его головой, что его раздражало всегда при занятіяхъ. Для себя онъ устроилъ сравнительно скромное помѣщеніе съ небольшими комнатами для семьи. Только кабинетъ былъ большой, такъ какъ необходимо было много мѣста для книгъ. Онъ очень заботился о томъ, чтобы всѣмъ мелкимъ служащимъ, мастерамъ и сторожамъ были удобныя квартирки, особенно семейнымъ.

Въ этой своей квартирѣ Дмитрій Ивановичъ и жилъ послѣдніе годы своей жизни. Онъ покидалъ ее мѣсяца на два лѣтомъ, когда ѣздилъ по дѣламъ заграницу и въ деревню, и зимою на мѣсяцъ или полтора, когда уѣзжалъ для поправленія здоровья въ любимый имъ Каннъ.

Здѣсь въ Палатѣ онъ продолжалъ и свои научныя работы, и издавалъ „Завѣтныя мысли“, и книгу: „Къ познанію Россіи“.

5. Смерть сына. 1899 г.

Въ декабрѣ 1899-го отъ воспаленія легкихъ скончался старшій сынъ Дмитрія Ивановича, Владиміръ Дми-

тріевичъ 34 л. Смерть его была неожиданна: онъ хворалъ всего нѣсколько дней осложнившейся инфлюэнцей и умеръ, вспоминая въ бреду отца и Россію, которую очень любилъ. Смерть старшаго горячо любимаго сына сильно потрясла Дмитрія Ивановича. Вскорѣ умеръ и маленькій внукъ его Дмитрій. Когда еще сынъ его былъ ребенкомъ и онъ хотѣлъ сказать, что цѣнитъ что нибудь, онъ говорилъ:—Какъ Володю люблю.

Послѣ смерти сына онъ сказалъ одинъ разъ:—Володя меня ни разу ничѣмъ не обидѣлъ.

Дмитрій Ивановичъ похороненъ рядомъ съ своимъ сыномъ. Онъ купилъ для себя это мѣсто вскорѣ послѣ его смерти, оно находится близъ могилы его матери Марьи Дмитріевны Менделѣевой.

6. Катаракта. 1903 г.

Глаза Дмитрія Ивановича съ годами стали постепенно слабѣть, онъ началъ плохо видѣть и при чтеніи часто прибѣгалъ къ большой лупѣ, кромѣ обыкновенныхъ очковъ. Но такъ какъ глаза видѣли все хуже, то Дмитрію Ивановичу пришлось обратиться къ спеціалистамъ. Заграницей ему сказали, что у него можетъ быть темная вода, но въ Петербургѣ покойный теперь профессоръ Костеничъ нашелъ, что это только катаракта, и что надо сдѣлать операцію, и тогда Дмитрій Ивановичъ съ помощью очковъ будетъ опять хорошо видѣть.

Въ 1902 году зимой и въ 1903 г. году лѣтомъ Дмитрій Ивановичъ работалъ съ секретаремъ.

Когда онъ уѣзжалъ изъ деревни лѣтомъ 1903-го года, онъ сказалъ сосѣдямъ мужикамъ, провожавшимъ его:

— Ну, братцы, живъ-то на будущій годъ еще буду, а ужъ видѣть, можетъ быть, и шабашъ.

Въ это-же лѣто въ августѣ была свадьба второй его дочери Любови Дмитріевны, которая выходила замужъ за

поэта А. А. Блока, внука А. Н. Бекетова. Свадьба была скромная, семейная. Дмитрій Ивановичъ во фракѣ, лентахъ и звѣздахъ со своими длинными сѣдыми волосами и бородой имѣлъ то размягченное и нѣжное выраженіе лица, которое такъ шло къ нему и выдавало наружу въ такихъ исключительныхъ случаяхъ всю любовь его къ дѣтямъ.

Одно только грустно было на этой свадьбѣ, что онъ уже плохо видѣлъ и все искалъ то жену, то юную дочь свою, больше всѣхъ дѣтей похожую на него чертами лица и синими глазами.

На свадьбѣ былъ и докторъ Орловъ, когда-то спасшій его младшаго сына.

Дмитрій Ивановичъ терпѣливо переносилъ свою временную потерю зрѣнія, онъ былъ покоенъ и бодръ. Онъ диктовалъ секретарю свои „Завѣтныя мысли“, слушалъ чтеніе вслухъ и клеилъ коробки.

Зимой 1903 г. профессоръ Костеничъ сдѣлалъ Дмитрію Ивановичу въ два пріема блестящую операцію глазъ на дому. И вскорѣ Дмитрій Ивановичъ началъ съ помощью очковъ опять работать съ прежней энергіей и увлеченіемъ.

7. Юбилей. 1904 г.

27-го января 1904 г. Дмитрію Ивановичу исполнилось 70 лѣтъ и 50 лѣтъ его научной дѣятельности.

Въ этотъ день къ нему одна за другой прибывали многочисленныя депутаціи съ адресами поздравить его съ днемъ пятидесятилѣтія его трудовой жизни на нивѣ науки. Депутаціи были отъ университетовъ, отъ Академіи наукъ, отъ ученыхъ обществъ, отъ Технологическаго, Горнаго и др. институтовъ, отъ сослуживцевъ и сослуживицъ по Палатѣ мѣръ и вѣсовъ. Все было торжественно и трогательно, но юбиляръ былъ растроенъ и мраченъ. Въ эту ночь началась наша гибельная война съ Японіей и часть

флота нашего уже сильно пострадала. Сначала думали, что всѣ суда наши погибли, и Дмитрій Ивановичъ говорилъ все время только о войнѣ и плакалъ.

— А если англичане вступятся и въ Кронштадтъ придутъ, и я пойду воевать, — говорилъ онъ.

Онъ получилъ въ этотъ день болѣе ста привѣтственныхъ писемъ и телеграммъ изъ всѣхъ частей свѣта, кажется, и вскорѣ послѣ юбилея началъ отвѣчать на всѣ привѣтствія, частію черезъ секретаря, частію самъ.

Онъ сказалъ какъ-то при мнѣ, вскорѣ послѣ юбилея:

— Не могу я напечатать въ газетахъ, что не имѣю возможности поблагодарить лично, потому что я имѣю эту возможность.

При мнѣ-же ему принесли сразу 80 марокъ для отвѣтовъ.

8. Кончина Дмитрія Ивановича. 1907 г.

Въ половинѣ декабря 1906-го г. я получила письмо отъ Дмитрія Ивановича по дѣлу и заплакала надъ нимъ, потому что оно было написано дрожащей рукой, и это меня испугало.

Въ послѣдній разъ я видѣла его 30-го декабря въ день рожденья его младшихъ дѣтей. Послѣ возвращенія его изъ Канна я нашла его окрѣпшимъ и пополнѣвшимъ съ виду и обрадовалась, потому что до отъѣзда заграницу въ эту осень онъ былъ очень худъ и блѣденъ.

За обѣдомъ Дмитрій Ивановичъ былъ спокоенъ, говорилъ о предполагавшейся экспедиціи Вельмана на воздушномъ шарѣ къ сѣверному полюсу. Онъ всегда интересовался этими экспедиціями и самъ одно время хотѣлъ отправиться къ полюсу. Но меня немного обезпокоило то, что онъ сидѣлъ больше молча, не слушалъ нашихъ разговоровъ и смотрѣлъ какимъ-то безучастнымъ взглядомъ.

Въ первой половинѣ января 1907-го года въ Палатѣ

мѣръ и вѣсовъ былъ новый министръ промышленности и торговли Философовъ; Дмитрій Ивановичъ самъ показывалъ ему все въ Палатѣ и, вѣроятно, немного простудился. Нѣсколько дней онъ перемогался. Позванный врачъ Покровскій нашелъ у него сухой плевритъ. Дмитрій Ивановичъ чувствовалъ себя плохо, но все продолжалъ работать и бродить.

Сестра Дмитрія Ивановича Марья Ивановна Попова, узнавъ о его болѣзни, пріѣхала его навѣстить и нашла его очень блѣднымъ и слабымъ.

— Я вошла къ нему, разсказывала она, онъ сидитъ у себя въ кабинетѣ блѣдный, страшный. Перо въ рукѣ.

— Ну, что, Митинька, хвораешь? Легъ-бы ты, сказала она.

— Ничего, ничего... Кури, Машенька, и онъ протянулъ ей папиросы.

— Боюсь я курить у тебя, вредно тебѣ.

— Я и самъ покурю... и закурилъ. А перо въ рукѣ...

Она зашла потомъ къ нему еще разъ и опять видитъ: едва сидитъ, и перо въ рукѣ.

Это перо въ рукѣ, точно ружье у солдата, смертельно раненаго, но остающагося на своемъ посту до смѣны.

Къ вечеру жена его едва уговорила его лечь на диванъ сначала, а потомъ въ постель, съ которой онъ уже не всталъ.

Послѣднія слова, написанныя имъ въ неоконченной имъ рукописи „*Къ познанію Россіи*“ были:

„*Въ заключеніе считаю необходимымъ, хоть въ самыхъ общихъ чертахъ высказать*“...

Пріѣхавшій въ понедѣльникъ поздно вечеромъ профессоръ Яновскій нашелъ у Дмитрія Ивановича воспаленіе легкихъ.

Въ пятницу, 19-го января, въ послѣдній день своей жизни Дмитрій Ивановичъ почти все время былъ въ за-

бытьи, дышалъ очень тяжело и сильно страдалъ, когда приходилъ въ себя. Но всетаки онъ просилъ, чтобы ему читали вслухъ: ему читали въ этотъ день „Путешествіе къ сѣверному полюсу“ Жюля Верна. Если замолкали, когда онъ впадалъ въ забытье, то, приходя въ себя, онъ говорилъ:

— Что-же вы не читаете, я слушаю.

Въ 11 ч. вечера онъ спросилъ гребенку, причесался самъ и потомъ велѣлъ положить гребенку въ столикъ, на мѣсто:

— А то потомъ не найдешь.

Въ часъ ночи онъ выпилъ немного молока, но больше пить отказался. Онъ сказалъ:

— Больше пить не буду...

Я думаю, онъ не зналъ, что онъ умираетъ, онъ не прощался ни съ кѣмъ, и ничего не говорилъ о смерти, хотя вообще онъ не боялся ея и послѣдніе годы часто писалъ и говорилъ о концѣ и дѣлалъ посмертныя распоряженія своей женѣ и дѣтямъ.

А можетъ быть онъ и зналъ, что умретъ, но не хотѣлъ тревожить и волновать заранѣе семью, которую любилъ горячо и нѣжно.

Скончался онъ отъ паралича сердца. Онъ дышалъ сначала очень тяжело, а потомъ все рѣже и тише, и въ 5 часовъ утра его не стало:

„Старецъ великій смежилъ
Орлиныя очи въ покоѣ“...

Когда пріѣхала я, Дмитрій Ивановичъ лежалъ уже въ залѣ на столѣ величавый и спокойный съ сложенными крестомъ руками, и застывшее красивое лицо его, казалось, говорило: Теперь я знаю то, что скрыто отъ васъ, еще живущихъ...

Съ фотографіи, снятой въ августѣ 1905 г.

Во время похоронъ Дмитрія Ивановича самое сильное впечатлѣніе на меня произвела эта несмѣтная толпа народа, провожавшая его къ церкви Технологическаго института и, послѣ отпѣванія, на Волково кладбище. Двигалась она сплошной темной тучей по зимнимъ улицамъ города.

Присутствіе молодежи съ серьезными лицами, съ вѣнками въ рукахъ и съ высоко несенной таблицей періодической системы элементовъ,—это присутствіе молодежи, наиболѣе чуткой и прямой части населенія нашей многострадальной родины—было лучшимъ вѣнкомъ и украшеніемъ на похоронахъ ученаго, трудившагося всю жизнь для своей страны.

Колыханіе вѣнковъ, металлическій гробъ, который студенты, чередуясь, несли на рукахъ до самой могилы, черные флаги на зданіи Технологическаго института, зажженные днемъ фонари, и всюду народъ, юноши, женщины, старики,—все это оставило неизгладимое возвышенное впечатлѣніе. Живъ еще народъ, могуча страна, умѣющая чествовать лучшихъ сыновъ своей родины.

Н. Капустина-Губкина.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О Д. И. МЕНДЕЛѢЕВѢ ЕГО РОДСТВЕННИКА ИННОКЕНТІЯ ДМИТРІЕВИЧА КУЗНЕЦОВА.

Во второй половинѣ октября 1901 года состоялись похороны старшей сестры *Д. И. Менделѣева—Е. И. Капустиной* (род. въ 1816 г.). Небольшой кружокъ родныхъ и знакомыхъ собрался въ одной изъ церквей Волковскаго кладбища въ Петербургѣ. Это былъ печальный день поздней осени; сѣрыя тучи низко нависли надъ кладбищемъ, посыпая его рѣдкими хлопьями мокраго снѣга; какъ слезы, капали изрѣдка тяжелыя капли воды съ вѣтвей оголенныхъ деревьевъ...

Въ началѣ литургіи я вышелъ изъ церкви и на мосткахъ недалеко отъ нея встрѣтилъ Дмитрія Ивановича въ тяжелой мѣховой шубѣ, съ неизмѣнной папироской въ рукѣ. Вскорѣ послѣ начала вялаго разговора, покойный предложилъ мнѣ пройти на могилу его сына, Владиміра Дмитріевича; мы присѣли у этой могилы, и здѣсь мнѣ пришлось выслушать обвинительный актъ отца, огорченнаго раннею смертью своего первенца; Дмитрій Ивановичъ, ссылаясь на здоровый организмъ его Володи, на его прекрасныя легкія, считалъ, что сынъ его „уморенъ“ врачами, дававшими непозволительные пріемы Digitalis... Медленно, слово за словомъ, лилась рѣчь Дмитрія Ивановича. Вотъ онъ замолкъ. Тишина пустыннаго кладбища, близкая могила 30-ти лѣтняго человѣка, элегическая обстановка осени — все это создавало какое-то грустное

впечатлѣніе. Горе чадолюбиваго отца, грусть его объ умершей сестрѣ, мысли, быть можетъ, о собственной близкой кончинѣ—какъ знать, какая причина, но что-то вдругъ точно переродило Дмитрія Ивановича. Онъ всталъ, выпрямился и бодрымъ, свѣжимъ голосомъ, который знакомъ былъ мнѣ по университетскимъ лекціямъ начала 80-хъ годовъ, заговорилъ на тему о будущей жизни. Вотъ что услышалъ я изъ устъ великаго ученаго:

„Недавно, знаете-ли, я получилъ письмо одного американца, лично мнѣ незнакомаго. Онъ писалъ въ немъ, что по литературѣ онъ давно знаетъ и уважаетъ меня, хотя и не имѣлъ возможности встрѣтиться со мною. Тѣ чувства, которыя онъ питаетъ ко мнѣ, позволяютъ ему обратиться съ слѣдующимъ вопросомъ, на который онъ просилъ совершенно откровеннаго отвѣта. У этого американца умеръ самый близкій его другъ, и вотъ онъ, потерявъ своего товарища, спрашивалъ меня, какъ я думаю: можетъ ли онъ разсчитывать встрѣтиться съ своимъ другомъ послѣ смерти, тамъ — въ загробной жизни. Письмо было такъ искренне, что я не могъ не отвѣтить. И — знаете — что я написалъ ему? написалъ въ тотъ-же день, а на слѣдующій далъ уже перевести и отправилъ. Я писалъ такъ:

„Воспитанный въ духѣ православія я хорошо знаю, что говоритъ христіанская церковь о загробномъ существованіи. Но Вамъ я отвѣчу не такъ, какъ меня учили, скажу свое откровенное мнѣніе по этому предмету.

„Всѣ явленія, совершающіяся въ окружающемъ насъ мірѣ, можно отнести къ одной изъ слѣдующихъ трехъ категорій: явленія соотношеній матеріи, энергіи или силы и—духа. Сколько ни пытались подвести явленія послѣдней категоріи къ явленіямъ хорошо извѣстныхъ намъ соотношеній матеріи и силы, это не удавалось; а потому мы должны выдѣлить особо явленія духовныя.

„Тѣ позитивныя науки, въ области которыхъ я вращался въ теченіе всей своей сознательной жизни, убѣждаютъ меня—твердо и непоколебимо—въ томъ, что ни матерія, ни силы не пропадаютъ; онѣ вѣчны, хотя и подвержены постояннымъ измѣненіямъ. Основываясь на простой аналогіи, мы необходимо должны признать, что и явленія духа такъ-же вѣчны.

„Вотъ мое откровенное мнѣніе по Вашему вопросу—писалъ я своему неизвѣстному корреспонденту; судить о томъ, встрѣтитесь-ли Вы съ Вашимъ другомъ за гробомъ, я не берусь; предоставляю рѣшеніе этого вопроса Вашему собственному усмотрѣнію"...

Приблизительно таково было содержаніе послѣдней, такъ сказать, лекціи, Д. И. Менделѣева, которую привелось мнѣ прослушать отъ него въ необычайныхъ, описанныхъ выше, условіяхъ. Она поразила меня своей новизною и глубиною; въ ней звучали новыя мысли, которыхъ не приходилось намъ слышать отъ покойнаго профессора съ его университетской кафедры. Обстоятельство это заставило меня задать Дмитрію Ивановичу нѣсколько вопросовъ, смыслъ отвѣтовъ на которые сводился къ слѣдующему:

Наблюденія надъ „вѣчностью" матеріи и силы показываютъ, что онѣ не исчезаютъ, а подвергаются безконечнымъ превращеніямъ и преобразованіямъ. То-же самое, надо думать, примѣнимо и къ явленіямъ духа. Если христіанство говоритъ объ индивидуальномъ безсмертіи, то подобное ученіе, по мнѣнію Дмитрія Ивановича, надо отнести къ тому „самообольщенію", которое все еще живетъ въ человѣчествѣ со временъ классической древности и которое воспитываетъ въ насъ ненавистный для него „классицизмъ". По словамъ Дмитрія Ивановича, представители образованнаго западно-европейскаго духовенства ясно сознаютъ, что христіанство, наравнѣ со всей

вселенной, подвергается эволюціи и нельзя допустить, чтобы ученіе церкви, съ развитіемъ человѣчества, оставалось на одной и той-же точкѣ, какъ того желаютъ мало просвѣщенныя духовныя лица. Подтвержденіе сказанному Дмитрій Ивановичъ вынесъ изъ бесѣдъ съ однимъ англійскимъ епископомъ на юбилеѣ Кембриджскаго университета, а также съ нѣкоторыми изъ выдающихся русскихъ священниковъ...

Вскорѣ мы стояли у гроба почтенной старушки, слушая надгробныя пѣснопѣнія, а въ душѣ моей звучала фраза, не разъ повторенная на кладбищѣ Дмитріемъ Ивановичемъ: „О, если-бы кому-нибудь удалось хотя отчасти выяснить связь и соотношеніе между явленіями матеріи и духа! Тогда бы мы все поняли и все познали!“

Инв 3439

Оглавленіе.

стр.

Краткій очеркъ жизни родителей Д. И. Менделѣева. Н. Я. Капустиной 1

Письма Марьи Дмитріевны Менделѣевой, матери Дмитрія Ивановича, къ ея дочери Екатеринѣ Ивановнѣ и зятю Якову Семеновичу Капустинымъ 10

Письма ея же къ разнымъ лицамъ 102

Письма Ивана Павловича Менделѣева, отца Дмитрія Ивановича, къ Капустинымъ 118

Письма дяди Дмитрія Ивановича В. Д. Корнильева и его жены къ Ек. Ив. Капустиной 133

Письмо Ив. Ив. Менделѣева, брата Дмитрія Ивановича, къ Капустинымъ 139

Письма сестеръ Д. И. Менделѣева къ Е. И. Капустиной. . 140

Отрывки изъ журнала Ек. Ив. Капустиной, сестры Дмитрія Ивановича 150

Воспоминанія о Дмитріи Ивановичѣ Менделѣевѣ племянницы его Надежды Яковлевны Капустиной-Губкиной . . . 162

I. Воспоминанія дѣтскія . . . . . —

II. Воспоминанія юношескія 1872—1882. 175

Наружность и черты характера Дмитрія Ивановича. 176

Образъ жизни Дмитрія Ивановича 184

Мысли и мнѣнія Д. И. Менделѣева 196

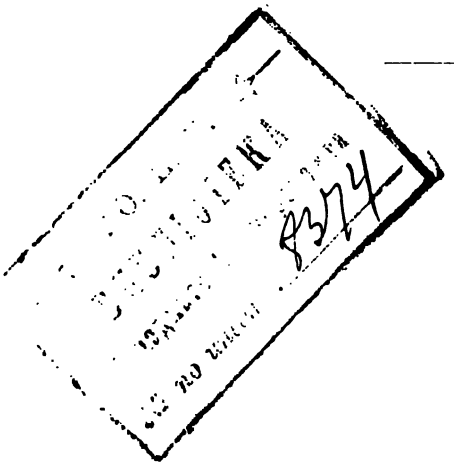
Вторая женитьба Дмитрія Ивановича. 213

III. Воспоминанія послѣднихъ 25 лѣтъ (1882—1907). 221

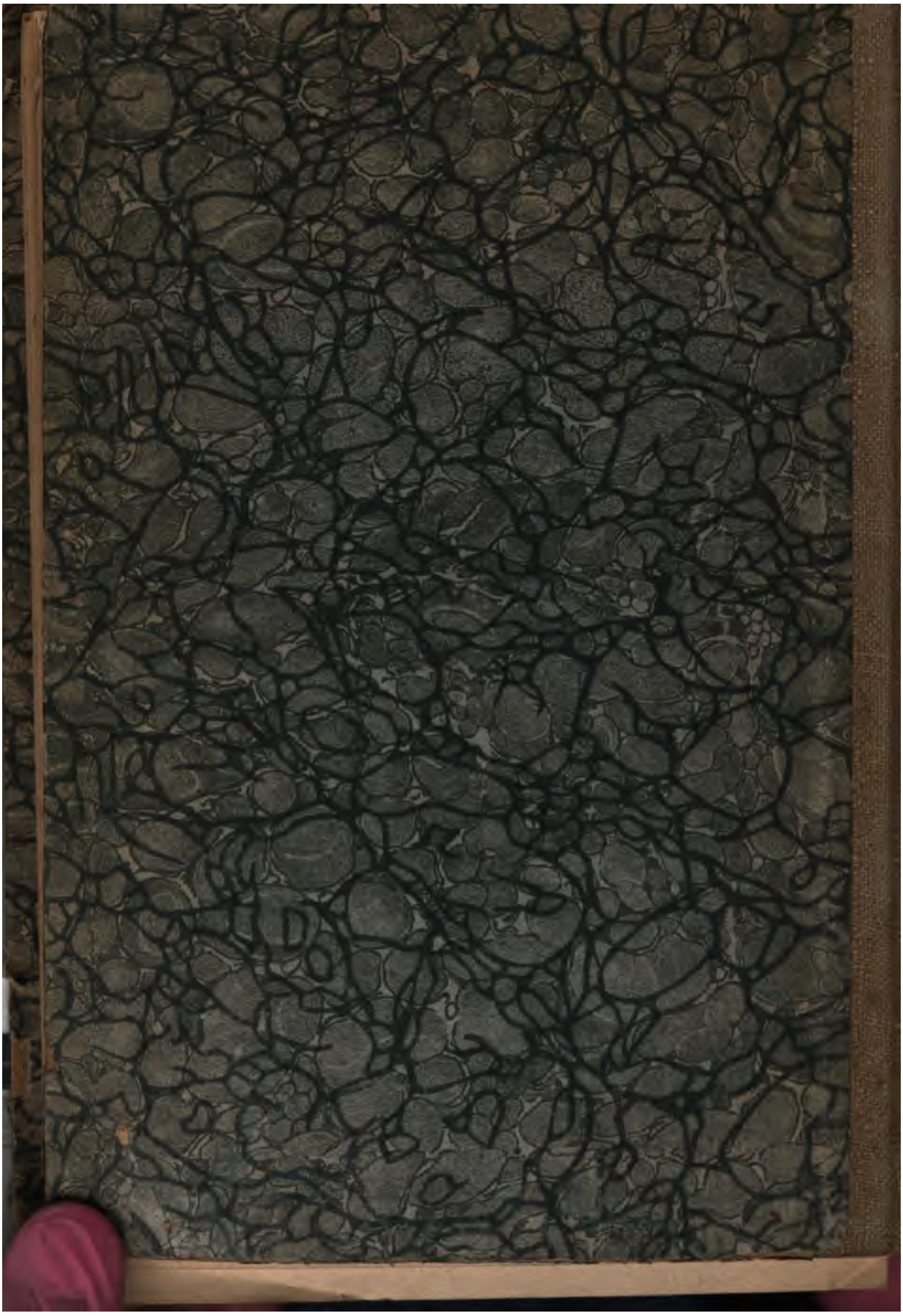
Полетъ на воздушномъ шарѣ 1887 г. . . . . —

Болѣзнь маленькаго сына 1889 г 224

Выходъ Дм. Ив. изъ Университета 1890 . . . 226
Палата мѣръ и вѣсовъ 1893—1907 227
Смерть сына 1899 г. . . . . —
Катаракта 1903 г. 228
Юбилей 1904 г 229
Кончина Дмитрія Ивановича. 1907 г. 230
Изъ воспоминаній о Д. И. Менделѣевѣ. И. Д. Кузнецова . 234



QD 22 .M43 P3
Semeinaia khronika v pismakh m
Stanford University Libraries
3 6105 041 615 167

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.